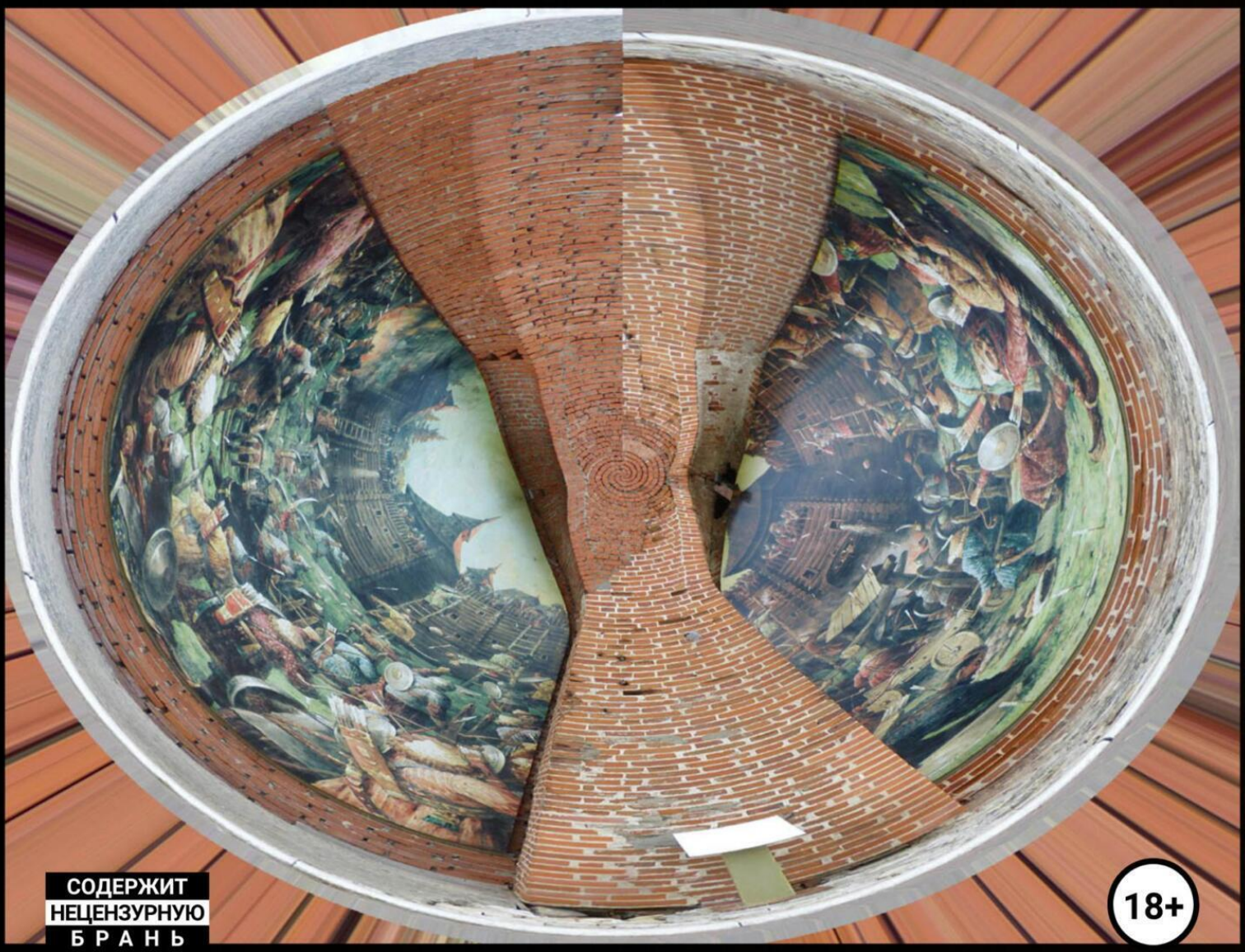
Исторический калейдоскоп 1: Русь и Россия



Д. В. Амурский

Дмитрий Амурский

Исторический калейдоскоп
1: Русь и Россия

«Автор»
2023

Амурский Д. В.

Исторический калейдоскоп 1: Русь и Россия / Д. В. Амурский — «Автор», 2023

В эту книгу вошли эпизоды из истории нашей страны, удивившие или восхитившие меня. Всего их нашлось более сотни. Какие-то из них более известны, какие-то — менее. Предлагаю их вашему вниманию.

© Амурский Д. В., 2023
© Автор, 2023

Содержание

Исторический калейдоскоп 1: Русь и Россия 5
Предисловие 5
Древние крепости на южном берегу Ладожского озера 6
Как Воробей победил Соловья 9
Златники, сребреники, куны и гривны 11
Зачем крестили умерших? 13
Записки охотника 15
Дочь короля Гарольда, или Генеалогический казус 16
Один из первых белокаменных храмов Северо-Восточной Руси 17
Как Долгорукий и Боголюбский с Новгородом воевали 26
Где убили великого князя Андрея 31
Муж царицы Тамары 40
Из жизни средневекового переписчика 43
Благословение перед Куликовской битвой 45
Обломки колокола и могилы героев 47
Самые древние здания Москвы 49
Кем же был ябеда на самом деле? 52
Магдебургские, Сигтунские или Корсунские? 54
Что историки действительно знают про Андрея Рублёва? 57
Как поклонник Савонаролы стал русским писателем 67
Первые выборы жены великого князя Московского 69
Средневековое русское градостроительство 71
Иван Грозный был композитором 74
И кто из них более the Terrible? 77
Благодарность Татищева 79
Тушинские перелёты 80
Были женщины в русских селеньях 82
Монашество для состоятельных господ в XVI веке 84
Раннее книгопечатание и прибыль 88
Давние традиции "кормления" местных властей 90
Судьба российского писателя в середине XVII века 92
История одной дворянской фамилии 95
Такое звучное слово 96
Судьба предателя 97
Не только по фамилии, но и по имени с отчеством! 100
Конец ознакомительного фрагмента. 109

Дмитрий Амурский
Исторический калейдоскоп
1: Русь и Россия

Исторический калейдоскоп 1: Русь и Россия

Предисловие

Мне нравится читать литературу, посвящённую истории. Погружение в прошлое позволяет лучше понимать те процессы, которые происходят в наше время, ведь люди почти не изменились за последние две-три тысячи лет. Нами движут всё те же самые мотивы: кто-то жаждет власти, кто-то – самоутверждения, для кого-то жизнь – это способ изведать все возможные удовольствия, в то время как основная масса народа лишь борется за собственное выживание.

Иногда мне попадались факты, которые по каким-то причинам производили сильное впечатление. Ведь бывает, что читаешь некий серьёзный текст – и не испытываешь ни малейшего эмоционального отклика. Но встречаешь какой-то маленький эпизод – и он тебя чем-то цепляет. Профессиональным историкам подобные эпизоды хорошо известны, но в школьные учебники они попадают не часто в силу своей незначительности на фоне чрезвычайной обширности школьной программы по этой дисциплине. Это капли в море всемирного исторического процесса, но благодаря таким каплям можно ощутить дух эпохи, чего зачастую не позволяют учебники. Я отыскивал подобные случаи, курьёзы и анекдоты несколько лет, пока их не набралось на пару книг. Теперь же захотелось собрать их все вместе.

В эту книгу вошли эпизоды из истории нашей страны, удивившие или восхитившие меня. Предлагаю их вашему вниманию.

Древние крепости на южном берегу Ладожского озера

Одной из древнейших славянских крепостей была Любшанская, расположенная на возвышенности правого берега реки Волхов при впадении в него речки Любша. На этом холме ещё в VI – VII веках н. э. находилось укреплённое поселение одного из финно-угорских племён, представлявшее собой деревянный острог с тыном на валу. Есть данные, что каменная вымостка первоначального вала острога существовала уже в III или IV веке н. э.

В начале VIII века финно-угорский острог сожгли, и на его месте на каменном основании построили крепость: глиняный вал высотой около 3 метров, укреплённый двумя подпорками из свободно сложенных камней. На этом валу поставили защитную стену из деревянных клетей (бревенчатый каркас с утрамбованной землёй внутри). Общая высота оборонительного сооружения составляла до 7 метров.

По археологическим данным получается, что Любшанскую крепость в начале VIII века выстроили славяне. Выглядела эта твердыня приблизительно так: на высоком холме возле места, где Любша впадала в Волхов, поднимались две деревянные башни, соединённые частоколом на каменном основании с глиняным валом. Крепость имела форму капли, узкой частью направленной к месту слияния рек. Обе башни стояли со стороны Волхова.

В то время уровень Ладожского озера был выше современного на 5 – 10 метров, так что путь от крепости до большой воды был короче, а почти высохшая ныне река Любша была полноводной, что делало возможным судоходство. Крепость позволяла контролировать устье Волхова. А ещё в ней имелись железноделательное, кузнечное и ювелирное производства.

В 753 году в двух километрах выше по течению Волхова (дата получена методом денрохронологии) появилось небольшое неукреплённое поселение. Археологические данные позволяют утверждать, что его основали скандинавы, предположительно – с острова Готланд. Место этого поселения как минимум до начала VIII века находилось под водой, так что никаких более ранних следов материальной культуры I тысячелетия н. э. там быть не может. Поверх торфяного слоя поселенцы укладывали деревянные мостки. Помимо жилых построек столбовой конструкции в этом поселении имелась ювелирно-слесарная и литейная мастерская. На плане это место называется Земляным городищем Старой Ладоги.

В 760 году (дата получена методом дендрохронологии) скандинавское поселение на месте Земляного городища атаковали и сожгли. Поскольку после этого там начали строить жилые постройки срубной конструкции, историки сделали вывод, что на скандинавов напали славяне и сделали поселение своим форпостом. Мы называем это поселение Старой Ладогой, хотя до 1704 года оно именовалось просто Ладогой. Но всё дело в том, что Пётр I основал в устье Волхова город Новая Ладога и переименовал Ладогу в "Старую Ладогу", лишив её статуса города и права иметь собственный герб, а многим ладожанам повелел переехать на жительство в Новую Ладогу. С тех пор древнее поселение остаётся селом.

С 780-х – до второй половины 830-х годов на Земляном городище существовала стеклодельная мастерская, работавшая на привозном сырье по арабской технологии. Производили на ней глазчатые бусы, которые использовались и как украшение, и как платёжный эквивалент. Таким образом, происходил тройной товарообмен: местные жители покупали у арабов золу солончаковых растений и делали бусы, бусы меняли у финских охотников на меха, а меха продавали арабским купцам за дирхемы. Помимо этого, арабское серебро можно было отоварить на что-нибудь полезное в Северной Европе, где дирхемы пользовались большим спросом.

Интересно отметить, что в соседней Любшанской крепости археологи обнаруживали бусы совсем другого образца: кубовидные, из голубого и фиолетового стекла. Глазчатые бусины из Старой Ладоги там практически не находили.

Приблизительно в 840 году Старая Ладога была уничтожена пожаром, после чего в слоях, относящихся к 840 – 865 годам, обнаруживаются остатки построек столбовой конструкции и предметы, связанные с варягами. Интересно отметить большое количество игрушечных деревянных мечей в этих слоях (их было найдено более трёх дюжин). Эти мечи достаточно точно передают форму оригинального настоящего оружия, которое использовали скандинавы, германцы и западные славяне. Таким образам, можно сделать вывод о варяжской оккупации Приладожья. В Любшанской крепости в слое золы, относящемся примерно к тому же времени, была обнаружена скандинавская стальная шиловидная стрела для пробивания кольчуги.

Между 863 и 871 годами Старая Ладога вновь подвергается опустошению, сопровождавшемуся сильным пожаром. Это можно связать со следующим текстом из "Повести временных лет":

"*Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: "Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву". И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а ещё иные готландцы, – вот так и эти. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: "Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами". И избрались трое братьев со своими родам, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Белоозере, а третий, Трувор, – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же – те люди от варяжского рода, а прежде были словене.*"

Но, теоретически, это разрушение Старой Ладоги может и не иметь отношения к изгнанию варягов и приглашению Рюрика.

Согласно сообщениям Ипатьевской и Радзивилловской летописей, в 862 году на месте впадения реки Ладожка в Волхов Рюрик построил деревянную крепость ("срубиша город Ладогу"), где разместился вместе со своей дружиной перед тем, как идти дальше на юг по Волхову. А когда Трувор и Синеус умерли, Рюрик поднялся вверх по Волхову и построил крепость на месте поселения ильменских славян VIII – IX веков. Ныне это место именуется Рюриковым городищем. В Радзивиловской летописи данные события описывались так:

"*И избрашася 3-е брат(ь)я з роды своими, и пояша собѣ всю русь, и придоша к словеном первое, и срубиша город Ладогу, и сѣде в Ладозѣ старей Рюрикъ, а другий сиде у нас на Белѣозере, а третий Труворъ въ Изборьску. И о тѣх варягъ и прозвася Рускаа земля, Новгород. Тии сут(ь) люд(и)е новгородци от рода варежска преж(е) бо бѣ.*

По двою же лѣту умре Синеусъ и братъ его Труворъ, и прия всю власть Рюрикъ одинъ, и пришед ко Илмерю, и сруби город(о)къ над Волховом, и прозва Новъгород, и сѣде ту кн(я)жа, раздаа волости мужемъ своим, и городы рубити: овому Полтескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. "

Что же касается Любшанской крепости, то из-за падения уровня Ладожского озера и высыхания реки Любши значение этой твердыни падало. Во второй половине IX века данный форпост и вовсе оставили. А устье Волхова стала успешно контролировать Старая Ладога, сделавшаяся первым стольным градом Рюрика.

Вещий Олег тоже неоднократно бывал в Старой Ладоге. По одной из версий, он был похоронен чуть севернее этой крепости, под десятиметровым курганом. Могила Вещего Олега является популярной местной достопримечательностью. В 1820 года рядом с этим курганом проводились раскопки. Были найдены несколько сожжённых костей, двушипный черешковый наконечник копья, датирующийся VIII – началом IX веков, кусок железа, похожий на задвижку в замке. Археологи сделали выводы, что все эти предметы относятся в IX веку, что исключает какую-либо связь данного кургана с Олегом.

С кургана открывается прекрасный вид как на Старую Ладогу, так и на место, где располагалась Любшанская крепость.

В скандинавских сагах Старая Ладога именовалась как Aldeigjuborg. Первым известным упоминанием этого слова считается "Сага об Олаве Трюггвасоне", записанная монахом Оддом на латыни приблизительно в 1190 году. Но слово Aldeigja появляется в скальдических стихах ещё раньше – оно отмечено в висе из поэмы Эйольва Дадаскальда "Bandadrápa", сочинённой приблизительно в 1010 году. Исследователи считают, что сначала возникло название реки, затем города и лишь затем озера. Как скандинавы и славяне называли Любшанскую крепость – пока ещё неизвестно.

В более поздние времена Старая Ладога могла выглядеть примерно так: возвышенность на мысу, окружённом водами Волхова и Ладожки, была обнесена каменными стенами с пятью башнями. К небольшой цитадели с юга примыкало земляное городище, более обширное и вместительное, но хуже защищённое. Позже городские постройки перебрались и на северный берег Ладожки. Всего Старая Ладога в период расцвета протянулась вдоль западного берега Волхова более чем на два километра.

Из-за того, что Старая Ладога находилась на северных рубежах страны, на неё постоянно нападали шведы. Это не позволяло городу развиваться. А когда шведские нападения прекратились – Пётр I заложил другие города, более удобно расположенные, и Старая Ладога полностью потеряла своё важное значение.

Как Воробей победил Соловья

В "Истории Российской", написанной Василием Никитичем Татищевым в первой половине XVIII века, упоминается такой эпизод.

Великий князь киевский, Владимир Святославич, решив ввести на Руси христианство, отправил в Новгород вместе с епископом Иоакимом ещё и своего дядю Добрыню с солидный военным отрядом. Добрыня много лет был в Новгороде посадником, а ещё раньше, когда Владимир княжил в этом городе, являлся правой рукой юного князя и фактически контролировал все местные дела.

Новгородские жители, узнав о том, что им предстоит, собрали вече и поклялись на нём не пустить в город посланников киевского князя и не дать им низвергнуть местных идолов. Больше всех возмущал людей верховный жрец Богомил, названный за свою способность красиво говорить Соловьём. Его искусные речи и побудили новгородцев пойти против воли Владимира.

Софийскую и Торговую стороны Новгорода разделяет река Волхов. В 989 году их соединял только мост на деревянных свайных опорах. Противники крещения укрепились на Софийской стороне и разобрали часть моста. Когда же Добрыня с христианскими миссионерами появились на Торговой стороне, сторонники Богомила-Соловья поставили на неразобранной части переправы два камнемёта с запасом камней и приготовились обстреливать любого, кто попытается проникнуть на Софийскую сторону.

Добрыня сначала действовал осторожно. Люди епископа Иоакима под охраной дружинников обходили дома и дворы Торговой стороны, уговаривая местных жителей принять крещение. За два дня им удалось окрестить несколько сотен человек. Это вызвало вспышку гнева новгородской верхушки. Тысяцкий Угоняй ездил по улицам Софийской стороны и призывал народ к активным действиям против крещения. Но так как от дружинников Добрыни их отделяли воды Волхова, то всё негодование возмущённой толпы обратилось против имущества бывшего посадника. Народ разграбил дом Добрыни и его имение, а всех его родственников, которые попались при этом, включая жену, избили.

Пришлось Добрыне принимать срочные меры. Ночью он отправил отряд в пять сотен дружинников из Ростова под руководством тысяцкого Путяты, чтобы те на ладьях скрытно переправились через Волхов выше по течению, как можно тише вошли на Софийскую сторону и схватили тех, кто руководил восставшими новгородцами.

Этот план увенчался успехом. Дружинников Добрыни обитатели Софийской стороны приняли за своих. Путяте удалось захватить Угоняя и нескольких его приближённых и переправить их на Торговую сторону. Когда же восставшие узнали, что остались без руководства, то начали призывать к сопротивлению всех, кто только мог взять в руки оружие. Отряд Путяты был окружён превосходящими силами новгородцев и вынужден был отбиваться, напрягая все свои силы. В это время часть восставших, возможно, науськиваемых Богомилом-Соловьём, бросилась к деревянной церкви Преображения Господня, разметала этот храм по брёвнышку, а потом приступила к разграблению домов христиан.

В суматохе новгородцы забыли о переправе. У камнемётов в тот момент никто не дежурил. Пользуясь этом, Добрыня перевёз основные свои силы на ладьях и вступил на Софийскую сторону. На помощь отряду Путяты он не успевал, поэтому приказал поджечь дома на берегу Волхова. Пожар устрашил новгородцев. Они бросились тушить свои жилища, а их вожди отправились к Добрыне просить мира.

Говорят, что именно тогда родилась поговорка "Путята крестил мечом, а Добрыня огнём".

Добрыня, обретя полный контроль над Новгородом, запретил любые грабежи. После этого он начал уничтожать идолов, которым ранее поклонялись новгородцы. Забавно отметить, что часть из них установил именно Добрыня, когда был посадником. Точно известно, что идола Перуна в Перыни водрузил в 980 году именно он. Но когда воля князя изменилась, дядя без малейших колебаний стал выполнять новые указания племянника Владимира. Деревянных идолов сжигали, каменных разбивали, после чего обломки выбрасывали в Волхов.

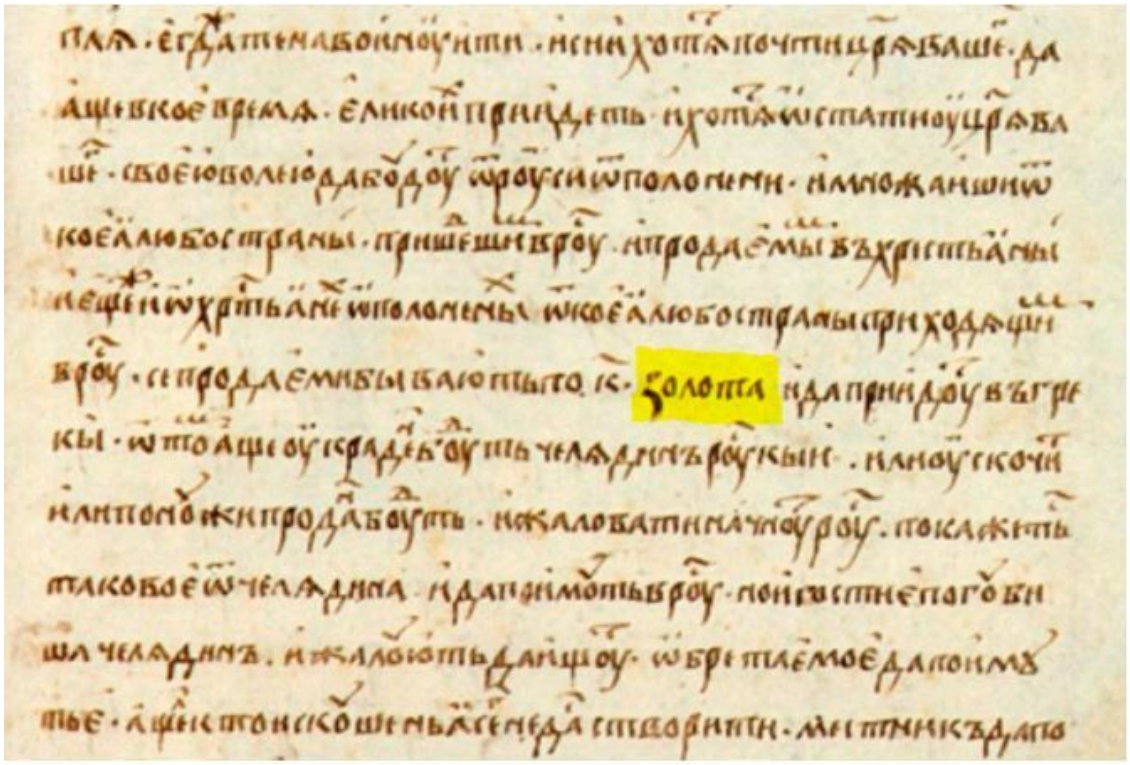
Понятно, что местные жители, привыкшие к своим древним богам, находились в величайшем унынии. И тут очень пригодился сын Стояна Воробей, который воспитывался при дворе князя Владимира Святославича и, вероятно, получил хорошее по тем временам образование. Он ходил по Новгороду и уговаривал местных жителей принять крещение. При этом был он так убедителен и так красноречив, что многие, действительно, забыли о доводах Богомила-Соловья и отправились к берегу Волхова, где Добрыня направлял мужчин выше моста, а женщин ниже моста. А миссионеры епископа Иоакима крестили новгородцев в водах реки. В информационно-пропагандистской кампании победу одержал Воробей Стоянович, чьи доводы подкреплялись грозными дружинниками Добрыни…

Мнения современных историков по поводу этого эпизода различаются порой диаметрально. Поскольку летописный источник, послуживший основой для текста Татищева, не дошёл до наших дней, некоторые считают, что его никогда и не существовало. Среди самых известных учёных, которые придерживаются такой точки зрения, можно назвать Алексея Петровича Толочко. Очень критически относится к данному эпизоду из "Истории Российской" и Сергей Викторович Алексеев. Он указывал на противоречивость сообщения и на его редакцию Татищевым. Но вот академик Борис Александрович Рыбаков считал, что у составителя Иоакимовской летописи мог быть в руках какой-то недошедший до нас более ранний источник, сообщавший сведения, часть которых блестяще подтверждена археологическими данными. А Валентин Лаврентьевич Янин, который посвятил исследованию средневекового Новгорода более полувека, отметил, что наличие в описании этого эпизода отдельных реалистических деталей, находящих археологическое подтверждение, позволяет относиться к Иоакимовской летописи, как к источнику, который опирался на какую-то достаточно устойчивую древнюю традицию.

А мне же хочется отметить, что Воробея Стояновича иногда называют родоначальником древнего боярского рода Воробьёвых, с которыми связано название одного очень известного места в российской столице.

Златники, сребреники, куны и гривны

Древнейшей известной нам монетой, которая чеканилась в древнерусском государстве, является златник. Чеканили такие монеты в Киеве с восьмидесятых годов X века. Как их точно называли наши предки – неизвестно. Само слово "златник" придумали нумизматы уже много веков спустя. Потом это слово использовалось историками для именования золотых византийских солидов (номисм) или арабских динаров. В тексте русско-византийского договора от 911 года явно видно слово "золота",



хотя специалисты переводят этот фрагмент так:

"*Если же будет набор в войско и эти (русские) захотят почтить вашего царя, и сколько бы ни пришло их в какое время, и захотят остаться у вашего царя по своей воле, то пусть так будет.*

Еще о русских, о пленниках. Явившиеся из какой-либо страны (пленные христиане) на Русь и продаваемые (русскими) назад в Грецию или пленные христиане, приведенные на Русь из какой-либо страны, – все эти должны продаваться по 20 **златников** *и возвращаться в Греческую землю. Об этом: если украден будет челядин русский, либо убежит, либо насильно будет продан и жаловаться станут русские, пусть докажут это о своем челядине и возьмут его на Русь, но и купцы, если потеряют челядина и обжалуют, пусть требуют судом и, когда найдут, – возьмут его. Если же кто-либо не позволит произвести дознание, – тем самым не будет признан правым*".

На там самом златнике на аверсе изображён довольно схематичный портрет Владимира Святославича. По ободу монеты написано "Володимир на столе". Ещё хорошо различим личный знак князя Владимира в виде трезубца.

На реверсе той монеты отчеканен Иисус Христос и сверху подписано "ІСУСЪ ХРИСТОСЪ".

Также были найдены два златника, у которых на аверсе фигурировала другая надпись: "ВЛАДИМИРЪ А СЕ ЕГО ЗЛАТО".

Можно предположить, что в Киевской Руси такие монеты назывались просто "злато".

Златники делали по образцу и подобию византийских солидов. Даже масса у них была почти такая же, от 4 до 4.4 граммов.

Но в то же самое время при князе Владимире чеканились и сребреники. Это название тоже условное, придуманное значительно позже. Есть мнение, что в Киевской Руси такие монеты назывались кунами или сребром.

Сначала их чеканили из арабского серебра по образцу дирхема (массой, в-основном, от 2 до 3 граммов), но со штемпелем, повторяющим златники. На аверсе так же изображался князь Владимир, над которым по кругу шла надпись "Владимир на столе, а се его сребро".

На реверсе выбивали портрет Иисуса Христа.

Но позднее вместо Иисуса Христа на реверсе сребреников стали изображать личный знак князя Владимира в виде трезубца.

Сребреники или куны чеканили в Киевской Руси до XII века, когда наступил так называемый "безмонетный период". По поводу происхождения слова "куна" есть две версии. Первая, основная, связывает это слово со шкуркой куницы, которая стоила как раз один дирхем. Интересно отметить, что денежная единица Хорватии до сих пор именуется куной.

Но есть и вторая версия, менее популярная. Она гласит, что слово "куна" ещё имело значение "горсть" или "пригоршня", что роднит его с греческим словом "драхма", имевшим то же самое первоначальное значение. Т. е. куна есть русская калька со слова драхма.

В XI веке в Киевской Руси сложилась своеобразная денежная система.

Самым весомым средством платежа была гривна серебра. Она весила приблизительно 200 грамм.

Гривну серебра можно было разделить на четыре гривны кун. Каждая гривна кун весила приблизительно 50 грамм.

Гривну кун делили на 20 ногат, или на 25 кун, или на 50 резан, или на 100 вервиц.

Но князья постоянно уменьшали содержание серебра в монетах, поэтому к началу XIII века в гривне кун содержалось уже 50 кун.

Кроме того, различались разные гривны. К примеру, киевская гривна имела форму шестиугольника и весила приблизительно 165 грамм.

Новгородская была похожа на скруглённую палочку Twix и весила 204 грамма.

А черниговская гривна по форме была ближе к киевской, но при этом весила как новгородская.

Мне трудно представить, как наши далёкие предки справлялись с товарно-денежным обменом при таком обилии и такой нестабильности денежных единиц, но у них это получалось. Из этого можно сделать вывод, что жители Киевской Руси были очень толковыми и разумными. Как писал выдающийся историк и археолог Валентин Лаврентьевич Янин, весы и гирьки, скорее всего, были у каждого купца домонгольского периода. Обращение серебра шло по весу. Были найдены кошельки, в которых имелось по два десятка гирек-разновесок. Железные гирьки покрывали медью, чтобы защитить от коррозии. А ещё на них наносились отметки, "глазки". Это позволяло привести в систему их использование.

Самыми мелкими разновесками того времени были бусины. Найдены хрустальные бусины массой в одну куну, в две куны, в четыре куны, в три резаны и так далее.

Зачем крестили умерших?

В 393 году на церковном соборе, который прошёл в Гиппоне-Регии, были приняты некоторые важные догматы христианского учения и утверждён библейский канон. Но хотелось бы особенно отметить четвёртый догмат, который был сформулирован так:

"*Не следует ни давать мёртвым Евхаристии, ни совершать над ними крещения*".

Это положение почему-то было так важно для христианских теологов, что четырьмя годами позже его подтвердили на Карфагенском соборе 397 года (26-е правило).

Иоанн Златоуст отмечал, что крещение умерших практиковали последователи Маркиона Синопского: если оглашенный умирал до крещения, то к его телу обращались с вопросом, желает ли он принять крещение, и кто-нибудь из собравшихся отвечал положительно, после чего его крестили вместо умершего. Маркионитов признали еретиками ещё в III веке н. э., однако же крещение умерших время от времени устраивали для особенных персон. Так, существует легенда о том, что римский папа Григорий I молился за душу императора Траяна, вспомнив о его милосердии, что некоторые средневековые авторы трактовали как крещение умершего. А король Дании, христианин Харальд I Синезубый, вроде бы как покрестил останки своего отца, язычника Горма Старого, чтобы иметь возможность похоронить его под полом христианской церкви в Еллинге.

В 1044 году великий князь Киевский Ярослав Владимирович распорядился достать из погребальных курганов останки двух князей, своих дядей, Ярополка Святославича и Олега Святославича, и покрестить их кости. Оба этих князя погибли до того, как их младший брат Владимир принял христианство. Мать Святослава Игоревича, княгиня Ольга, была христианкой. Но вряд ли бы она отважилась покрестить своих внуков, зная, как скептически относится к этой религии её сын. Известно, что Святослав Игоревич после смерти матери и церкви христианские разрушал, и христиан в своей дружине не терпел (в тексте мирного договора, заключенного в 971 году в Доростоле, Святослав клянётся лишь именами Перуна и Волоса, хотя в более ранних договорах с Византией часть дружинников русских князей клялась исполнять их положения в христианских церквях).

Но зачем Ярославу Мудрому потребовалось прибегать к столь странным действиям? В Киеве к тому моменту уже находился греческий митрополит Феопемпт, наверняка знакомый с постановлениями важнейших церковных соборов прошлых лет. Такое нарушение христианских канонов с последующим захоронением бывших язычников в Десятинной церкви, которую Феопемпт переосвятил в 1039 году, не могло совершаться без ведома митрополита. Значит, политическая необходимость перевешивала все остальные доводы.

В июне 1042 года в Византии взошёл на императорский престол Константин IX Мономах. Одним из тех, кто пострадал после смены власти в империи, стал варяжский гвардеец Харальд, которому пришлось вместе с дружиной бежать из Константинополя в Киев. Харальд служил Ярославу Владимировичу в 1031 – 1034 годах, так что на Руси его приняли очень тепло. Как только представилась возможность объявить войну Византии, Харальд вместе с сыном Ярослава Владимиром отправился в поход на Царьград. Вот только удача в тот раз была на стороне византийцев.

Возможно, крещение и захоронение останков князей Ярополка Святославича и Олега Святославича в Десятинной церкви было неким сигналом для императора Константина о готовности Руси к переговорам. Так сказать, пряником. Есть версия, что это также сопровождалось взятием Корсуни в 1044 году в качестве кнута. А варяг Харальд мог напомнить Ярославу о том, как Харальд I Синезубый когда-то крестил останки своего отца.

В то же время нельзя исключать вероятность того, что Ярослав проявлял уважение к памяти своих давно умерших родственников, желая исключить обвинения в убийстве родных

братьев Бориса и Глеба. Междоусобица 1015 – 1019 годов была крайне жестокой, но время прошло, очевидцев событий становилось всё меньше, и можно было внедрять в массовое сознание более удобную для великого князя версию произошедшего (если он действительно был причастен к братоубийству).

Но это всё лишь предположения. Реально мы можем лишь отметить, что власть великого князя Киевского в середине XI века была столь велика, что он мог при необходимости нарушать церковные каноны и никто не смел ему возражать. Даже приехавший из Византии митрополит Феопемпт.

Записки охотника

Один человек на склоне лет решил поделиться своей мудростью с потомками, а заодно и рассказать о самых запоминающихся случаях из своей жизни. А поскольку он был страстным охотником, то не обошлось без рассказов об охоте.

Верхом на коне этот охотник за день делал по полторы сотни километров, причем такое было для него не редким подвигом, а обычным делом. Диких коней он ловил собственными руками, и счёт пойманным скакунам шёл на десятки. Ходил он на диких быков и попадал под сильнейшие удары их рогов. Его бодали олень и лось. Однажды этого охотника атаковал огромный дикий кабан и лишь отменная реакция помогла человеку отскочить в сторону. Но вепрь сорвал ему с бедра меч, что показывает, насколько реальной была смертельная угроза.

Охотился он и на медведей, но не пешим, а конным. И, разумеется, хозяин тайги сумел незаметно подкрасться и наброситься. Хорошо, что верный конь в последнее мгновение отскочил! Медведь прокусил войлок под седлом у самого колена охотника.

Был случай, когда на охотника напал некий "лютый" зверь и повалил и коня, и всадника, но человек остался невредимым. Вообще этому охотнику везло: он много раз падал с лошади, дважды разбивал себе голову, многократно травмировал руки и ноги, но никогда не получал серьёзных ранений. Берегла его судьба. Как-то он вместе с братом переплывал не очень широкую реку. Брат утонул, а вот охотник остался цел, хотя спасти своего ближайшего родича не смог.

Звали этого охотника Владимир Мономах, а истории его охотничьих похождений содержатся в "Поучении Владимира Мономаха". До нас этот интересный документ дошёл лишь благодаря тому, что его включили в Лаврентьевскую летопись.

Многих исследователей заинтриговал вопрос о том, кем был тот самый "лютый" зверь, который напал сбоку и повалил всадника вместе с конём. Одни считают, что это был леопард, поскольку его массы было бы достаточно для такого сильного удара, а слово леопард в русский язык пришло только в XV веке. А тигр или лев, по мнению этих исследователей, ведут себя иначе, предупреждая об атаке позой или грозным рыком.

Другие полагают, что фрагмент с "лютым зверем" является продолжением предыдущей фразу и нужно читать всё вместе: "*медведь ми у колена подклада укусил, лютый зверь скочил ко мне на бедры, и конь со мною поверже*".

И тогда получается, что "лютый зверь" – это крупный медведь. Если вспомнить точку зрения о том, что истинное название этого хищника у славян было запретным словом, и медведя именовали эвфемизмами, то подобная точка зрения имеет право на существование.

Историк-медиевист Дмитрий Сергеевич Лихачёв сначала считал, что "лютый зверь", это кто-то из больших кошачьих, но в 1978 году написал в книге "Памятники литературы Древней Руси XI – начала XII века":

"*Что такое этот "лютый зверь" – неясно*".

Дочь короля Гарольда, или Генеалогический казус

Последний англосаксонский король Англии Гарольд II Годвинсон погиб 14 октября 1066 года. Его сразили копья или стрелы нормандских воинов в ходе битвы при Гастингсе. Считается, что на месте смерти короля был воздвигнут алтарь главной церкви аббатства Баттл.

Но чаще всего в учебниках по истории не сообщается о том, что дочь Гарольда Гита, а также два его сына бежали во Фландрию, откуда потом добрались до своего родственника, короля Дании Свена Эстридсена. Мать Гарольда II, Гита Торкельсдоттир, как понятно из отчества, была дочерью Торкиля Стюрбьёрнссона, а король Свен был внуком этого датского вождя, так что в Дании английских беглецов встретили очень приветливо – всё-таки родственники. Через некоторое время одного из сыновей Гарольда устроили при дворе польского короля Болеслава на почётную и важную должность, а для Гиты нашли очень хорошего жениха: внука великого киевского князя Ярослава Владимировича и сына князя переяславского и ростовского Всеволода Ярославича Владимира. Владимир Всеволодович был молодым, сильным и смелым. И хоть правил Владимир на тот момент не самым большим и не самым важным княжеством, по юному витязю было хорошо заметно, что его ждёт славное будущее.

О жизни Гиты на Руси почти не сохранилось информации. Есть лишь косвенные данные, из которых некоторые историки делают выводы о том, что именно под влиянием супруги Владимир Мономах написал своё знаменитое "Поучение". Кстати, в нём есть такая фраза: "Жену свою любите, но не давайте им власти над собой". А ещё некоторые исследователи находят параллели в русских летописях и в англосаксонских хрониках. Есть даже версия о том, что норманнская теория о призвании варягов, якобы заложивших основы русской государственности, была лишь калькой из английских хроник, привезённых Гитой, и в конце XI века упоминание о призвании варягов на Русь должно было утвердить первенство тех потомков Рюрика, которые продолжали сохранять родственные связи с королевскими династиями скандинавского происхождения. То есть, в первую очередь, возвысить сыновей Владимира Мономаха от Гиты.

У Гиты и Владимира было много детей. Старший, Мстислав Владимирович, вырос таким же страстным поклонником охоты, как и его отец. За это он чуть было не поплатился жизнью: громадный медведь распорол своими жуткими когтями живот Мстислава так, что даже внутренности князя-охотника вывалились наружу. Но Мстислав каким-то чудом выжил и в 1125 году сделался великим князем киевским.

Потомки Мстислава Владимировича стали предками многих коронованных особ Европы. В их числе – английский король Эдуард III и его жена Филиппа Геннегау. Таким образом, получается, что Гарольд II, погибнув на холме Сенлак, остался, тем не менее, одним из предков Елизаветы II и Карла III. К такому генеалогическому казусу привело замужество Гиты Уэссекской.

Один из первых белокаменных храмов Северо-Восточной Руси

В 4 км к востоку от Суздаля стоит село Кидекша. Сейчас это довольно мелкий населённый пункт, в котором проживает чуть более сотни человек. Но когда-то это поселение имело очень важное значение.

Возле Кидекши река Каменка впадает в реку Нерль. На холмах к северу от устья Каменки ещё в VII веке до н. э. появилось городище дьяковской культуры. Дьяковцев, скорее всего, сменили здесь меряне (меря). Топоним Кидекша, по наиболее правдоподобным объяснениям, имеет финно-угорское происхождение. В современном финском языке суффикс "йокси" обозначает реку, связанную с озером. Славяне оконечное "и" заменяли на "а". Так появились названия рек Вёкса, Мокса, Кибокса, Илекса, Тордокса, Тордокс, Шомокса, Надокса, Верекса, Ворокса, Востракса, Узакса, Мякса. Финское "кса" у славян зачастую переходило в "кша", породив топонимы Шокша, Колокша, Сорокша, Вижегша, Молокша, Шилекша, Шелекша, Кидекша, Рёкша, Крокша.

Возможно, что когда на берега Кидекши пришли славяне, они оценили удобство местности и подчинили себе поселение, позволявшее контролировать торговый путь по реке Нерль. Скорее всего, название реки и поселения у мерян совпадали, а позднее река получила чисто славянское имя Каменка, тогда как город остался Кидекшей. Данные раскопок, произведённых в 2001 – 2012 годах, дают основания полагать, что поселение на этом месте появилось в IX веке или даже чуть ранее, во второй половине X века оно было заброшено и потом почти век никак не использовалось. И лишь в XI столетии здесь снова начали распахивать землю.

Василий Никитич Татищев утверждал, что в 982 году князь Владимир Святославич "*иде в Поле, и покорил землю Польскую, град Суздаль утвердил*". Под "землёй Польской" и "Полем" имелось в виду Владимирское Ополье. Вероятно, что именно после того самого рейда князя Владимира пра-Кидекша и была покинута мерянами. И лишь после похода Ярослава Мудрого в Суздальскую землю в XI веке туда стали возвращаться хлебопашцы.

В годы княжения Юрия Долгорукого про Кидекшу снова вспомнили: ведь она прикрывала Суздаль с востока, с самого опасного направления, откуда могли напасть волжские булгары, а также позволяла князьям собрать пошлины со всех товаров, перевозимых по Нерли. В 1152 году на пахотном поле, на высоком берегу Нерли, поставили белокаменную церковь Бориса и Глеба. Возможно, тогда же Кидекшу и новую церковь обнесли земляными валами. Есть гипотеза, что где-нибудь неподалёку стоял и княжеский дворец. Но пока что археологам не удалось его найти. По мнению академика Сергея Вольфганговича Заграевского, Кидекша во второй половине XII века сделалась одним из крупнейших городов Северо-Восточной Руси, уступая по размерам только Владимиру. Хотя, это может быть слишком оптимистичной оценкой энтузиаста отечественной истории.

В XII веке строить что-либо из камня было дорого, особенно в местах, находящихся далеко от каменоломен. Возле Владимира и Суздаля нет старых выработок известняка. Анализ состава камня, из которого сложена церковь Бориса и Глеба, показал, что, скорее всего, его добывали в мячковском горизонте. Известняки мячковского горизонта выходят на поверхность вблизи рек Москва и Пахра к востоку и югу от современной Москвы. Это значит, что строительный материал для церкви Бориса и Глеба везли по воде почти пятьсот километров. По прикидкам историков архитектуры, стоимость транспортировки составляла до 80% стоимости всех работ.

Тем не менее, Юрий Долгорукий сознательно пошёл на такие огромные расходы, и церковь в Кидекше построил из белого камня, а не из относительно недорогой плинфы, как делали византийцы и киевляне. Вероятно, соображения престижа перевешивали все экономические

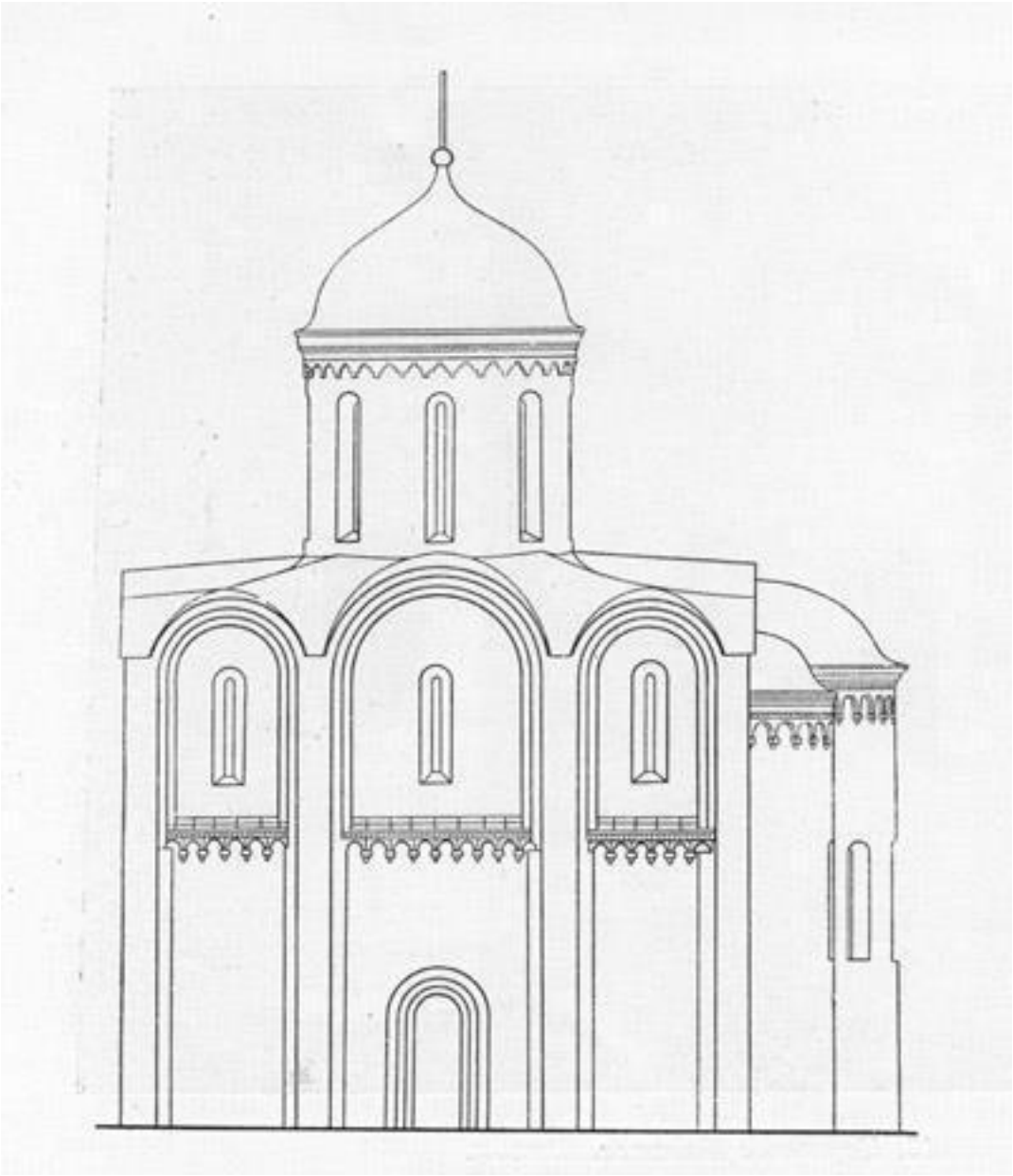
аспекты. Как писал академик Зограевский, "*белый камень для Древней Руси имел колоссальное историческое значение. Он был не просто строительным материалом, он был выражением государственной мощи и имперской идеологии. И все огромные сложности добычи и обработки белого камня с лихвой окупались исключительным значением белокаменного строительства для государственного престижа Древней Руси*".

Хотя есть версия, что Юрию Долгорукому было проще пригласить каменщиков из Европы и тратиться на перевозку известняка по рекам, чем зазывать плинфотворителей из враждебного к нему Киевского или Черниговского княжества. А наладить собственное производство плифы хорошего качества, так, чтобы в разных партиях после обжига получались кирпичи с одинаковыми свойствами, на северо-востоке Руси в XII – XIII веках ещё не сумели.

Но уже сын Юрия Долгорукого Андрей основал в 1158 году новый город, Боголюбово. Там же он построил свой дворец. Чуть восточнее этого места Нерль впадает в Клязьму, так что с точки зрения контроля водных торговых путей, Боголюбово оказалось более удобным пунктом сбора пошлин, чем Кидекша. К тому же Кидекша досталась в удел Борису Юрьевичу, младшему брату Андрея. На тот момент пять больших (по меркам XII – XIII веков) городов (Владимир, Суздаль, Боголюбово, Кидекша, Юрьев-Польский) оказались очень близко друг от друга. Как считал академик Зограевский, столько городов слабое сельское хозяйство на северо-востоке Руси того времени и не слишком большое население прокормить не могли. И потому Кидекша начала постепенно приходить в упадок. А довершило этот процесс монголо-татарское нашествие. В 1238 году город был разграблен и разрушен. И хотя церковь Бориса и Глеба восстановили уже на следующий год, в "Списке русских городов дальних и ближних" Кидекша не значится.

Древняя белокаменная церковь сохранилась до наших дней. Но в XVI – начале XVII веков обрушились оригинальная глава и часть сводов, так что первоначальный облик храма искажён ремонтом, который делали в 1660-х годах.

По мнению архитекторов Юлия Юльевича Савицкого и Н. А. Егорова, первоначально церковь Бориса и Глеба выглядела так:



Внутри местами сохранились подлинные фрески XII века, а также остатки двух усыпальниц того же времени. Так, к примеру, фреска на фотографии ниже изображает святых жён среди райского сада. Перед ней находилась могила княгини Марии, жены князя Кидекши Бориса Юрьевича.

С противоположной стороны есть другая фреска того же периода. Перед ней находилась могила князя Бориса Юрьевича.

Маленькие фрагменты фресок XII века сохранились на стенах церкви.

И совсем крошечные фрагменты фресок XII века были найдены после раскопок в нижней части центральной апсиды.

На одной из стен хорошо видно древнее граффити ("Голова Адама").

Общее впечатление от церкви Бориса и Глеба в Кидекше я могу описать так: показалось, что мне позволили заглянуть через замочную скважину в прошлое на восемь с половиной веков назад. Атмосфера – просто невероятная!

Как Долгорукий и Боголюбский с Новгородом воевали

Вражда новгородцев с суздальцами и владимирцами в домонгольский период была обусловлена географическим положением этих земель. Значительная часть торговых путей, по которым Великий Новгород снабжался хлебом, находилась в зоне досягаемости Ростово-Суздальских, а позднее и Владимиро-Суздальских князей. И те регулярно пользовались возможностью перехватить эти важнейшие коммуникации, чтобы вынудить новгородцев пойти на те или иные политические уступки.

Не буду ничего рассказывать про сражение возле Суздаля в 1097 году, но новгородцы хорошо помнили его, и в 1216 году, перед Второй Липицкой битвой, ратники с берегов Волхова будто бы заявили:

"*Мы не хочем измрети на коних, но отцы наши билися на Колакши пѣши*".

Князь Всеволод Мстиславич, старший внук Владимира Мономаха, был посажен отцом в Новгороде в 1117 году. В его княжение в 1134 году был предпринят поход на Суздаль, чей князь обложил продовольствие для северных земель слишком большими пошлинами. Однако же сначала Всеволоду Мстиславичу не удалось собрать достаточно большое войско, чтобы это мероприятие имело хоть какой-то смысл. А когда же к концу года нужное количество ратников оказалось под его знамёнами и добралось до Жданой горы, от которой до главного вражеского города оставалось 3 дневных перехода, там их уже поджидали суздальцы и ростовцы.

26 января 1135 года произошло сражение, в котором новгородцы были разбиты. Погиб и посадник Иванко Павлович, и его предшественник Петрила Микульчич, и много других видных новгородцев. Сам же князь Всеволод Мстиславич бежал с поля битвы одним из первых.

Новгородцы этого не забыли. 28 мая 1136 года Всеволода Мстиславича и всю его семью заточили в епископском дворце. Пленников круглосуточно сторожили по три десятка вооружённых добровольцев. Князя судили. Перечень обвинений сохранился:

1. Не блюдет смердов;

2. Почему хотел уйти княжить в Переяслав?

3. Почему с битвы (при Ждане горе) бежал первым?

4. Зачем, пытаясь примирить киевлян с черниговцами, то приказывал помогать черниговскому князю Всеволоду Ольговичу, а то отступал от первоначальных приказаний?

5 (сомнительно). Възлюби играти и утѣшатися… а людей не судяше и не управляаше.

15 июля 1136 года Всеволода Мстиславича и всех его людей изгнали из Новгорода.

Воспользовавшись неоднозначной ситуацией и конфликтами между сторонниками и противниками новых приглашённых князей, в 1138 году ростово-суздальский князь Юрий Владимирович оставил новгородцев без хлеба, задержав всех купцов, направлявшихся на север. Напуганные новгородцы пригласили к себе весной князем сына Юрия Ростислава. Но как только в Киеве сменился великий князь, хитроумные негоцианты с берегов Волхова начали плести интриги, направленные против Юрия Владимировича. Так что в следующем году Ростислав Юрьевич бежал из Новгорода, а его отец, в отместку, захватил Торжок.

Без этого важного пункта на торговых путях новгородцам пришлось несладко. Так что уже в 1141 году они отправили к Юрию Владимировичу посольство, призывая князя:

"*Оже к нам не пустит Олговичь Святополка, а мы Олговича не хочем, а любо к нам сам поиди, любо сына пусти*".

Отправив Ростислава Юрьевича снова княжить на севере, Юрий Долгорукий вернул местным и Торжок. Но уже весной 1142 года политическая ситуация изменилась: великий князь Киевский Всеволод Ольгович захотел отправить князем в Новгород Святополка Мстиславича. Новгородцы, узнав об этом, заточили Ростислава в епископском дворце и держали его там вплоть до прибытия нового князя, а потом выслали к отцу в Суздаль.

Разумеется, такое Юрий Долгорукий забыть не мог. Но случай отомстить представился только после смерти Всеволода Ольговича. Отбив в 1146 году нападение рязанцев во главе с Ростиславом Ярославичем, в следующем году Юрий Владимирович снова захватил Торжок.

Новгородцы, в свою очередь, участвовали в походе Мстиславичей в Северо-Восточную Русь в 1149 году.

После смерти Юрия Владимировича великим князем во Владимире стал его сын Андрей. Разумеется, изменение персоналий никак не могло повлиять на экономические и геграфические реалии того времени. Уже в 1168 году новгородцы призвали к себе князем Романа Мстиславича, который сразу же организовал поход против полоцких князей, союзников Андрея Юрьевича, а после этого напал на Торопецкое княжество, других союзников Боголюбского.

Это вызвало ответные меры. В следующем году коалиция князей под руководством Андрея Юрьевича, Ростиславичей и Ольговичей взяла штурмом Киев, а потом два или три дня грабила стольный город, не щадя ни церквей, ни домов простого люда. После этого дружинники Боголюбского попытались взять контроль над территориями в Заволочье, на берегах Северной Двины, с населения которых новгородцы взымали дань. Но удача оказалась на стороне ратников с берегов Волхова: в летописи указано, что "пособи богъ новгородцемъ". Люди Даньслава Лазутинича и суздальцев разбили, и положенную дань с чуди собрали, и даже лихо собрали дань с суздальских земель возле Белоозера.

Это сильно разозлило Андрея Юрьевича. К зиме собрали войска. Объединённые силы владимирского, смоленского, рязанского, муромского и полоцкого князей под руководством Мстислава Андреевича, сына Боголюбского, отправились в поход. 22 февраля 1170 года эта армия обложила Новгород, а на четвёртый день осады союзники начали штурм городских стен, которые местные жители незадолго до этого в авральном порядке возвели.

Но что-то пошло не так. Новгородцы не только сумели отбить этот штурм, но и предприняли успешную вылазку, закончившуюся разгромом суздальцев. В летописи об этом сообщается так:

"*къ вечеру побѣди я князь Романъ съ новгородьци, силою крестьною и святою богородицею и молитвами благовѣрнаго владыкы Илие*".

В более позднем "Сказании о битве новгородцев с суздальцами" упоминается, что полки нападающих покрыла тьма, а на ратников Боголюбского и его союзников "напал трепет и ужас, и ослепли все, и начали биться меж собой". Но можно ли доверять подобному свидетельству? Сомнительно. Напрашивается версия, что на помощь новгородцам пришли воины от чуди или от корелы (вместе с которыми новгородцы впоследствии громили шведов) и ударили нападавшим в спину. Но никаких упоминаний об этом в дошедших до нас письменных источниках нет.

Пленных вражеских ратников оказалось так много, что в Новгороде их продавали по 2 ногаты за человека.

С этой победой новгородцев традиционно связывают икону Знамения Пресвятой Богородицы, которая тогда хранилась в церкви Спаса Преображения на Ильине улице. Позднее новгородское духовенство начало рассказывать о божественном вмешательстве, обратившем врагов в бегство после крестного хода с данной иконой. А сюжет "Чудо от иконы Знамение (Битва новгородцев с суздальцами)" был очень популярен в России в XV – XVII веках.

Икона середины XV века из церкви Святого Димитрия в Кожевниках, изображающая битву новгородцев и суздальцев в 1170 году.

Икона XV века из Успенской церкви села Курицко на озере Ильмень, изображающая битву новгородцев и суздальцев в 1170 году.

Но грозный и злопамятный Андрей Юрьевич никуда не делся. Он перестал пропускать на север купцов с хлебом, так что вскоре новгородский летописец записал:

"*Бысть дорогъвь Новегородѣ: и купляху кадь ръжи по 4 гривнѣ, а хлѣбъ по 2 ногатѣ, а медъ по 10 кунъ пудъ*".

"Кадь ръжи" – это чуть более 229 кг. 4 гривны – это 80 ногат, т. е. за ногату можно было купить 2.86 кг ржи. А каравай хлеба стоил столько же, сколько в конце февраля давали за пленного суздальца.

Так что чудесная победа новгородцев не привела ни к каким значимым политическим последствиям. Пришлось им "*показаша путь князю Роману, а сами послашеся къ Андрѣеви на миръ: "на всеи воли нашеи и даи же намъ князь*".

Боголюбский сначала отправил в Новгород Рюрика Ростиславича, а через год, когда изменилась политическая ситуация, послал на берега Волхова своего малолетнего сына Юрия.

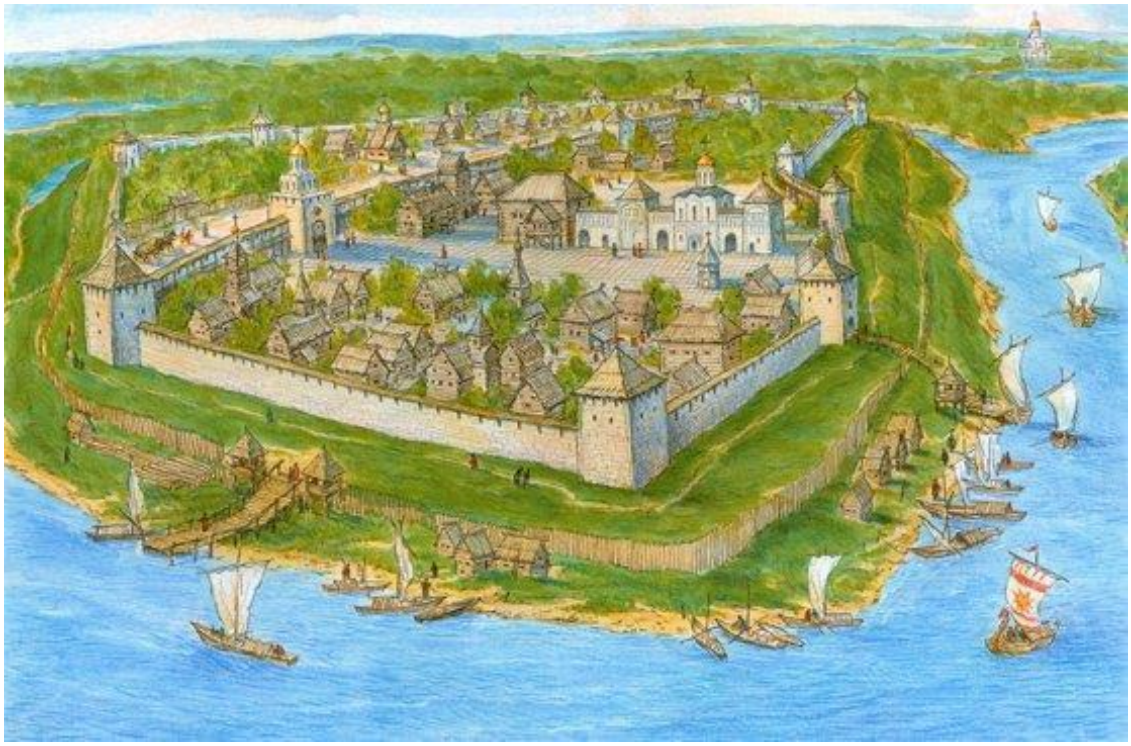
Андрея Юрьевича убили в ночь с 28 на 29 июня 1174 года. Когда в Северо-Восточной Руси началась борьба за власть, новгородцы выждали, кто в этой борьбе побеждает, а потом прогнали юного Юрия Андреевича. С 1175 по 1182 годы в Новгороде сменилось десять князей. На берегах Волхова не успевали реагировать на перипетии политической борьбы в Северо-Восточной Руси.

Всеволод Юрьевич захватывал Торжок в 1178 и в 1181 годах. Это заставило новгородцев признать своим князем его ставленника, Ярослава Владимировича. Но это уже совсем другая история.

Где убили великого князя Андрея

В 1158 году великий князь Владимирский Андрей Юрьевич основал новый город. Этот город находился недалеко от места впадения Нерли в Клязьму и позволял контролировать важный торговый путь. Есть легенда о том, что тогда не обошлось без вмешательства высших сил и именно по этой причине город назвали Боголюбовым. Впрочем, академик Сергей Вольфгангович Заграевский полагал, что всё происходило в обратном порядке: сначала князя Андрея льстивые приближённые начали звать Боголюбивым или Боголюбским, а уж позже этот эпитет перешёл на его любимую резиденцию и стал названием города.

Великокняжеский дворец поставили на высоком холме, который с юга защищала Клязьма или один из её рукавов или стариц. Белокаменные палаты соединялись крытыми переходами с церковью Рождества Богородицы. Весь комплекс зданий обнесли каменными стенами, что было большой редкостью на Руси в те времена.



Александр Васильевич Вохмин. Боголюбов город.

Академик Заграевский сделал графическую реконструкцию "Боголюбовского замка", впрочем, довольно условную. На этой реконструкции виден собор Рождества Богородицы, соединённый переходами с княжеским дворцом и другими белокаменными палатами. А справа нарисован резной киворий в виде восьмиколонной аркады на том месте, где великому князю явилась Пресвятая Богородица и потребовала оставить Её икону, увезённую Андреем из монастыря в Вышгороде, во Владимире.

Именно в Боголюбовском дворце великого князя Владимирского и убили в ночь с 28 на 29 июня 1174 года. Об этом событии рассказывается в "Повести об убиении Андрея Боголюбского", дошедшей до нас в двух версиях: краткой, в составе Владимирского летописного свода 1177 года, отразившегося в Летописи Лаврентьевской, и пространной – в составе Летописи Ипатьевской (в записях, относящихся к 1175 году). Эта повесть изобилует подробностями, которые перекликаются со "Сказанием о Борисе и Глебе" и другими средневековыми сказаниями. Почти наверняка какие-то из этих подробностей были добавлены летописцами для красоты или по политическим, а также религиозным мотивам. Среди историков нет единства по поводу того, каким подробностям можно доверять, а каким – нет.

В Новгородской первой летописи об убийстве князя Андрея сообщается так:

"*В лѣто 6682. Убиша в Володимири князя Андрѣя свои милостьници на канунъ святых апостолъ Петра и Павла, в нощи, спящю ему въ Боголюбемъ, и бяше с нимъ кощеи единъ малъ; избивше сторожеви дворныя и придоша к сънемъ, князю же очютившю, попадъ меч, ста у двереи, боряся с ними, оних же бяше много, а князь одинъ; и налегоша силою и выломиша двери и вълѣзоша на нь, и ту насунуша копьи, и абие сконца живот свои. И великъ мятеж бысть в земли тои, и велика бѣда, и много паде головъ, яко и числа нѣту*".

Возможно, что это самая точная и беспристрастная информация, лишённая позднейших приписок и красивостей.

А что осталось от великокняжеской резиденции в наше время?

Ныне на месте "Боголюбовского замка" располагается монастырь Рождества Богородицы. Вот так он выглядит со стороны станции Боголюбово.

Великокняжеский дворец большей частью разобрали по камешку, но собор Рождества Богородицы простоял до конца XVII века. Говорят, что он выглядел почти так же, как церковь Покрова на Нерли. Но однажды игумен Ипполит посетовал, что в храме темновато, и приказал расширить окна и вставить в них стёкла. Подрядчики выполнили указания отца Ипполита без обсуждений и возражений. В соборе действительно стало светлее. Но древняя постройка сильно пострадала этого "усовершенствования" и в 1722 году обрушилась.

Новый собор возводили с 1751 по 1758 годы. А то, что оставалось от "Боголюбовского замка", использовали как основание для колокольни. На снимке эта постройка слева от собора: самые древние фрагменты здания не побелены.

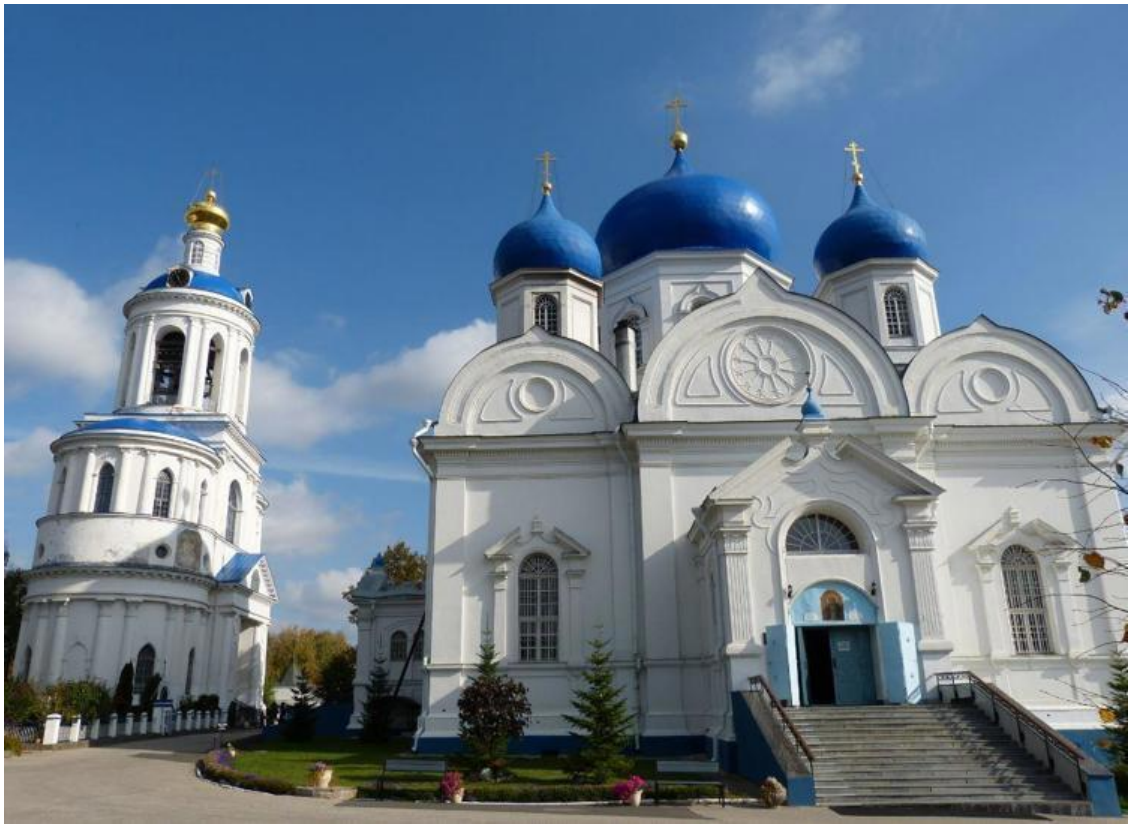
В "Повести об убиении Андрея Боголюбского" указывается, в каком месте замка в ночь с 28 на 29 июня 1174 года был убит князь Андрей Боголюбский: "за лестничным столбом" (*за столпомъ вьсходнымь*). Так уж вышло, что именно эта часть дворца сохранилась до наших дней. Это закуток под лестницей, ведущей на колокольню. Именно там истекающего кровью князя добили заговорщики. Вот это место:

Там же, где тело убитого князя "лежало … два дня и две ночи", монахи поставили часовню. От этой часовни до наших дней дошли только фундамент и фрагменты стен. Но в 2008 году постройку воссоздали.

На месте, где, согласно легенде, когда-то великому князю явилась Пресвятая Богородица, с повелением поставить её икону во Владимире, в XII веке поставили резной киворий в виде восьмиколонной аркады. Но это сооружение быстро обветшало, так что в XVII веке его заменили кирпичной часовней с куполом.

Осталось только упомянуть о той самой иконе, которую Андрей Боголюбский повелел написать в честь своего чудесного видения. Художники изобразили Богородицу так, как она явилась великому князю Владимирскому: в полный рост, в молении поднявшей руки к Своему Сыну. Боголюбская икона Божией Матери сохранилась до наших дней. Правда, её состояние сейчас очень плохое и когда закончится реставрация – неизвестно.

В честь этой иконы в Боголюбовском монастыре в 1866 году построили пятиглавый собор.



Муж царицы Тамары

Младшим сыном Андрея Боголюбского был Юрий. Год рождения этого княжича неизвестен, но анализ летописных сообщений позволил историкам сделать вывод, что последыш великого князя Владимирского появился на свет не ранее 1162 года.

Когда в ночь с 28 на 29 июня 1174 года Андрея Юрьевича убили заговорщики, Юрий Андреевич был ещё слишком мал, чтобы его хоть кто-то рассматривал, как законного наследника отца. В Холмогорской летописи сообщалось:

"*Князь наш убиен, а детей у него нет, а сын его в Новегороде, и тот мал, а братья его в Руси*".

Великим князем Владимирским стал Ярополк Ростиславич. Но даже он, взрослый человек, не сумел удержаться на этом престоле. Братья и дяди так отчаянно интриговали друг против друга, что развязали кровавую междоусобную войну. В 1175 году великим князем Владимирским сделался Михалко Юрьевич, а после его смерти власть захватил Всеволод Юрьевич, человек коварный и изобретательный. Про могущество победителя в той усобице автор "Слова о полку Игореве" рассказывал очень образно и красиво:

"*Ты ведь можешь Волгу вёслами расплескать, а Дон шлемами вычерпать. Если бы ты был здесь, то была бы невольница по ногате, а раб по резане.*"

Всеволод Юрьевич изгнал своего племянника из княжества, и Юрий Андреевич бежал к половцам. Почему к половцам? Андрей Боголюбский был сыном половецкой княжны, дочери хана Аепы (Осеневича) и внучки хана Осеня (Асиня). Так что в Дешт-и-Кипчак у княжича было немало родственников.

А в 1184 году скончался Георгий, грузинский царь. После того, как его похоронили в Гелатском монастыре, в том же самом монастыре короновали старшую дочь почившего, Тамару. Царице было всего лишь восемнадцать лет, но она к тому моменту уже шесть лет считалась соправительницей отца (первый раз Георгий венчал её на царство в 1178 году, дабы избежать возможных проблем в будущем).

И действительно, некоторые крупные грузинские феодалы попытались оспорить царский статус юной Тамары, но за девушку вступился католикос-патриарх Михаил. Правда, его поддержка стоила очень дорого: Тамаре и тем, кто ей покровительствовал, пришлось сделать Михаила канцлером. Таким образом, католикос-патриарх оказался главой не только духовной, но и светской иерархии страны.

Опытный политик Михаил Мирианисдзе видел, что такая ситуация не нравится Тамаре, и потому решил как можно скорее выдать её замуж. Дабы меньше отвлекалась на политику. Самым завидным кандидатом считался византийский царевич Алексей (скорее всего, внук императора Андроника Комнина). Ещё Давид Строитель в 1116 году выдал свою дочь Кату за кого-то из Комнинов, так что этот вариант многие рассматривали, как разумный и понятный. Вот только положение Комнинов в Византии в тот момент было очень сложным: их беспокоили норманны с Сицилии, сербские отряды Стефана Немани и войска сельджукского султана Кылыч-Арслана, поддержавшие одного из претендентов на власть в империи.

Кто-то из крупных феодалов предлагал выбрать женихом аланского царевича и тем самым обеспечить мир на северных границах и обрести союзника, всегда готового помочь войсками. Но большинство склонялось к мысли женить Тамару на русском князе, единоверце. Один из грузинских историков того периода писал, что правитель Картли и Тбилиси Абусалан якобы сказал следующее:

"*Я знаю царевича, сына великого князя русского Андрея; он остался малолетним после отца и, преследуемый дядей своим Савалатом, удалился в чужую страну, теперь находится в городе кипчакского царя Севенджа*".

"Дядя Савалат" – это великий князь Владимирский Всеволод Юрьевич. Половецкого хана с именем Севендж русские летописи не знают, но известно, что сына хана Боняка, внука хана Ясиня, звали Севенч, что весьма близко по звучанию. Вполне возможно, что кто-то из других половецких ханов носил такое же имя. А ещё в грузинских летописях XIII века именем Севендж называлась река Сунжа, правый приток Терека. Эта река протекала по территории Аланского царства. Аланы в союзе с половцами, аварцами и русами-бродниками в 1173 году устроили налёт на владения ширваншаха Ахситана. Также аланы неоднократно нанимались византийцами для участия в войнах на стороне империи, хотя порой воевали и против неё.

Таким образом, имеющаяся информация не позволяет понять, где именно находился Юрий Андреевич перед 1185 годом. Но понятно, что половцы, аланы, русы-бродники, грузины и византийцы активно взаимодействовали в тот период времени. Любые события в каждом из государств региона сразу же становились известны соседям, которые старались использовать их с максимальной выгодой для себя.

Что ещё могло склонить выбор грузинской верхушки в пользу Юрия Андреевича? Тётя царицы Тамары, дочь Деметре I, одно время была женой великого князя Киевского Изяслава Мстиславича. После смерти своего русского мужа (13 ноября 1154) эта царевна вернулась на родину. По поводу имени этой царицы есть разные версии: некоторые считают, что её звали Русудан, другие полагают, что это имя принадлежало её старшей сестре. Так или иначе, вдова Изяслава Мстиславича имела представление о политической обстановке в русских княжествах и пользовалась большим влиянием в грузинском царстве.

Юрия Андреевича привезли в Тбилиси с купеческим караваном. Вполне возможно, пчто осле того, как кандидатуры аланских царевичей отвергли, путь через аланские земли оказался небезопасным и русского княжича пришлось доставлять к невесте скрытно.

Свадьбу Юрия и Тамары автор труда "История и восхваление венценосцев" назвал "беспримерной и трудно представимой". По его описанию, для жениха и невесты были подготовлены "*многочисленные зрелища, подношение драгоценных камней, жемчугов, золота кованного и в слитках, дорогих тканей, сшитых и в отрезах; веселье, развлеченье, подношение и одарение продолжались целую неделю*".

Согласно тому же источнику, после свадьбы Юрий получил титул царя руссов и абхазов и сразу же начал подготовку к военным походам. Первым делом он разорил Кари и Карнифори (территории вокруг нынешнего Карса, которые находились под властью сельджуков) и вернулся в Тбилиси с богатой добычей.

Чуть позже был предпринят успешный военный рейд против "парфян". Если вспомнить, что в 1186 году султан Мухаммад Гури положил конец династии Газневидов, захватив Лахор, то нельзя не признать, что Грузинское царство удачно использовало международную обстановку, чтобы пограбить соседей на Южной Кавказе. А ширваншах Ахситан ибн Минучихр, который, теоретически, мог претендовать на контроль за этими землями, лишь пытался умаслить Тамару богатыми дарами, дабы отвести военную опасность от своего государства.

Наверняка, были и другие победоносные походы под командованием Юрия. Но, скорее всего, его военные успехи вызвали опасения у тех грузинских феодалов, которые поддерживали Тамару. Им показалось, что русский царь может получить слишком много власти, отодвинув дочь Георгия III от реального управления страной.

Как написал впоследствии автор труда "История и восхваление венценосцев":

"*Во время такой мирной и возвышенной, полной побед, жизни проявилось некое странное и несуразное дело, не имеющее себе подобного и невероятное для человеческого разума. Сатана, войдя в сердце русского, именуемого скифом, возбуждал его досаждать словами Тамаре, этому солнцу государей и блистательной молнии..... Кроткая и приятная, разумная и сметливая Тамара целых два года, а то и больше, терпела ниспосланное ей испытание. Когда это узнали везиры и бояре, удивились и согласились в том, что это – дело того самого древнего*

врага, который подвинул брата на убийство брата, отца – сына и который изгнал первого человека из рая; он и теперь подготовил изгнание князя из видимого сего рая и пресветлого Едема."

Другие грузинские источники обвиняли Юрия Андреевича в беспробудном пьянстве, мужеложстве и зоофилии. Жители Древней Руси были знакомы с алкоголем. В Изборнике 1076 года есть упоминания о вине и о пьянстве:

"*О вине. Не увлекайся вином, ибо многих погубило вино. Горесть души – в гневе и с клеветою выпиваемое без меры вино. На пьяном пиру не охаивай ближнего и не мешай ему в веселье его.*"

"*Праздники же святых почитай, не упивайся сам, но голодных и жаждущих накорми.* "

Половцам вино тоже было хорошо известно. Так, хана Аепу (Осеневича) болгары отравили в 1117 году, подослав ему отравленное вино:

"*и пив Аепа и прочии князи вси помроша*".

Но был ли Юрий Андреевич на самом деле таким алкоголиком и извращенцем? Ведь чтобы оправдать изгнание чужака из грузинского царства, задним числом можно было приписать ему любые недостатки, как истинные, так и выдуманные. Об этом сейчас трудно судить.

В 1188 году младшего сына Андрея Боголюбского посадили на корабль и выслали в Константинополь. Убивать его Тамара и её приближённые не решились. Более того, изгнаннику выделили достаточно большие средства из государственной казны, чтобы он ни в чём не нуждался.

А в 1190 году против царицы Тамары взбунтовались почти вся Западная и значительная часть Южной Грузии. Юрия Андреевича вызвали в Эрзерум и уговорили встать во главе восстания. Самым активными его сторонниками были Гузан, владетель Кларджети и Шавшети, Боцо Джакели, правитель Самцхе, и Вардан Дадиани, министр царского двора, владевший обширными территориями. Когда отряды восставших заняли Кутаиси, русского княжича короновали в Гегутском дворце, как нового царя Грузии. Таким образом, можно сделать вывод, что какая-то поддержка среди местных феодалов у Юрия была, так что, скорее всего, он не был таким развратным алкоголиком, каким его изобразили грузинские летописцы, а имелись у него и определённые достоинства, которые обеспечили его сторонниками в чужой стране.

Но царица Тамара не теряла времени даром. Верные ей владетели собрали армию, которую повёл Гамрекели Торели. Решающее сражение произошло в Джавахети, между Тмогви и Эрушети. Восставшие были разбиты. Юрий Андреевич попал в плен. Но его снова пощадили и отпустили на все четыре стороны.

Бывший царь руссов и абхазов женился на половецкой княжне, а потом отправился к Абу-Бекру, атабеку Азербайджана, который выделил ему земли в Арране. В 1193 году Юрий вторгся в Кахетию, разорив Алазанскую долину, но Сагир Махателисдзе, владетель Хорнабуджи, сумел разгромить его войска. Бывшему мужу царицы Тамары едва удалось бежать. После этого имя Юрия пропадает из документов. Его дальнейшая судьба неизвестна. Сурен Тигранович Еремян выдвигал версию, что останки Юрия Андреевича были захоронены в монастыре Лурджи в Тбилиси. Самая древняя из сохранившихся построек этого монастыря, церковь Андрея Первозванного, появилась, скорее всего, в царствование царицы Тамары. В южном тимпане этй церкви сохранилась надпись, упоминающая тбилисского архиепископа Василия и его брата Абусалана, как инициаторов строительства. Абусалан – это тот самый человек, правитель Картли и Тбилиси, который высказывался за Юрия Андреевича при выборе жениха для Тамары…

А царица Тамара в 1188 или 1189 году вышла замуж за аланского царевича Давида Сослана, который воспитывался вместе с ней при грузинском дворе.

Из жизни средневекового переписчика

В дошедших до нас средневековых письменных источниках не слишком часто упоминаются простые люди. А уж какие-то детали повседневной жизни "меньших людей" известны нам лишь благодаря археологии и берестяным грамотам.

Но тем интереснее историкам находить в архивах то немногое, что позволяет составить словесный портрет какого-то конкретного человека, не бывшего князем или епископом, и не водившего в походы боевую дружину.

В славном городе Пскове в средние века имелось несколько церквей, освящённых в честь Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского. В одном из этих храмов в первой трети XIV века был священником Андрей Микулинский, а его сын, Козьма, служил там дьяком.

Покупать богослужебные книги приходская община не могла себе позволить из-за чрезвычайной дороговизны последних, и приходилось священнику вместе с дьяком переписывать их собственными силами. Труд этот был весьма нелёгким, но псковские переписчики, чтобы немного развлечься, не стеснялись писать на полях о том, что только приходило им в голову: от суждений о княжеских распрях до изложения того занимательного факта, что у соседей свинья родила поросят. Вот и в приходе святого Николая Чудотворца грешили подобным. В книге Шестоднев Служебный, переписанной в 1312 году, есть запись мелким шрифтом на нижнем поле 32-го листа под основным текстом:

"*Охъ мне лихого сего писаниа. и еще охъ*".

Поскольку на 35 и на 84 листах этот же переписчик призывал Кузьму и Демьяна ("*о свята безмездника козьма и дамияне поспешита*"), исследователи сделали вывод, что записи делал сын священника Козьма Попович.

В общей сложности в Шестодневе Служебном удалось обнаружить 9 записей Козьмы. Но в следующей книге, которую они переписывали вместе с отцом для Пантелеймонова Дальнего монастыря, Паремейнике, их было уже 18.

На 17 листе этой книги дьяк написал на нижнем поле под основным текстом:

"*о Господи дай ми живу быти хотя 80 лъть пожедай ми Господи пива сего напитися*".

Поскольку книга предназначалась для Пантелеймонова монастыря, Козьма Попович при работе неоднократно обращался к святому Пантелеймону, ведь тот считался целителем и покровителем больных. Так, на 20 листе есть такая мольба:

"*о святый Пантелеимоне поспъши охъ мнъ убогу поже грѣшноу*".

Паремейник начали переписывать 17 декабря 1312 года. Возможно, с тяжёлым зимним периодом, когда недостаток тепла и солнечного света приходится возмещать чем-то другим, связаны жалобы переписчика на здоровье на 22-м листе:

"*охь мнъ лихаго сего попирия голова мя болить и роука ся тепеть*".

На 43-м листе есть запись, которую многие сочли бы неприличной:

"*У, побъзди боля Лука, навониле мъ[не] издбу*".

Великий пост в 1313 году пришёлся на период с 26 февраля по 14 апреля. Ближе к концу Четыредесятницы на 115 листе появилась запись:

"*състи позаоутрыкати хотя пос(ть)*".

Закончили переписывать Паремейник 17 мая 1313 года. По этому поводу Козьма Попович сделал следующую запись:

"*а псалъ козма дьякъ поповиць грабящима рукама, клеветливым языком, обидливыма очима. а где будеть измятено испровяче чтете, а не исправите, то вы на свою душу*".

Самоиронии у дьяка-переписчика хватило бы на дюжину обычных людей!

13 июня того же года отец с сыном начали переписывать Пролог на сентябрь – февраль, сборник сокращённых житий святых и изречений знаменитых богословов, собранных по дням года. Эту работу они делали для псковского Климентьевского монастыря.

Летом трудиться оказалось не менее тяжело, чем зимой, так что на вскоре на 17 листе появилась запись:

"*святыи христову мученице климянте поспеши рабу своему козме*".

А 39-й лист украсила следующая жалоба:

"*охъ охъ голова мя болить не могу писати а уже нощь лязмы спати*".

На последующих листах встречаются обращения к Кузьме и Демьяну, а также к святому Клименту за помощью. Но переписчик не забывал и о вполне земных делах. Так нижнее поле 76-го листа украшает запись:

"*мне меду сего игумена сего Михаила горьского зануди [далее строка обрезана]*".

А на следующем листе Козьма Попович сокрушается:

"*како ми не обьъстися коли поставять кисель съ молокомь*".

Уже ближе к концу книги встречается довольно странная запись на 166-м листе:

"*не тычь же въ бокъ не лазь же в трехъ что ть сепакъ написах*".

На 20-м листе есть такая запись:

"*Богъ дай съдоровие к сему богатию что, кунъ то все въ калите что пъртъ то все на собе удави ся убожие смотря на мене*".

По мнению филологов, это трёхстрочное стихотворение, ходившее в народе и высмеивавшее тех, кто говорил, что между богатым и бедным мало разницы. Его можно перевести на современный русский язык приблизительно так:

"*Бог, дай здоровья такому [моему] богатству: все мои деньги в кошельке [в заначке на чёрный день ничего нет], вся моя одежда – на мне. [Само] Убожество может удавиться от зависти, глядя на меня*".

Закончил эту книгу Козьма Попович следующими словами:

"*а псалъ козма поповищь. а чи буду кде помялъ ся въ своей грубости и пьяньстве. отци и братия исправяче чтете и бога деля а мене не кленете аминь*".

Всего же в Прологе обнаружено 15 его пометок на нижних полях.

Последней книгой, в которой замечены записи Козьмы Поповича на нижних полях страниц, был Пролог на март – август, переписанный в 1330 году. Возможно, дьяк повзрослел и стал серьёзнее: в этой книге имеется только четыре его приписки. Заканчивается же книга так:

"*а писано многогрешною роукою Андрея попъ микулиньскыи и сынъ его козма три месяци къ стомоу въздвижению на княжь дворъ аминъ*".

Как сложилась дальнейшая жизнь Козьмы Поповича – историкам не известно. Псковская республика в начале XIV века была довольно сильным государственным образованием, что позволило ей выйти из-под влияния Великого Новгорода. Возможно, "меньшим людям" Пскова в тот исторический период жилось не так уж плохо. Но уже в 1352 году в Псков пришла "Чёрная смерть", так что Козьма Попович, если вдруг дожил до этого жуткого события, вряд ли сумел остаться в живых после него…

Благословение перед Куликовской битвой

В школьные годы на уроках истории нам рассказывали о том, как летом 1380 года великий князь Дмитрий, позднее прозванный Донским, пришёл к Сергию Радонежскому, а достославный игумен Троицкого монастыря пообещал князю победу над ордынцами и дал своё благословение. Ещё упоминали, что Сергий отправил с князем на битву двоих иноков, Пересвета и Ослябю.

В первом житии Сергия Радонежского, написанном Епифанием Премудрым, про Пересвета и Ослябу не говорится ничего. Наши современные историки более склонны считать, что эти герои Куликовской битвы не имели отношения к Троицкому монастырю, не являлись иноками, а сражались как митрополичьи бояре. Говорят, что в самом раннем списке "Задонщины" Пересвет ни разу не назван "чернецом", а именуется только "брянским боярином". А сражается он "на своём борзом коне, золочёным доспехом сверкая". Как-то странно это для скромного инока. Да и похоронили Пересвета вроде бы как в Москве в Старом Симоновом монастыре, а не в Троицком. Но последний аргумент можно не учитывать, поскольку Сергий Радонежский считал Симонов монастырь отростком Троицкой лавры и всегда останавливался в нём во время приездов в Москву.

Кстати, в тексте "Задонщины" нет ни слова о благословении князя Дмитрия Ивановича игуменом Сергием. А в первом "Житии" об этом говорится так:

"*Князем же великим, скипетр Русской земли державшим, был тогда прославленный и непобедимый великий Дмитрий. Он пришёл к святому Сергию, потому что великую веру имел в старца, и спросил его, прикажет ли святой ему против безбожных выступить: ведь он знал, что Сергий – муж добродетельный и даром пророческим обладает. Святой же, когда услышал об этом от великого князя, благословил его, молитвой вооружил и сказал: «Следует тебе, господин, заботиться о порученном тебе Богом славном христианском стаде. Иди против безбожных, и если Бог поможет тебе, ты победишь и невредимым в свое отечество с великой честью вернёшься». Великий же князь ответил: «Если мне Бог поможет, отче, поставлю монастырь в честь Пречистой Богоматери». И, сказав это и получив благословение, ушёл из монастыря, и быстро отправился в путь*".

Утверждается, что в 1380 году Епифаний, автор первого "Жития Сергия Радонежского", находился в Троицкой лавре, будучи "уже взрослым, грамотным, опытным книжным писцом и графиком, а также склонным к записям летописного характера наблюдательным человеком", а записи о Сергии начал делать лишь после смерти игумена, с 1392 года. То есть он вроде бы как и очевидец, но вряд ли переписчик мог быть очевидцем встречи великого князя с игуменом. Тем более, что история взаимоотношений князя Дмитрия и Сергия была очень непростой, и посторонние на их встречу вряд ли бы допускались. А уж через двенадцать лет память о событиях минувшего вполне могла дополниться и некими воображаемыми событиями. К тому же текст "Жития" позднее редактировался, и до нас дошёл не самый ранний вариант.

Аполлон Григорьевич Кузьмин, один из виднейших российских историков, доказал, что:

– духовником великого князя Дмитрия Ивановича до 1379 года был коломенский священник Митяй, к которому большинство российского духовенства (в том числе и Сергий Радонежский) относилось враждебно;

– Сергий Радонежский конфликтовал с великим князем Дмитрием Ивановичем, поскольку поддерживал митрополита Киприана, а тот в Москву в июне 1378 года допущен не был, более того, был ограблен и после краткого заключения в темницу с позором выдворен за пределы княжества. Это побудило Киприана 23 июня 1378 года отлучить от церкви и проклясть великого князя и всех его сторонников;

– информация о встрече великого князя Дмитрия Ивановича и игумена Сергия перед Куликовской битвой содержится только в более поздних Софийской первой летописи и Новгородской четвёртой летописи, которые А. Г. Кузьмин датировал 1440-ми годами. В более ранних летописных источниках никаких сведений о благословении князя Дмитрия Сергием нет.

Историк Фёдор Синельников прямо утверждал, что "Святой Сергий князя Дмитрия на Куликовскую битву не благословлял, и иноков на неё не посылал. А лживый державный миф о благословлении возник и существует до сих пор, несмотря на то, что уже написано достаточно о том, что этого события не было". В действительности же русское войско во главе с князем Дмитрием благословлял в августе 1380 года епископ Коломенский Герасим. Фёдор Синельников считает, что "уже сам факт того, что Герасим благословил князя Дмитрия исключает возможность того, что тоже самое сделал Сергий".

Известно, что незадолго до 20 августа 1380 года епископ Коломенский Герасим встречал русские войска на реке Северке перед Коломной, благословил великого князя московского Димитрия Иоанновича и русскую рать на битву с войском ордынского темника Мамая. В середине сентября 1380 года Герасим в Коломне встречал русских воинов, возвращавшихся с Куликова поля. Сомнительно, чтобы в своей епархии Герасим позволил бы кому-то перехватить такие важные с точки зрения политики действия.

Умаляет ли это величие Сергия Радонежского? – Ни в коей мере. Преподобный Сергий остаётся одной из крупнейших исторических фигур своего времени. Другое дело, что история того периода гораздо сложнее и запутаннее, чем нам рассказывали в школе, и требует тщательного и вдумчивого изучения.

Обломки колокола и могилы героев

Гуляли мы как-то в окрестностях метро "Автозаводская" и решили глянуть, в каком состоянии находится Симонов монастырь. Оказалось, что этот древний монастырь вот-вот закроют на реставрацию, в связи с чем большая часть его территории недоступна для посещения. Но зато на обратном пути мы подошли к церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Старом Симонове и увидели кусочек бронзового колокола, вмонтированный в кирпичную стену. Такое видишь не часто, поэтому мне захотелось узнать причину такого странного "украшения" здания.

Оказалось, что это обломки колокола, который был сброшен в 1932 году при сносе колокольни храма (а может быть и раньше, сразу после закрытия храма в 1928 году). Нынешнюю звонницу отстроили в 2006 году, после чего один из бронзовых фрагментов вмонтировали в её стену. В 2021 году при прокладке инженерных коммуникаций строители обнаружили и другие части колоколов этой церкви.

Храм Рождества Пресвятой Богородицы в Старом Симонове связан с некоторыми важными событиями из истории нашей страны. Первую церковь на этом месте заложил в 1370 году племянник Сергия Радонежского Феодор Симоновский. По преданию, землю для церкви купил византийский купец Стефан, сын Василия. Его сын Григорий, по одной из версий, стал доверенным лицом великого князя московского Василия Дмитриевича, но не отличался опрятностью, из-за чего получил в народе прозвище "Ховра", то есть неряха. От этого прозвища вроде бы как и произошла фамилия Ховрины, давшая название одному из районов Москвы.

По другой версии, фамилия Григория Стефановича и его сына Владимира Григорьевича звучала как Комрины, что позволило некоторым историкам считать, что это византийское семейство было в родстве со знаменитыми Комниными. А фамилия Ховрин, согласно этой версии, образовалась после трансформации Комнин → Комрин → Хомрин → Ховрин. Как бы то ни было, Ховрины сделались в Московском государстве боярами; Дарья Ивановна Ховрина, вышедшая замуж за Никиту Юрьевича Романова, была бабушкой царя Михаила Фёдоровича.

По легенде, когда Стефан Васильевич почувствовал приближение смерти, он принял постриг под именем Симона. Отсюда и название монастыря. Деревянный храм, заложенный Феодором, стал первой постройкой Симонова монастыря. Но уже через 9 лет монастырь перенесли на новое место, чуть севернее.

Тем не менее, деревянная церковь Рождества Богородицы и подворье при ней оставались весьма почитаемыми. После возвращения русских воинов с Куликовской битвы именно в Старом Симоновом монастыре похоронили Александра Пересвета, а позднее, через несколько лет, и Родиона Ослябю. Для останков этих митрополичьих бояр, героев сражения, рядом с Рождественской церковью был построен каменный склеп. По одной из версий, этот склеп обнаружили в XVIII веке при разборке старой колокольни. При строительстве новой трапезной храма усыпальницу героев закрыли, а камни из неё были уложены в северо-западный угол трапезной. Позднее над этим местом соорудили чугунное надгробие, уничтоженное в 1932 году.

По другой версии, склеп с останками Пересвета и Осляби так и не был найден и, скорее всего, находится под трапезной церкви Рождества Богородицы.

Рядом с церковью стоит небольшая часовня.

Её построили на том самом месте, где когда-то располагалась келья инока Кирилла. Предание гласит, что в 1397 году этому шестидесятилетнему монаху было видение. Он услышал женский голос, обращённый к нему:

"*Кирилл, уходи отсюда и иди на Белоозеро, ибо я приготовила там тебе место, на котором ты сможешь спастись*".

Помимо голоса был ещё и яркий свет, который указал монаху направление на север.

Кирилл послушался, и отправился на берега Сиверского озера. Там он вырыл пещеру для своей кельи. Позднее к нему начали приходить другие монахи. Так был основан Кирилло-Белозерский монастырь, ставший в XV – XVII веках одним из богатейших в России. Эта обитель находилась на пересечении торговых путей, поэтому играла важнейшую роль в экономике страны. А монастырское начальство активно скупало имения: в XVII веке одних только деревень во владении монастыря было 607. Даже в начале XVIII века, когда старые торговые пути уже изменились, обитель являлась собственником 21 тысячи крестьян, проживавших на территории 16 уездов.

Но вернёмся к церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Старом Симонове. Места, где Богородица являлась людям, зачастую являются центрами массового поклонения. Достаточно вспомнить французский Лурд или португальскую Фатиму. Но Старое Симоново, почему-то, не стало центром подобного культа. Вполне возможно, что не было никакого чудесного видения у Кирилла, а был приказ от высшего церковного руководства отправляться на север и там скупать землю и людишек возле Сиверского озера. В архивах сохранилось как минимум 25 документов, связанных с приобретением близлежащих сёл. Нищему иноку, жившему в пещере, вряд ли бы удалось изыскать средства на такую бурную коммерческую деятельность.

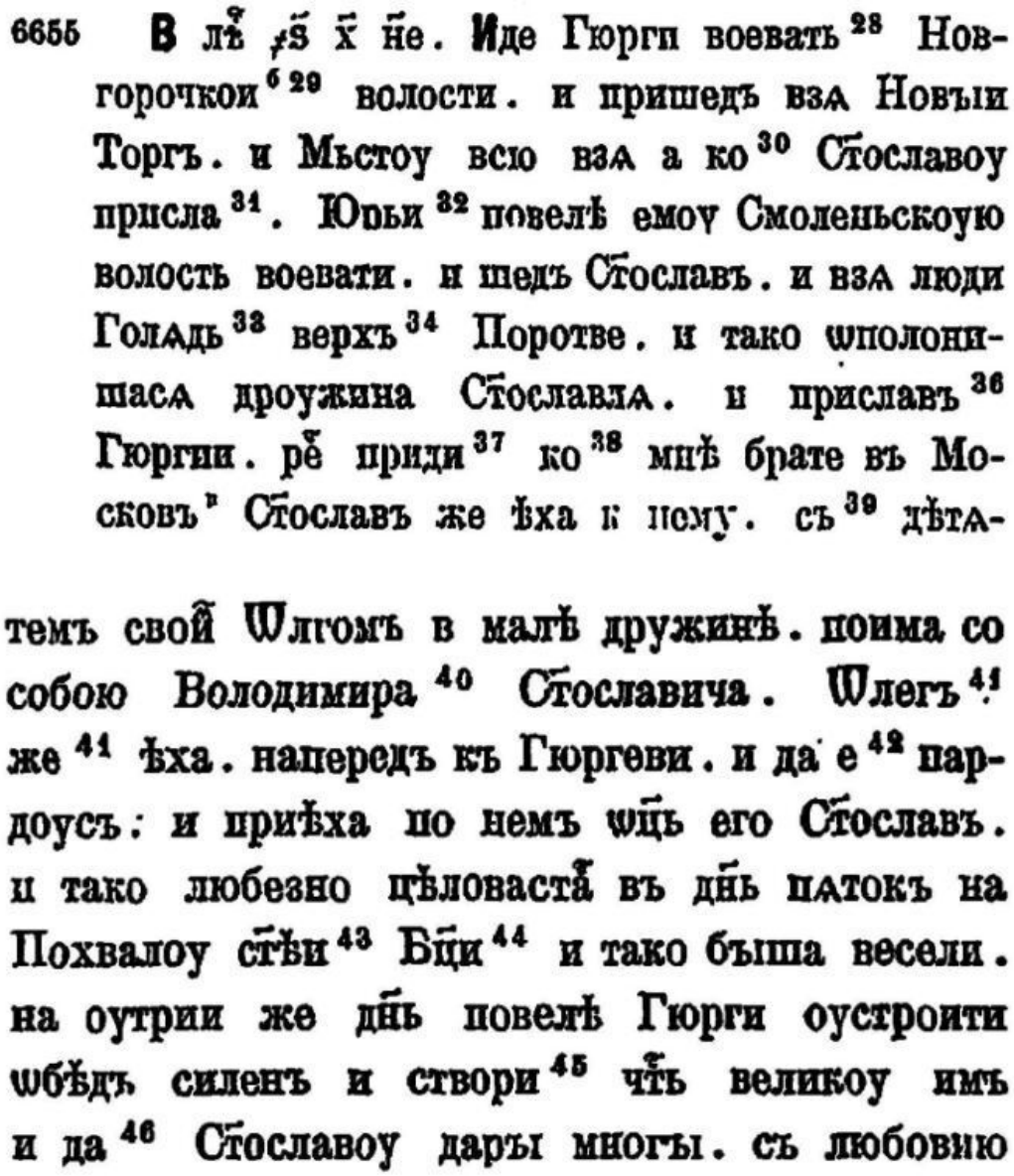
В 1509 – 1510 годах вместо деревянной церкви в Старом Симонове была построена каменная одноглавая. Освящал вновь построенный храм сам митрополит Московский и всея Руси. По удивительному стечению обстоятельств имя, которое принял тот митрополит при постриге, – тоже Симон.

В советское время колокольню снесли в 1932 году, а здание церкви приспособили под один из цехов завода "Динамо": там разместилась компрессорная. В конце семидесятых, начале восьмидесятых годов двадцатого века бывший храм выглядел жутковато. Так что остаётся лишь порадоваться, что эту древнюю церковь привели в порядок. Она является важным памятником истории нашей страны и заслуживает бережного к себе обращения.

Надеюсь, что в скором времени начнут восстанавливать и Симонов монастырь, не менее важный памятник истории и культуры.

Самые древние здания Москвы

Как все знают, официальной датой основания Москвы считается 4 апреля 1147 года. Именно этим днём (пяток на Похвалу Богородицы) в Ипатьевской летописи, (в той её части, которая именуется Киевской летописью), датирована запись о том, как Юрий Долгорукий пригласил своего союзника, Святослава Ольговича, в Москву для переговоров.



6655 В лѣ ѕ̃ х̃ не. Иде Гюргп воевать[28] Новгорочкои[6 29] волости. и пришедъ взА Новыи Торгъ. и Мьстоу всю взА а ко[30] Стославоу присла[31]. Юрьи[32] повелѣ емоу Смоленьскоую волость воевати. и шедъ Стославъ. и взА люди Голадь[33] верхъ[34] Поротве. и тако ѡполонишасА дроужина СтославлА. и приславъ[36] Гюргии. рѣ приди[37] ко[38] мнѣ брате въ Московъ[n] Стославъ же ѣха к нему. съ[39] дѣтемъ свои Wлгомъ в малѣ дружинѣ. поима со собою Володимира[40] Стославича. Wлегъ[41] же[41] ѣха. напередъ къ Гюргеви. и да е[42] пардоусъ: и приѣха по немъ wць его Стославъ. и тако любезно цѣловастѣ въ днь пятокъ на Похвалоу стѣи[43] Бци[44] и тако бъша весели. на оутрии же днь повелѣ Гюрги оустроити wбѣдъ силенъ и створи[45] чть великоу имъ и да[46] Стославоу дарьı многы. съ любовию

Понятно, что первое летописное упоминание не является реальной датой основания города. Юрий Долгорукий приглашал князя новгород-северского не на пустое место. Городок существовал уже до этого. Археологические данные подтверждают, что в конце XI века на высоком холме над рекой уже стояло городище, обнесённое оборонительным рвом. На шестиметровой глубине была найдена щебёночная отмостка древней улицы. На этой самой улице обнаружили свинцовую печать, оттиснутую в Киевской митрополии между 1091 и 1096 годами. На другой улице городка имелась деревянная мостовая, что позволило датировать её методами дендрохронологии. Получилось, что она была сделана в 1080 – 1090-х годах.

А что в Москве с самыми древними постройками?

Очевидно, что логичнее всего было бы искать их в Кремле, на Боровицком холме, который поднимается до отметки 145 метров над уровнем моря. В древности этот холм выглядел не так, как сейчас: место возле устья Неглинки было более крутым и более узким. Когда люди заселили данную кручу, они её выровняли и расширили. Поселение XI века на холме состояло из двух укреплённых центров. Первый, больший по площади, находился на месте современной Соборной площади, второй занимал оконечность мыса. Предположительно, оба центра защищало кольцевое укрепление, состоявшее из рва, вала и частокола. В 1156 году Юрий Долгорукий повелел поставить там полноценную крепость. А где крепость – там и церковь. С X века на Руси начали возводить каменные церкви. Через какое-то время подобное здание получил и Московский Кремль.

Самым древним можно считать подклет (нижний цокольный этаж) Благовещенского собора, построенный в 1291 году из белого камня. Сам собор тогда был деревянным, и уже в 1416 году его разобрали. Но белокаменный подклет конца XIII века остался и сохранился до наших дней. Его можно увидеть, если спуститься в нижнюю часть храма.

Вторым по древности зданием Москвы является церковь Рождества Богородицы на Сенях, построенная в 1393 – 1394 годах при женской половине княжеского дворца в качестве домового храма великой княгини. От той постройки до наших дней сохранилась нижняя часть здания (до половины высоты стен, до верхней открытой галереи) с главным порталом и частью окон. В 1514 – 1518 годах эта часть церкви стала подклетом, а над ним были выложены новые высокие своды. Храм соединялся с жилым уровнем дворца переходом с сенями, отсюда и название.

Третьим по древности зданием Москвы является Спасский собор Андроникова монастыря. И если два вышеупомянутых здания сохранились частично, то Спасский собор мы можем видеть таким, каким он был сразу после постройки в 1425 – 1427 годах (хотя и с некоторыми важными оговорками).

В XIX веке облик храма значительно исказился. Его центральную главу венчал шатёр, а полукруглые декоративные завершения (кокошники) у основания главы были полностью утрачены. В такой церкви XIX века совершенно не заметны характерные черты древнерусского зодчества! Но нам повезло, что в 1959 – 1960 годах по проекту Льва Давида и Сергея Подъяпольского Спасскому собору вернули изначальный облик с большей или меньшей степенью правдоподобия. Остаются лишь вопросы по форме купола и количеству кокошников у основания барабана. Но мне кажется, что эстетическое чувство этих замечательных архитекторов-реставраторов смогло помочь им восполнить пробелы в данных, полученных после анализа деталей конструкции древнего храма.

Если Кремль – это режимный объект, где особенно не разгуляешься, да и посещение кремлёвских церквей не слишком свободное, то Андроников монастырь в этом смысле пока что более либеральное место. Входи – и наслаждайся неповторимой атмосферой монастыря, где когда-то творил Андрей Рублёв…

Кем же был ябеда на самом деле?

В детстве мы очень не любили доносчиков. Тех, кто жаловался взрослым на проделки кого-то из наших сверстников, обзывали ябедами. У нас во дворе и в моём детском саду это чаще всего сопровождалось такими словами:

Ябеда-корябеда, солёный огурец,

На полу валяется. Никто его не ест!

В других местах использовалась иная словесная конструкция:

Ябеда-корябеда, турецкий барабан.

Кто на нём играет – тот противный таракан.

В журнале "Мурзилка" за 1977 – 1978 годы выходила детективная история-комикс "Двенадцать агентов Ябеды-Корябеды", в которой умница Мурзилка расследовал козни злой волшебницы Ябеды-Корябеды. Среди младшеклассников этот журнальный комикс имел очень большую популярность, и потому получил продолжение в 1981 и в 1983 годах.

Но откуда же пришло к нам это странное слово ябеда, само по себе обещающее что-то нехорошее (Я-Беда)?

В Новгородской первой летописи за 1218 год есть такая запись:

"*И бысть на зиму, побеже Матеи Душильцевичь, съвязавъ Моисѣича бириць ябетниць; новгородци же, угонивъше и, яша и ведоша и на Городище, и въиде лжа въ городъ* ***ябетницьИ*** *бысть на зиму, побеже Матеи Душильцевичь, съвязавъ Моисѣича бириць ябетниць; новгородци же, угонивъше и, яша и ведоша и на Городище, и въиде лжа въ городъ*".

Считается, что ябетьник был в Древней Руси должностным лицом, которое отвечало за судебные разбирательства и выступало в них в роли обвинителя или следователя. Ябетьники также следили за порядком и доносили о нарушениях князю. Лингвисты уверены, что это слово было заимствовано из древнескандинавского, где имелось понятие embætti, ambætti (должность, служба, пост), а потом соответствующим образом модифицировалось в славянской языковой среде.

В некоторых списках "Русской Правды" (Краткая Русская Правда по Академическому списку первой половины XV века) упоминается "ябетникъ", как княжий человек, находящийся под княжеской защитой. В Пространной Русской Правде второй половины XV века это слово заменяется на "тивунъ боярескъ".

В Новгородской четвёртой летописи за 1445 года есть такая запись:

"*А въ то время не бъ въ Новъгородъ правдъ и праваго суда, и возсташа ябедници, изнарядиша четы и объты и цѣлованія на неправду, и начаша грабити по селомъ и по волостемъ и по городу*".

Позднее ябедник уже стал пониматься как клеветник, обвинитель, истец, в роли которых нередко выступали боярские тиуны. Несколько позже с этим словом связался другой смысл – "доносчик", и потом отделилось слово "ябеда" в смысле "действия ябедника", "доноса" самого по себе. К середине XVIII века это слово уже вошло в широкое употребление, причём с тремя значениями: 1) кляуза, донос или прошение, поданное в суд; 2) доносчик, наговорщик; 3) клевета, наговор. Интересно отметить, что в Манифесте об общем учреждении министерств, подписанном Александром I 25 июня 1811 года, был такой параграф:

"*265. Министры, принимая жалобы на места и лица, им подчиненные, и истребовав по оным все нужные объяснения, полагают скорое и справедливое решение, наблюдая при сем: 1) чтоб не принимать жалоб на нижние места мимо высших, 2) чтоб не давать движения жалобам, без всяких доказательств приносимым, а паче не допускать доносов, на одной ябеде основанных, 3) чтоб вообще не ослаблять силы и действия мест и лиц, им подчиненных, излишним благоприятством к жалобам и доносам неосновательным, преждевремен-*

ными взысканиями и выговорами по обвинениям не доказанным, или требованиями ответов и объяснений по наветам, внимания не заслуживающим; с доносителями же, во лжи и ***ябеде****265. Министры, принимая жалобы на места и лица, им подчиненные, и истребовав по оным все нужные объяснения, полагают скорое и справедливое решение, наблюдая при сем: 1) чтоб не принимать жалоб на нижние места мимо высших, 2) чтоб не давать движения жалобам, без всяких доказательств приносимым, а паче не допускать доносов, на одной ябеде основанных, 3) чтоб вообще не ослаблять силы и действия мест и лиц, им подчиненных, излишним благоприятством к жалобам и доносам неосновательным, преждевременными взысканиями и выговорами по обвинениям не доказанным, или требованиями ответов и объяснений по наветам, внимания не заслуживающим; с доносителями же, во лжи и* ***ябеде*** *приличенными, поступать по законам.*"

Т. е. в официальном документе слово "ябеда" означает клевету и несправедливые обвинения. Примерно так же использовал это слово и Александр Сергеевич Пушкин. Это видно по первой главе повести "Дубровский":

"*Андрей Гаврилович, изумленный неожиданным запросом, в тот же день написал в ответ довольно грубое отношение, в коем объявлял он, что сельцо Кистеневка досталось ему по смерти покойного его родителя, что он владеет им по праву наследства, что Троекурову до него дела никакого нет и что всякое постороннее притязание на сию его собственность есть ябеда и мошенничество.* ***ябеда****Андрей Гаврилович, изумленный неожиданным запросом, в тот же день написал в ответ довольно грубое отношение, в коем объявлял он, что сельцо Кистеневка досталось ему по смерти покойного его родителя, что он владеет им по праву наследства, что Троекурову до него дела никакого нет и что всякое постороннее притязание на сию его собственность есть ябеда и мошенничество.*"

"*Уверенный в своей правоте Андрей Гаврилович мало о нем беспокоился, не имел ни охоты, ни возможности сыпать около себя деньги, и хоть он, бывало, всегда первый трунил над продажной совестью чернильного племени, но мысль соделаться жертвой ябеды не приходила ему в голову.* ***ябеды****Уверенный в своей правоте Андрей Гаврилович мало о нем беспокоился, не имел ни охоты, ни возможности сыпать около себя деньги, и хоть он, бывало, всегда первый трунил над продажной совестью чернильного племени, но мысль соделаться жертвой ябеды не приходила ему в голову.*"

Ну а в наше время, пожалуй, кроме детей и тех, кто их воспитывает, слово ябеда мало кто использует…

Магдебургские, Сигтунские или Корсунские?

Главным православным храмом Великого Новгорода является Софийский собор, заложенный в 1046 году чуть ли не самим Ярославом Мудрым. Пятинефный крестово-купольный храм был выстроен из кусков известняка разных цветовых оттенков, скреплённых цемянкой, а арки, арочные перемычки и своды делались из плинфы. Первоначально внешние стены собора даже не белили, но позднее у этой церкви появились роскошные бронзовые врата с рельефными изображениями сцен из Ветхого и Нового Заветов. Эти врата украсили западный портал храма: там находился главный вход.

Две створки врат состоят из 48 бронзовых пластин, которые образуют 26 клейм с рельефным изображением сцен из Ветхого и Нового завета. Все клейма и створы обрамлены.

Учёные установили, что бронзовые пластины с барельефами были изготовлены в 1152—1154 годах в Магдебурге и предназначались, скорее всего, для собора Успения Пресвятой Девы Марии в Плоцке. Это подтверждается тем, что на одной из пластин изображён епископ Вихман из Магдебурга.

На другой пластине присутствует плоцкий епископ Александр, наиболее вероятный заказчик изделия. Фигура епископа Александра – самая высокая на пластине. Вокруг него стоят дьяконы. Подпись сделана как латинскими, так и кириллическими буквами.

Также на вратах имеются изображения магдебургских мастеров Риквина и Вайсмута, которые отливали бронзовые пластины. В той же самой ячейке с единым обрамлением позднее установили точно по центру фигурку русского мастера Авраама, у которого в руках молот, клещи и тигель, а на шее висит крест с монограммой Иисуса Христа.

Но если бронзовые пластины отливали и шлифовали в Магдебурге, а предназначались они для собора в Плоцке, как же они оказались в Великом Новгороде?

По этому поводу существуют различные версии. В XV веке в Новгороде появилась легенда о том, что бронзовые врата привёз на Русь великий князь Владимир после взятия Корсуни. Хотя Херсонес Таврический до XIII века входил в состав Византийской империи, а надписи на пластинах сделаны латинскими и кириллическими буквами, никого это долгое время не смущало. Врата именовали Корсунскими вплоть до начала XIX века. В частности, так их называли в описях Софийского собора XVIII века.

В 1784 году была издана третья часть "Истории Российской" Василия Никитича Татищева. В этой книге цитируется сообщение из источника, который не дошёл до нашего времени, о появлении в 1336 году в Софии "медных" дверей, которые архиепископ Василий "привезше из Немец, купи ценою великою".

Вѣ Новѣградѣ владыка Василїй у святой Софїи
устрои двери мѣдяныя золочены, привезше изѣ Нѣмецѣ купи цѣною великою.

1337. Василей. 6845, 1337. Родися Князю Симїону Ивановичу, внуку Данилову, сынѣ Василей.

Архиепископ Василий был фигурой влиятельной, ему постоянно приходилось мирить новгородцев с соседними князьями. А казна Софийского собора в те времена была достаточно богатой, чтобы позволять тратить средства оттуда на украшение храма или на благоустройство Новгорода. Так что поездка Василия куда-нибудь в Прибалтику через Псков или даже в Шве-

цию по дипломатическим делам совсем не кажется невероятной. А там он вполне мог приобрести красивые бронзовые барельефы для главной церкви города.

В 1834 году вышел в свет труд Фёдора Павловича Аделунга "Корсунские врата, находящиеся в Новгородском Софийском соборе", в котором были обстоятельно рассмотрены многочисленные свидетельства романского происхождения этого замечательного произведения средневековых мастеров. Аделунг отыскал в шведских источниках предание о вратах шведской столицы Сигтуны, вывезенных будто бы в Новгород в 1187 году в качестве военного трофея. С лёгкой руки немецкого исследователя название "Сигтунские врата" надолго закрепилось за бронзовыми дверями.

Но в новгородских летописях сведения о таком походе отсутствуют, а западноевропейские источники чаще всего называли участников этого набега язычниками. В Хронике Эрика в нападении на шведскую столицу обвинили карелов, а ещё упомянули, что разгрому Сигтуны радовались карелы и русичи. А в "Chronica regni Gothorum", написанной шведским священником Эриком Олаем, утверждается, что нападение совершили карелы и новгородцы-русичи. И лишь в XVI веке Олай Петри и Лаврентий Петри посчитали, что в том походе участвовали эсты, а Иоанн Магнус написал, что эстам помогали финны.

Предание о том, что врата из Сигтуны увезли в Новгород, появилось не раньше XV века. Шведский писатель Мартин Лаврентий Асханеус в книге "Описание Сигтуны", изданной в 1612 году, упоминал, что его бабушка, мать отца, рассказывала, что русские, которые разрушили Сигтуну, увезли красивые городские врата в Москву или в Новгород.

Карелы были весьма воинственным народом. В "Деяниях данов" Саксона Грамматика и "Саге об Инглингах" есть сообщение, что конунг данов Ивар Широкие Объятья потерпел поражение от союзного войска карел и был убит в местности, именуемой *Кирьялаботнар* (Карельские заливы). Есть не очень достоверная информация о том, что в 1178 году карельское войско захватило город Ноуси и пленило епископа Рудольфа. В результате епископ был увезён в Карелию и там убит. Ещё имеются известия о том, что в 1198 году карелы вместе с новгородцами захватили город Або. Правда, этот город появился лишь в XIII веке, что наводит на подозрения, что данные записи делались позднее.

Тем не менее, новгородцы и карелы действительно совершали совместные военные походы, и, теоретически, карельская дружина и в самом деле могла напасть на Сигтуну в 1187 году. Известно, что в следующем году на острове Готланд и в двух шведских материковых городах местные власти заключили в тюрьму новгородцев, находившихся там с торговыми целями, что заставило новгородцев даже временно прекратить морскую торговлю.

Это вполне могло быть ответом на Сигтунский поход. Но вот только эта версия никак не объясняет факт присутствия в Сигтуне церковных врат, сделанных в Магдебурге для Плоцкого собора.

В 1616 году шведский полководец граф Якоб Делагарди писал шведскому канцлеру Акселю Оксеншерна:

"*Относительно медных врат, которые его королевское величество желает, чтобы ему прислали из Новгорода ради их достопримечательности, тем более, что они были некогда взяты из Сигтуны, – то я очень бы желал исполнить приказание его королевского величества* ."

Но это происходило уже после публикации книги "Описание Сигтуны". И Делагарди, и Густав II Адольф могли быть введены в заблуждение легендой, записанной и внедрённой в массовое сознание Асханеусом.

Есть версия, что врата были доставлены по назначению и не одно десятилетие находились в Плоцком соборе, а в XIII веке их похитили литовцы во время похода на Мазовию. Согласно ещё одной версии, польское духовенство подарило изделие магдебургских мастеров Лугвению Ольгердовичу, брату Ягайло. Лугвений был князем в Новгороде в 1389 – 1392 и в 1407 –

1412 годах. Но эти версии почти не подкреплены конкретными фактами и строятся лишь на догадках.

В 1450 году архиепископ Евфимий II затеял переделку западного портала Софийского собора. Одновременно мастер Авраам отреставрировал бронзовые врата. Скорее всего, именно тогда на пластине и появилась фигурка русского мастера с молотом, клещами и тигелем в руках. Предполагается, что после этой реставрации врата стали именоваться Корсунскими.

Ещё их переделывали в последней четверти XVII века во время капитального ремонта Софийского собора, затеянного митрополитом Корнилием, в конце XIX века меняли деревянную основу, а в конце XX века ворота обследовали и реставрировали даже трижды (в 1980, 1992 и в 1997 годах).

Сотрудники Всесоюзного научно-исследовательского института реставрации выявили в 1980 году значительные различия сплавов, из которых изготовлены кресты и пластины рамы врат. Но это вполне объяснимо: вне зависимости от обстоятельств обретения такие массивные изделия нужно было разбирать перед перевозкой. А потом на месте могло оказаться, что какую-то деталь потеряли, и её требуется чем-то заменить. Аналогичные проблемы вполне могли возникнуть и в ходе реставрации 1450 года. К тому же размер западного портала Софийского собора менялся в ходе перестроек и переделок, а вместе с ним изменялся и размер дверного проёма. И бронзовые врата пересобирали, чтобы они полностью закрывали проём. Несоответствия при сборке можно заметить в тех местах, где должны стыковаться пластины с гравировкой или с орнаментом.

Поляки сделали себе копию этих замечательных врат. Её изготовили во второй половине 1970-х годов, 23 ноября 1981 года смонтировали в Плоцком соборе, а 28 февраля 1982 года торжественно освятили. Разумеется, в Польше оригинал этого бронзового изделия именуется Плоцкими вратами.

Что историки действительно знают про Андрея Рублёва?

Если завести беседу об истории русского искусства, то одним из самых ранних и самых ярких его представителей, которого почти наверняка вспомнят все образованные люди, будет Андрей Рублёв. Назовут его "Троицу", как образец просветлённости, кротости и смирения; может быть, упомянут о "прозрачности письма", "безмолвном созерцании" и "сиянии глаз" у иконописных образов.

Специалисты, рассказывая об Андрее Рублёве, отметят, что его чувство композиции безупречно, а любая форма на его иконах одухотворена божественной энергией. Все линии, вышедшие из-под кисти великого мастера, назовут певучими, ритмы – музыкальными, повороты фигур и наклоны голов – мягкими, одеяния – воздушными, красочную гамму – светлой и нежной.

Про Андрея Рублёва Андрей Тарковский снял в 1966 году знаменитый фильм, Наталья Иртенина в 2014 году сочинила исторический роман, а Валерий Кикта написал в 2016 году балет.

Но что мы в действительности знаем об этом замечательном иконописце конца XIV – начала XV веков?

Анатолий Солоницын в роли Андрея Рублёва в фильме Андрея Тарковского.

Где и когда он родился – на данный момент неизвестно. Кем были его родители – тоже неизвестно. Кто обучал его иконописи – специалисты по этом поводу предлагали разные версии, но всё это лишь теории, базирующиеся только на энтузиазме и личных предпочтениях этих учёных.

В Троицкой летописи, сгоревшей во время пожара 1812 года в Москве, в записях, относящихся в 1405 году, упоминалось, что "*тое же весны почаша подписывати церковь каменую Святое Благовещение на князя великаго дворе, не ту, иже ныне стоит, а мастера бяху Фео-*

фан иконник Гречин, да Прохор старец с Городца, да чернец Андрей Рублев, да того же лета и кончаша ю".

Историки делают вывод, что из троих упомянутых мастеров Андрей Рублёв был младшим, поскольку назван последним. Летописец указал, что он чернец. Так называли на Руси монахов, принявших постриг и после этого носивших рясу из грубой шерстяной ткани черного цвета. После пострига монахи обычно меняли имя. К примеру, будущий Сергий Радонежский, окрещённый Варфоломеем, был пострижен в день памяти святых Сергия и Вакха, а потому получил монашеское имя Сергий. Но бывали и исключения вроде Феодосия Печерского или Петра Могилы, когда при пострижении в монахи иноки оставляли себе имя, полученное при крещении. Так что мы не можем сказать ничего определённого о том, как звали Андрея Рублёва до пострига.

В 1416 году Благовещенский собор в Московском Кремле разобрали, поставив на его месте новую трёхглавую церковь. А в 1482 – 1483 годах разобрали и эту церковь. Следующую строили пять лет, но в 1564 – 1566 годах пришлось переделывать и её. Так что от оригинальных росписей Феофана Грека, Прохора с Городца и Андрея Рублёва в Кремле ничего не сохранилось. А иконы, которые теоретически могли остаться от этих мастеров, с очень большой вероятностью сгорели при пожаре 1547 года в Москве.

Николай Сергеев в роли Феофана Грека и Анатолий Солоницын в роли Андрея Рублёва в фильме Андрея Тарковского.

Второе летописное упоминание об Андрее Рублёве в той же Троицкой летописи относится к 1408 году:

"*Мая в 25 начаша подписывати церковь каменую великую соборную святая Богородица, иже во Владимире, повелением князя великаго, а мастеры Данило иконник да Андрей Рублев*".

Отметим, что и в данном случае первым в летописи указан Данило иконник, так что, вероятнее всего, он был главным при росписи Успенского собора во Владимире.

Николай Гринько в роли Даниила Чёрного и Анатолий Солоницын в роли Андрея Рублёва в фильме Андрея Тарковского.

Мастера расписали главный храм Владимира фресками, а также, возможно, сделали в нём иконостас. Хотя по поводу атрибуции икон XV века среди историков и искусствоведов до сих пор идут дискуссии: некоторые считают, что их создали позднее.

Но весной 1536 года во Владимире случился большой пожар. От соседних строений занялась и кровля Успенского собора. В город срочно отправили Истому Давыдовича Курчева, который до августа занимался восстановлением Владимира. Понятно, что в спешке, скорее всего, починили только крышу храма, а чистить фрески от копоти вряд ли стали. В XVIII веке, когда состояние Успенского собора стало внушать серьёзные опасения, его несколько раз ремонтировали, как сумели. Всё это по совокупности сильно повредило интерьеры.

Посетив Владимир в 1767 году, Екатерина II ужаснулась разрухе в главной городской церкви и приказала воссоздать благолепие древнего храма, выделив для этого 14 000 рублей. В ходе работ иконостас XV века демонтировали и вынесли наружу. По счастливой случайности эти иконы (так называемый "Васильевский чин" или "Васильевский иконостас") не пропали: их выкупили жители села Васильевское возле Шуи для украшения своего храма Святой Троицы. Ныне эти произведения искусства XV века хранятся в Государственной Третьяковской галерее и Государственном Русском музее.

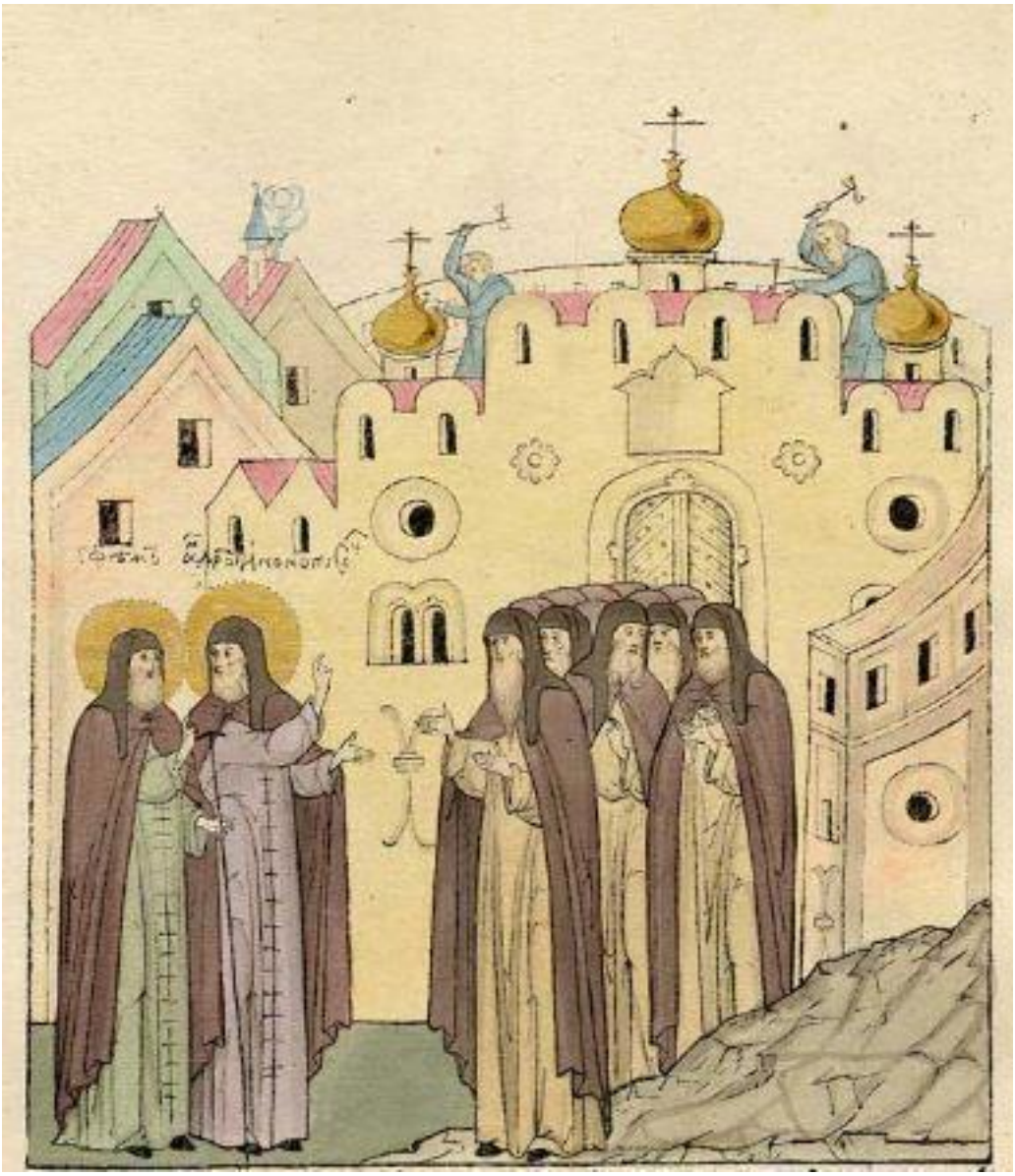
Что же касается фресок 1408 года, то их закрасили новыми росписями в XVIII и в XIX веках. Лишь в 1882 – 1884 годах при ремонтных работах случайно обнаружили, что на стенах собора имеется древняя роспись в не самом худшем состоянии. После продолжительных реставрационных работ в настоящее время подлинные фрески Даниила Чёрного и Андрея Рублёва стали доступны для обозрения. Главным образом, это большая композиция "Страшный суд", расположенная на сводах, столбах и арках под хорами в западной части храма, а также отдельные изображения святых из других циклов, орнаменты и полотенца в различных частях храма.

Других летописных свидетельств об Андрее Рублёве на данный момент не найдено. Но имеются упоминания о нём в трудах Иосифа Волоцкого и в житиях святых. Так, в "Духовной грамоте" историки давно обратили внимание на такой фрагмент:

"*Поведаше же нам и се честный он старец Спиридон <игумен Троице-Сергиева монастыря в 1467 – 1474 годах; умер в 1475 году>, яко преосвященный митрополит Алексие, новый чудотворец, егда созда два монастыря, Андрониковский, глаголю, и Чудовский, и на Андрониковьский монастырь взял во Игумена у Святаго Сергия блаженнаго Андроника; блаженный же Андроник бяше Великими добродетель-ми сияя, и с ним бяху ученицы его Сава и Александр, и чудний они пресловущии иконописцы Даниил и ученик его Андрей, инии мнози такови же и толику добродетель имуще, и толико потщание о постничестве и о иноческом жительстве, яко же им Божественныя благодати сподобитися и толико в Божественную любовь предуспети, яко никогда же о земных упражнятися, но всегда ум и мысль возносити к невещесвеному и Божественному свету, чувственое же око всегда возводити ко еже от вещных вапов написаным образом Владыки Христа и пречистыя его Матере и всех Святых, яко и на самый праздник свелаго Воскресения на седалищих седяща, и пред собою имуща все честныя и Божественныя иконы, и на тех неклонно зрящя божественыя радости и светлости исполняху; и не точию на той день тако творяху, но и в прочая дни, егда живописательству не прилежаху. Сего ради Владыка Христос тех прослави и в конечьный час смертный: прежде убо преставися Андрей, потом же разболеся и спостник его Даншил, и в конечном издохновении сый, виде своего спостника Андрея во мнозе славе и с радостию призывающа его в вечное оно и бесконечное блаженство.*"

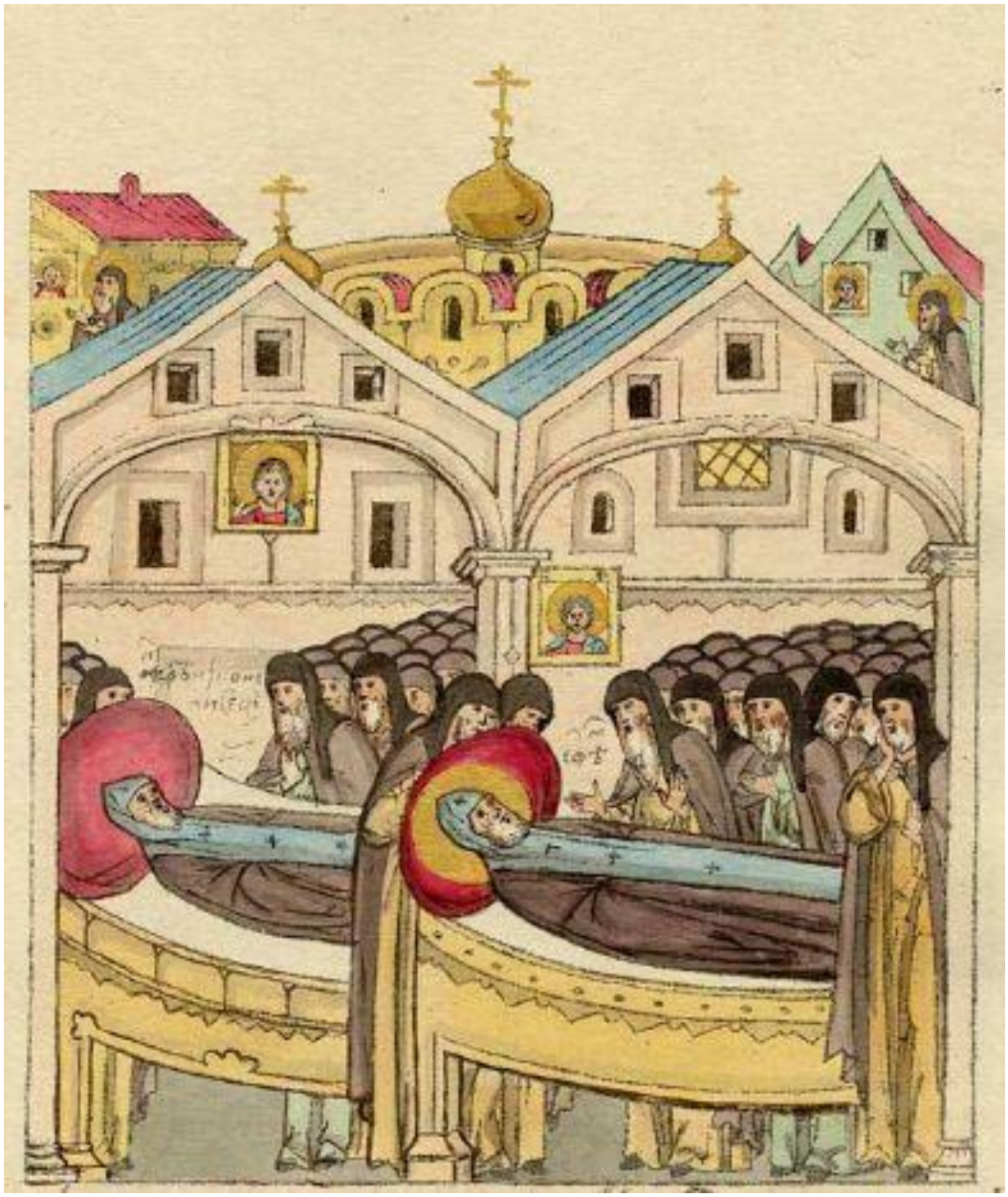
В "Житии святого Никона Радонежского", написанном Пахомием Логофетом, имеется такое упоминание об этих мастерах иконописи:

"*Събравъ бо живописци мужи въ добродетели съвръшеньных, Данила именемь и спостника его Андреа и некых с ними. И абие делу касаются и зело различными подписанми удобривше ту, могуща всех и доныне зрящихъ удивити, последнее се рукоделие на память себе оставльше. И яко съвръшише вся, нечто мало пребывше, абие съмиреный Андрей оставль сию жизнь, къ Господу отиде, таже и съпостникъ его Даншилъ, оба добре пожившие и въ старости велище бывше, благий конець приаше. Егда бо хотеаше Даншилъ телеснаго съуза разрешитися, абие видить възлюбленнаго ему Андреа въ радости призывающа его. Он же яко виде, его же желаше, зкло радости исполнився и братии предстоащимъ сказааше постника его пришествие. Видеша же братьа сихъ преставление, познаше, яко сего ради въскоре хотяше подписанми церковь ону украсити, за еже разумети ему духовнихъ онех мужи преставление, тем же и благодать ему велию исповедаху*".



Андрей Рублёв и игумен Ефрем на строительстве нового Спасского собора в Андроников монастыре. Миниатюра из "Жития Сергия Радонежского". 1592 год.

Благодаря подобным агиографическим источникам можно с достаточной уверенностью говорить о том, что Даниил Чёрный и Андрей Рублёв расписывали также Троице-Сергиев монастырь и Андроников монастырь. На территории последнего эти мастера и были похоронены после смерти. Анализируя тексты житий, историки достаточно уверенно предположили, что это произошло между 1527 и 1430 годами. Место погребения знаменитых иконописцев помнили до конца XVII века. Согласно более позднему источнику, "святые… их мощи погребены и почивают в том Андрониеве монастыре под старою колокольнею, которая в недавнем времени разорена, и место сравнено с землею, яко ходити по ней людям всяким и нечистым, и тем самым предадеся забвению (память) о тех их святых мощах". Та самая "старая колокольня" находилась, скорее всего, к северо-западу от западной стороны Спасского собора. Но никаких археологических подтверждений этому пока что не получено.



Смерть Данишла Чёрного и Андрея Рублёва. Миниатюра из "Жития Сергия Радонежского". 1592 год.

С 23 февраля по 11 мая 1551 года в Успенском соборе Московского кремля проходил Стоглавый собор. На этом важном мероприятии, в котором участвовали царь Иван Васильевич, высшее духовенство и представители Боярской думы, были приняты разнообразные решения, определившие путь развития страны на долгие годы. Эти решения были сформулированы в 101 главе, отсюда и название собора. В 41-й главе "Стоглава" можно прочитать следующее:

"*У святей Трощы пишут перекрестие ови у среднего, а иные всех трех. А в старых письмах и в греческих подписывают святая Троица, а перекрестья не пишут ни у единого. А ныне подписывают у среднего Исус Христос да святая Троица. И о том разсудити от божественных правил, како ныне то писати. И о том ответ. Писати живописцем иконы с древних образов, как греческие живописцы писали и как писал Андреи Рублев и прочий пресловущии живописцы, и подписывати святая Троица, а от своего замышления ничтоже претворяти.*"

В конце XVI – начале XVII столетий был создан справочник иконописных канонов, который позднее получил название Строгановского. В этом документе есть следующие слова:

"*Преподобный отец Андрей Радонежский, иконописец, прозванием Рублев многия святые иконы написал, все чудотворные… а прежде живяше в послушании у преподобного отца Никона Радонежского. Он повеле при себе образ написати пресвятыя Троицы, в похвалу отцу своему, святому Сергию Чудотворцу…*".

И это, вместе с церковным преданием о том, что "Троица" была написана "в похвалу Сергию Радонежскому" по заказу его ученика и преемника игумена Никона, послужило базисом для гипотезы, что знаменитую икону написал Андрей Рублёв. В настоящий момент эта гипотеза является общепринятой.

Хотя лично мне порой приходят в голову разные вопросы, касающиеся "Троицы":

Что мы знаем о том, как изменялась палитра этой иконы после многолетнего пребывания большей части росписи под окладами, четырёх или пяти поновлений на протяжении пяти веков и расчисток XIX – XX веков? Как изменился цвет оригинальных красок после многократного снятия олифы, чистки пемзой, нанесения новых красок и новой олифы?

Есть ли гарантия, что из под кисти автора, кем бы он ни был, вышло не совсем то произведение, которое мы можем видеть сейчас? Ведь есть вероятность, что текущий образ "Троицы" сложился после микроскопических изменений контуров, при которых реставраторы, возможно, пусть и неосознанно, стрались усилить художественную выразительность данной иконы. На них обязательно должен был оказывать определённое влияние тот факт, что это творение великого мастера…

Если подытожить, то получается, что об Андрее Рублёве историки знают очень мало. Бесспорно отнести к его наследию можно лишь фрески XV века, которые были найдены в Успенском соборе Владимира. Всё остальное – под очень большим вопросом. И приписать Рублёву шестьдесят произведений различного рода, от фресок до книжных миниатюр, как это сделал в 1926 году Игорь Эммануилович Грабарь, сейчас уже никто не решится. Хотя и сам Грабарь писал:

"*Приходится признать, что то, что мы представляем себе под живописью Рублева сейчас, после восьмилетней работы над реставрацией фресок и икон, более или менее достоверно связанных с именем Рублева, не имеет ничего общего со всеми прославленными оригиналами… И если легенда о жизни и трудах Андрея Рублева создавалась уже в первые десятилетия после смерти художника, постепенно ширясь и разрастаясь, то легенда о его художественном лике, сложившемся в нашем представлении к 1904 году, создалась и культивировалась, по-видимому, главным образом в течение XIX века. Но легенда о жизни и трудах опиралась по крайней мере на данные летописей, подлинников, житий и сказаний, легенда же об искусстве Рублева есть продукт домыслов и догадок, родившихся из увлекательных бесед и страстных споров энтузиастов, влюбленных в древнерусскую живопись и хотевших во что бы то ни стало воссоздать творческий образ мастера, подлинных произведений которого не сохранилось.* "

Так что бесспорно можно сказать лишь то, что в начале XV века на Руси сложилась самобытная иконописная школа, вобравшая в себя как византийские, так и итальянские традиции. И одним из ярких представителей этой школы был Андрей Рублёв. Он так понравился высшему духовенству страны, что его творения через полтора века признали эталонными. Но нам оценить его творчество в полной мере пока что невозможно из-за отсутствия фактологической базы. А то, что вокруг имени этого великого мастера сложился некий миф, можно лишь отнести к нашей потребности видеть в историческом процессе конкретных героев, которым можно приписывать те или иные положительные качества.

Анатолий Солоницын в роли Андрея Рублёва в фильме Андрея Тарковского.

К любым же биографиям Андрея Рублёва, содержащим что-либо, помимо указанных выше летописных и житийных сведений, следует относиться, как к художественному вымыслу…

Как поклонник Савонаролы стал русским писателем

В 1490 году в монастырь Сан-Марко во Флоренции вернулся проповедник отец Джироламо. Этого добился от Лоренцо Медичи, правителя республики, его гость, философ Джованни Пико делла Мирандола, осуждённый в 1487 году за еретическую книгу "900 тезисов" специальной комиссией, созданной по распоряжению папы Иннокентия VIII. Философ-гуманист Пико быстро попал под влияние неистового проповедника, а когда умер в ноябре 1494 года, то был похоронен в монастыре Сан-Марко, настоятелем которого к тому времени сделался тот же Савонарола.

В 1492 году во Флоренцию приехал молодой грек Михаил Триволис, изучавший в Италии философию и книжное дело. Он тоже был очарован проповедями отца Джироламо. В 1495 году Триволис перебрался в Болонью, потом пожил некоторое время в Венеции. А в 1498 году он поступил на службу к Джанфранческо II Пико делла Мирандола, племяннику умершего философа-гуманиста. Когда же покровителя Триволиса в 1502 году заточили в тюрьму, Михаил пошёл послушником в монастырь Сан-Марко во Флоренции.

Савонаролы к тому времени уже четыре года, как не было в живых, но в обители чтили и бережно хранили его идейное наследие. Именно этим и основывался выбор Триволисом монастыря. Более других преуспел в религиозном просвещении грека библиотекарь обители, брат Аккъяччуолли. Под его чутким руководством Триволис укрепился в мыслях о том, что устройство жизни в государствах нужно исправлять согласно христианским канонам, а церковь должна заниматься не накоплением богатств, а духовным перевоспитанием прихожан.

Когда же под давлением папы Юлия II в 1504 году в монастыре Сан-Марко начали запрещать распространение учения Савонаролы, Михаил Триволис уехал в Грецию и нашёл себе приют в Ватопедском монастыре на горе Афон.

В 1515 году царь и государь всея Руси Василий III обратился к константинопольскому патриарху Феолипту с просьбой прислать ему опытного книжника, способного переводить и править богослужебные тексты. Самые образованные греческие монахи жили на Афоне, а выбор афонских братьев пал на Триволиса, который в Ватопедском монастыре принял имя Максим. Это был странный выбор, поскольку брат Максим не знал русского языка. Но можно предположить, что Триволис оказался "белой вороной" в Ватопеде и от него постарались избавиться при первой же удобной возможности. Либо же учёность Триволиса была столь экстраординарной, что афонские братья предположили, что такой образованный человек легко справится с любыми трудностями в далёкой северной Руси.

В марте 1518 года в Москву прибыла делегация от патриарха Константинопольского Феолипта. В её состав входил и брат Максим. Заезжего книжника тут же попросили помочь с правильным переводом Толковой Псалтыри и Толкового Апостола. Брат Максим переводил эти книги с греческого на латынь, а толмачи Посольского приказа Власий Игнатов и Дмитрий Герасимов – с латинского на русский. Новые переводы закончили к началу 1522 года, и их сразу же одобрили и высшее духовенство, и сам государь. После этого вокруг греческого монаха, быстро выучившего русский язык, образовался настоящий интеллектуальный кружок, куда наведывались не только служители церкви, интересовавшиеся мнением иностранца по богословским вопросам, но и высокопоставленные придворные.

Василия III тогда обхаживали посланцы римского папы Льва X, пытавшиеся добиться объединения церквей при главенстве Ватикана. И точка зрения брата Максима, критиковавшего некоторые положения католической догматики и отход католиков от апостольской чистоты веры, была на руку противникам сближения с Ватиканом.

Вскоре Триволис, которого называли в русских землях Максимом Греком, принял сторону Нила Сорского и его последователей (нестяжателей), ведь это течение в православии было

ближе всего к учению Савонаролы. До 1525 года Василий III поддерживал нестяжателей, но после развода со своей первой женой Соломонией переменил точку зрения. И уже на Поместном соборе 1525 года самых видных последователей Нила Сорского осудили. Максим Грек был проклят за еретические воззрения, отлучён от причастия и заточён без права переписки и общения в Иосифо-Волоцкий монастырь под надзор архимандрита. Условия заточения оказались очень суровыми, но греку удалось пережить и тяжесть режима, и русские холода.

На Поместном соборе 1531 года Триволису предъявили новые обвинения, но, снова осудив его за ересь, ему смягчили наказание. На этот раз Максим Грек был сослан в Отроч Успенский монастырь в Твери. Епископ Тверской и Кашинский Акакий очень уважал Триволиса, так что ересиарх, осуждённый Поместным собором, получил разрешение читать и писать. За время этой ссылки из-под пера Максима Грека вышли многочисленные богословские труды, в том числе «Слово о неизглаголанном Божьем промысле», «Слово душеполезно» и «Слово о покаянии».

16 января 1547 года в Успенском соборе Московского Кремля повенчали на царство Ивана, сына Василия III. Узнав об этом, Максим Грек написал несколько писем новому государю, моля отпустить его на родину. Самодержец, посоветовавшись с высшим духовенством, снял с Триволиса все обвинения и приказал освободить его из Отроч монастыря, но на Афон уехать не дозволил. Остаток жизни грек провёл в Троице-Сергиевом монастыре, продолжая свою писательскую деятельность, к которой молодой государь относился с большим вниманием. Известно, что Иван Грозный навещал брата Максима и внимательно слушал советы пожилого монаха-интеллектуала.

Считается, что на русском языке Максим Грек написал более 350 текстов. Трёхтомное собрание сочинений Триволиса, изданное в 1859 – 1862 годах, насчитывает более 1300 страниц. А ещё он перевёл на русский язык множество исторических сочинений, комментируя и интерпретируя как события древней и библейской истории, так и важнейшие из недавних событий. Вклад Максима Грека в русскую культуру очень велик.

Первые выборы жены великого князя Московского

Великий князь Московский и государь всея Руси Иван Васильевич занедужил ещё летом 1503 года. Вскоре он ослеп на один глаз, а чуть позже у правителя отнялась рука. От лекарей не было никакого толку, а поездка по монастырям не принесла желаемого облегчения.

Иван Васильевич понял, что жить ему осталось совсем немного. Он постарался привести в порядок государственные дела. С наследником великий князь определился несколько лет назад, выбрав между внуком, сыном своего старшего сына Ивана, прозванного потом историками Молодым, Дмитрием, и старшим сыном от второй жены Василием. Первого 4 февраля 1498 года даже венчали на царство. Но сторонники Дмитрия слишком много о себе возомнили при дворе, так что уже в следующем году Иван Васильевич переменил своё решение, а с теми, кто слишком явственно поддерживали внука, сурово расправился.

Но оставалось ещё женить Василия. Чтобы укрепить престиж наследника, великий князь хотел сосватать ему европейскую принцессу, королевскую дочь. Но с этим ничего не получилось, а времени оставалось всё меньше. В конце концов, Иван Васильевич решил избрать для сына жену "из народа", дабы её родственники потом не претендовали на особые милости и привилегии.

Говорят, что этот вариант присоветовал государю Юрий Дмитриевич Траханиот, грек на русской службе. Он же подыскал примеры из истории Византийской империи. Самый первый из них произошёл в 788 году, когда императрица Ирина, желая женить своего сына Константина, организовала смотрины невест. По стране были разосланы чиновники с набором требований к идеальной невесты, куда входили такие параметры, как рост, длина стопы и размер головы. Здоровье и красота подразумевались по умолчанию. А ещё для императрицы было очень важно, как в семье будущей невесты относятся к иконам. Это было связано с борьбой между иконоборцами и иконопочитателями в Византии. Основной отсев проходил в фемах, а из 13 кандидаток, представленных ко двору, Ирина выбрала для сына в жёны девушку Марию из Пафлагонии, дочь вдовы Ипатии. Позднее этим же способом выбирали жену и другие византийские императоры.

По всей Руси были разосланы гонцы, чтобы отобрать самых красивых девушек. Говорят, что при себе эти гонцы имели мерку, чтобы стопа будущей невесты великого князя была не больше указанного размера. Текст приказа Ивана Васильевича о подборе кандидаток не сохранился, но историк Сергей Михайлович Соловьёв приводит аналогичное распоряжение его внука:

"*Когда к вам эта грамота придёт, и у которых из вас будут дочери девки, то вы бы с ними сейчас же ехали в город к нашим наместникам на смотр, а дочерей девок у себя ни под каким видом не таили бы. Кто же из вас девку утаит и к наместникам не поведёт, тому от меня быть в великой опале и казни.*"

Иван Грозный выбирал себе невесту дважды, в 1547 и в 1571 годах. Но Марфа Васильевна Собакина скончалась через 15 дней после свадьбы, 13 ноября 1571 года, так что её место вскоре заняла Анна Алексеевна Колтовская, занявшая второе место при отборе.

Но вернёмся к выборам невесты для Василия Ивановича, которые проходили летом 1505 года. Всего посланцы великого князя отобрали полторы тысячи девушек. Их доставляли в ближайший город к государевым наместникам, а те уже решали, достойна ли девушка того, чтобы отправить её в столицу.

В Москву привезли 500 кандидаток. Сначала с ними знакомились бояре и отбирали девиц, соответствующих требованиям: высокий рост, красота, здоровье. А ещё проверяли, сколько детей рождалось у матерей, бабушек и прабабушек: будущая царица должна была обязательно быть плодовитой, чтобы обеспечить государя наследником.

Отсев производился последовательно: из пяти сотен выбрали три, потом – одну. На предпоследнем этапе из ста девиц осталось только десять. Этих кандидаток осмотрели повивальные бабки и лишь тогда настала очередь будущего государя Василия Ивановича. Он выбрал Соломонию, дочь дворянина Юрия Константиновича Сабурова. Юрий Сабуров был потомком татарского мурзы Чета, а с 1501 года занимал должность государева наместника в Кореле.

4 сентября 1505 года Василий Иванович женился на Соломонии. Это успокоило его отца. Теперь более ничто не удерживало великого князя Московского на грешной земле. 27 октября 1505 года в час ночи Иван Васильевич скончался.

Как писал историк Николай Иванович Костомаров, брак Василия Ивановича и Соломонии "*имеет вообще важное историческое значение по отношению к положению женщины в московской стране. Брак этот способствовал тому унижению и затворничеству, которое составляло резкий признак домашней жизни высших классов в XVI и XVII в. Прежде князья женились на равных себе по сословию, но с тех пор, как государи стали выбирать себе жён стадным способом, жёны их, хотя и облекались высоким саном, а в сущности не были уже равны мужьям; брак не имел значения связи между двумя равными семействами, не существовало понятия о приличии или неприличии соединиться браком с особой того или иного рода, не знали того, что на Западе называлось mésalliance. Жена государя, взятая из какой бы то ни было семьи, отрешалась от своих родных; отец не смел называть её дочерью, братья сестрою.*"

Говорят, что Василий Иванович любил Соломонию и целых двадцать лет ждал от неё детей. Но его жена не смогла родить. Великий князь был очень обеспокоен этим, поскольку очень не хотел, чтобы его братья или их возможные сыновья стали претендентами на престол. Поэтому государь всея Руси запретил своим братьям вступать в брак, пока у него не родится сын. А братьев у него было четверо.

К Соломонии приглашали лекарей из Европы и с Востока. Василий Иванович молился за супругу в самых почитаемых русских церквях и монастырях. Но ничто не помогало.

В конце концов, такое положение вещей не могло далее продолжаться. В 1525 году Василий Иванович развёлся с Соломонией. Против развода выступали многие влиятельные деятели русской православной церкви, но всё закончилось для них печально: самых активных сослали в дальние монастыри, а тех, кто просто роптал, – заставили заткнуться. Митрополит Даниил, ученик Иосифа Волоцкого, перед великим князем раболепствовал, поэтому развод одобрил.

Впоследствии подобным образом выбирали себе жён Иван IV Васильевич, Михаил Фёдорович, Алексей Михайлович, Фёдор Алексеевич и Иван V Алексеевич.

Средневековое русское градостроительство

Я всегда считал, что на Руси изначально города возникали сами по себе, стихийно, вокруг княжеских палат или монастырей, а к планированию в градостроении приступили только при Петре I. Но оказалось, что это не так. Основы урбанистики пришли на Русь из Византии вместе с христианством. И античные труды по градостроению тоже оказались востребованы нашими далёкими предками.

В архивах сохранились Кормчие книги, представляющие собой сборники самых разнообразных церковных и светских документов. В их состав входил и дополнительный материал, составляющий в них порой большую часть, нежели сами каноны и законы. В XII или XIII веках был переведён с греческого Прохирон, сборник норм византийского гражданского, уголовного, судебного и церковного права, который иногда ещё называли Законом градским. В 38-й грани Прохирона содержатся законы, описывающие градостроительные нормы в Византии ("О построении новых домов и об обновлении ветхих и о других вещах"). Правда, эту грань редко включали в Кормчие книги, а то, что было актуально для южных приморских городов, мало подходило для Руси.

Тем не менее, архивисты обнаружили рукописный требник конца XVI века, содержащий "Чинъ и оустав како подобает окладывати град". Контекст этого документа предполагает, что он был составлен значительно раньше XVI века. Известен также требник, изданный в середине XVII века киевским митрополитом Петром Могилой, в который включены "Чин восследования основания города" и "Чин благословения новосооружаемого каменного или деревянного города". Пётр Могила в предисловии к своему требнику писал, что материал он брал из греческих евхологий и древних славянских требников. Так что вполне разумно допустить, что данные чины также имеют под собой более древнюю основу. Помимо молитв и религиозных ритуалов эти чины предполагали, что места под стены и ворота, а также главную площадь должны были быть размечены заранее, что подразумевает градостроительное планирование.

Но чтобы что-то размечать – нужно знать хотя бы основы геометрии. В 1697 году был переписан труд "Книга именуемая геометрия или землемерие радиксом и церкулем". Эта книга принадлежала дьяку Поместного приказа Андриан Григорьевич Ратманов (в Москве сохранились его палаты в Большой Козловском переулке). Некоторые историки считают, что список Ратманова был копией с более раннего списка, который имел ещё более ранний прототип. Книга посвящена изложению методов, с помощью которых могли осуществляться измерения на местности. Она состоит из серии задач, которые возникали, в том числе, и перед строителями городов. Некоторые листы из этой книги – ярко выраженные геометрические чертежи.

Сохранились описи царского архива 1575 – 1584 годов, в которых упоминаются чертежи русских городов. Правда, сами чертежи пока обнаружить не удалось. Весьма вероятно, что они были утрачены в Смутное время.

Как создавались города на новых землях, можно проследить на примере Козлова. Город Козлов и Козловский уезд, вместе с прилегающими к нему Тамбовским уездом, городами Тамбовом и Нижним Ломовым, были основаны Московским правительством в 1635 – 1637 годах. От них началась первая линия Белгородской засечной черты, заложенная в верховьях реки Воронеж.

Документы Белгородского стола Разрядного приказа позволяют проследить ход строительства Козлова. Перед возведением этого города и основанием Козловского уезда, согласно государеву указу, был сделан опрос служилых людей, знакомых с топографией местности. Опрашиваемые служилые люди предложили строить новый город на Урляпове городище и дали подробное описание всего района.

В Разрядном приказе, кроме того, были опрошены казаки из города Сапожка Савка Стрелков и Семен Лукьянов, которые подтвердили показания предыдущих служилых людей. Был подвергнут опросу и '"кормовой сын бояшский Владимир Копанов" из города Лебедяни. Собрав сведения об Урляповом городище, Разрядный приказ передал их на рассмотрение государю.

22 августа 1635 г. из дворца пришёл указ о строительстве города на рекомендованном месте. В нём говорилось, что воеводы Иван Биркин и Михайло Спешнев должны поставить город на Урляповом городище, и вместе с тем добавляется, "или где они найдут нужным" между Воронежских и Ценских верхов, которыми приходят на Русь войною крымские и ногайские люди. Эта оговорка существенна, так как показывает, что воеводам давалось право самим убедиться в правильности выбранного места, а в случае несогласия внести свои изменения.

В указе об этом говорится так: "А где по их рассмотрению быть городу им, Ивану и Михайлу, то место измерити и описати, каково то место крепостью и каким образцам на том месте быть городу или острогу".

При строительстве Козлова было принято решение отказаться от предписаний Разрядного приказа. Спешнев и Биркин, придя на Урляпово городище, решили, что есть другое, лучшее место. Это было высокое плоскогорье, расположенное над поймой реки Лесной Воронеж, принадлежавшее крестьянину Семёну Козлову. Воеводы со своими людьми пришли на Козлово урочище 7 октября 1635 года. Выбор этого места Спешнев и Биркин обосновали наличием в округе между Польным и Лесным Воронежем больших хороших угодий, на которых, после того как будут отведены под город пашни, можно будет пометить ещё "немногими дачами тысячу человек и больше" сельского населения.

О своём решении изменить указанное им место закладки города воеводы сразу же написали в Разрядный приказ. 29 октября им пришла грамота, в которой Разрядный приказ утвердил избранное воеводами место для города.

Ныне Козлов называется Мичуринском.

Управление Русским государством в XVI – XVII веках основывалось на принципах централизованной, самодержавной власти. Можно полагать, что такая же строгая организация была положена и в основу градостроительства. В XVI и XVII веках было построено более 200 новых городов; одновременно осуществлялась реконструкция древних. Без продуманной, хорошо организованной системы градостроительства создать такое число городов в короткий срок было бы невозможно. Но, очевидно, что истоки этой самой градостроительной системы появились значительно раньше.

Документы свидетельствуют, что все градостроительные работы, как по возведению новых городов, так и по реконструкции старых, велись по чертежу, росписи (подробному словесному описанию) и смете. В архивах найдены и подлинные росписи (в частности, описывающие Нарым и Олонец) и сметы (в частности, городов Белгородской засечной черты). В государственном указе на постройку Царева-Борисова воеводе, строителю города, Богдану Яковлевичу Бельскому было приказано при закладке города: "*тотчас петь молебен и освятя воду велети город обложить по чертежу и по росписи, каковы им чертеж и роспись даны*".

Интересно отметить, что некоторые города создавались в рекордно короткое время. Так, к примеру, город-крепость Яблонов две тысячи московских стрельцов под руководством воеводы Андрея Васильевича Бутурлина построили за две недели. Работы начались 16 апреля 1637 года, а уже к 30 апреля были возведены деревянные стены острога длиной 202 сажени (430 м) и 6 башен. Земляной вал вокруг Яблонова достигал в высоту почти 4 м. С "крымской стороны" выкопали ров, на дне которого установили острые дубовые колья. Внутри города за это время поставили жилые дома, амбары, склады и церкви.

При современной реконструкции крепости Яблонов 15 плотников занимались её возведением около двух лет.

Есть ещё один замечательный пример быстрой постройки российской крепости по заранее согласованному плану. В книге "Записки о Московии" Генрих фон Штаден писал:

"*Великий князь приказал срубить город с деревянными стенами, башнями, воротами, как настоящий город; а балки и бревна переметить все сверху донизу. Затем этот город был разобран, сложен на плоты и сплавлен вниз по Волге, вместе с воинскими людьми и крупной артиллерией. Когда он подошел под Казань, он приказал возвести этот город и заполнить все укрепления землёй; сам он возвратился на Москву, а город этот занял русскими людьми и артиллерией и назвал его Свияжском.*"

Утверждается, что город и крепость Свияжск был построен за 4 недели. В Лицевом летописном своде есть даже иллюстрации, показывающие этот процесс.

Дата основания Свияжска – 24 мая 1551 года. Понятно, что без отработанной технологии обеспечить такую быстроту было бы невозможно.

Иван Грозный был композитором

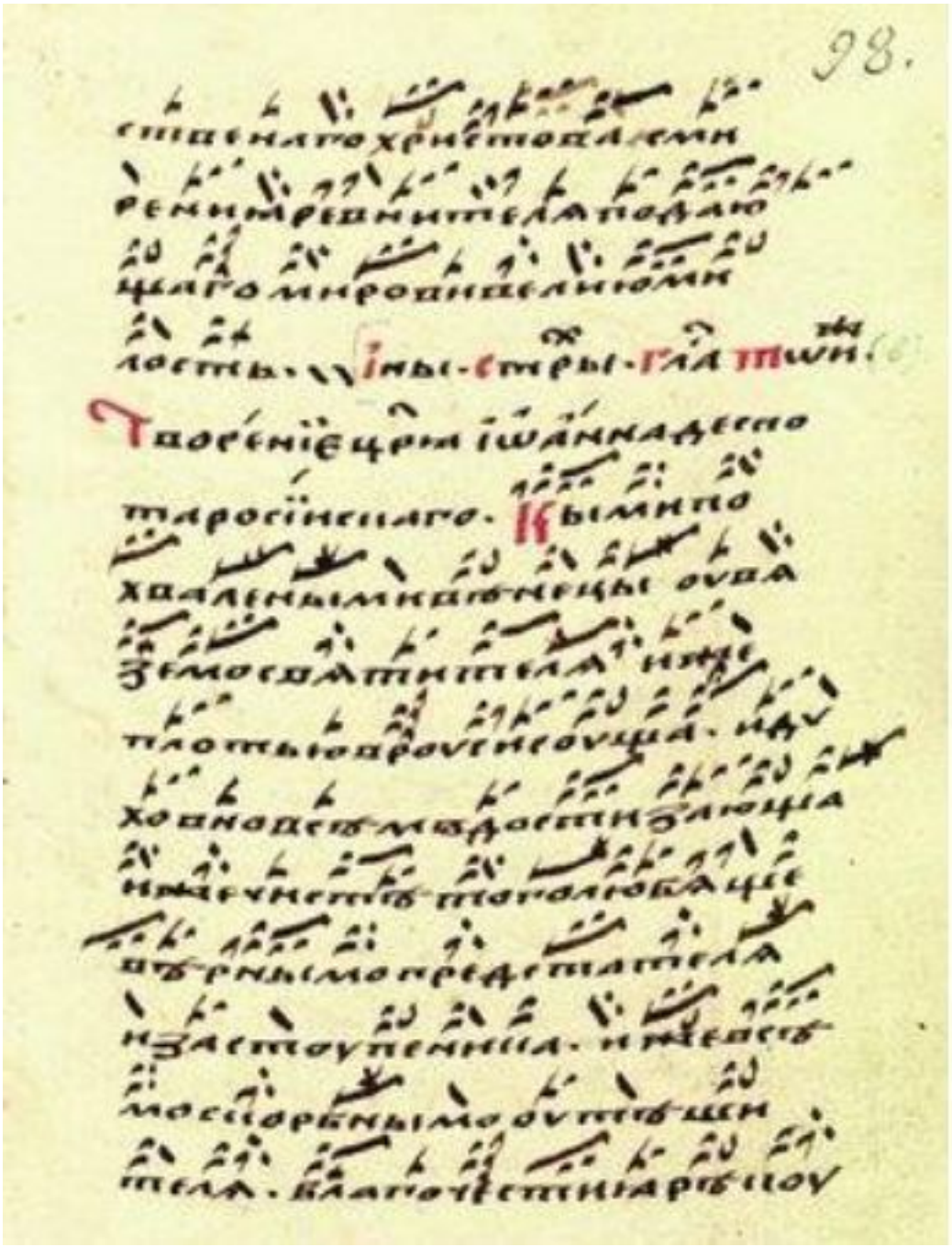
Говорят, что царь Иван IV настолько любил церковное пение, что уделял этому занятию по пять часов в день.

Под высочайшим покровительством находилась группа певчих дьяков, именуемая "станицей". В соборе Никитского монастыря, что расположен на северной окраине города Переславля-Залесского, когда-то имелась белокаменная плита, вмурованная в стену, на которой можно было прочитать надпись:

"*Благочестивый государь всенощное бдение слушал и первую статию сам пел, и божественную литургию слушал, и красным пением с своею станицею сам же государь пел на заутрени и на литургии*".

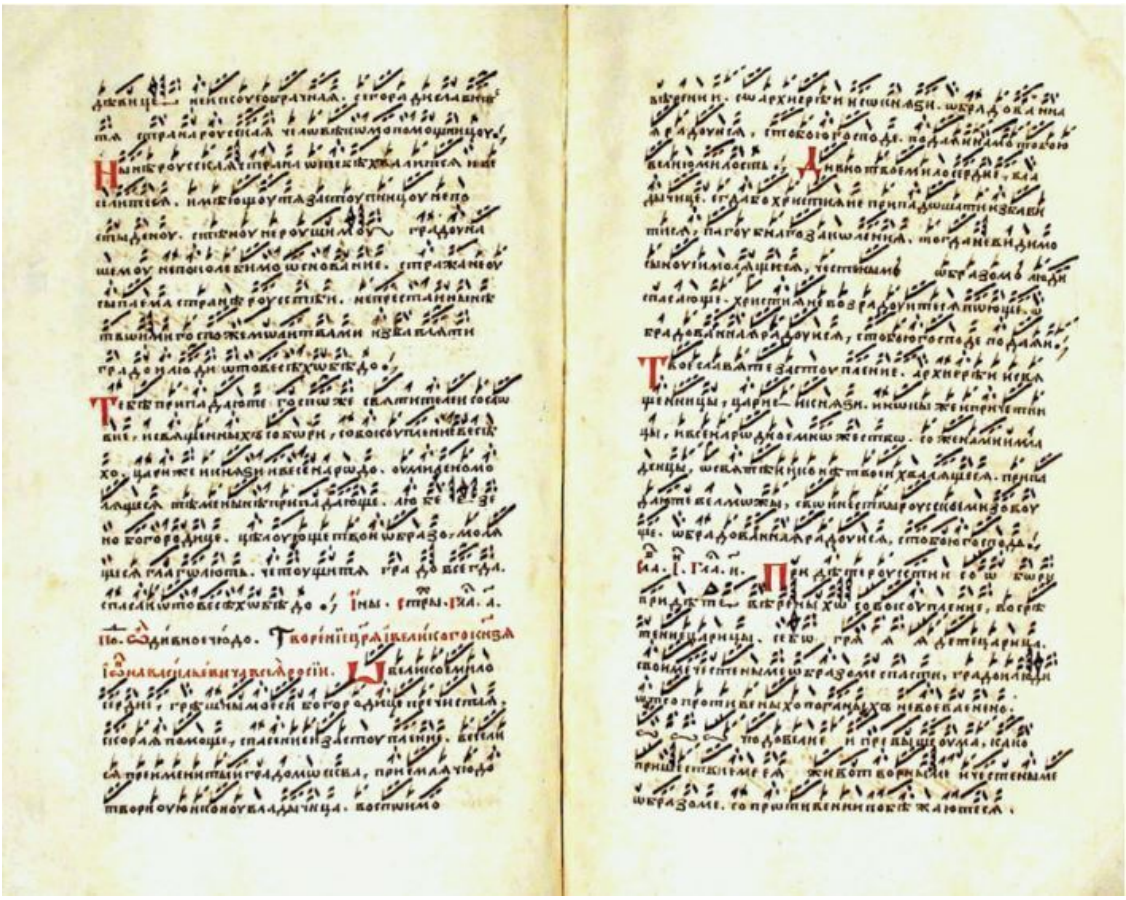
По желанию самодержца в Александровской слободе был создан некий аналог консерватории, где работали лучшие музыканты того времени. А ещё Иван Грозный и сам сочинял музыку. Его сочинения были обнаружены в рукописи XVII века "Книга глаголемая Стихирарь месячный, иже есть Око дьячье" из собрания Троице-Сергиевой лавры. Это песнопения вечерни и утрени, первые слова которых заимствуются из текста псалмов, а в последующих, поэтически связанных с ними, развиваются определённые темы, прославляющие каких-либо святых или отдельные события. В рукописи возле двух стихир стоят пометки: "Творение царево" и "Творение царя Иоанна, деспота российского". Так и определили авторство Иоанна IV.

Вот стихира, написанная Иваном Грозным на преставление Петра, митрополита Московского и всея Руси. Мелодия записывалась поверх текста.



Нотного стана в подобной музыкальной записи не предусматривалось, из-за чего возможны различные прочтения мелодии. Известно, как минимум, три варианта прочтения: знаменное, путевое и логгиновское. В YouTube есть версия этой стихиры в исполнении мужского вокального квартета Игоря Воронова.

Другая стихира, написанная Иваном Грозным, посвящена Сретению Владимирской иконы Пресвятой Богородицы. Обратите внимание на помету красными буквами "Творения царя и Великого князя Иоанна Васильевича Всея России".



Эту стихиру тоже можно найти в YouTube в исполнении мужского вокального квартета "Росс-Антик" Игоря Воронова.

А в 1573 году Иван Грозный написал "Канон Ангелу Грозному воеводе", сложное вокальное произведение, состоящее из множества частей. Интересно отметить, что этот канон был подписан псевдонимом Парфений Уродивый. В 1983 году Дмитрий Сергеевич Лихачёв доказал гипотезу, выдвинутую в 1911 году Ильёй Александровичем Шляпкиным, о том, что данный псевдоним скрывает авторство российского самодержца.

Забавно будет отметить, что имя Парфений переводится с греческого как "девственник, целомудренный". Оцените иронию: Иван Грозный был женат 6 или 7 раз, из них только первые четыре свадьбы сопровождались венчанием, то есть были законными с точки зрения церковного права. Уже для четвёртого брака, запрещаемого канонами, Иван запрашивал разрешение церковного собора. Это разрешение было получено, но на царя наложили епитимию и особо отметили, чтобы никто из прочих людей вне зависимости от их происхождения более не осмеливался на четвертый брак под угрозой церковного проклятия.

И кто из них более the Terrible?

В ночь на 24 августа 1572 года католики устроили в Париже массовую резню гугенотов, вошедшую в историю под именем "Варфоломеевской ночи". Тогда во французской столице, предположительно, было убито около трёх тысяч человек, а во всей Франции с августа по октябрь погибли насильственной смертью, по самым реалистичным оценкам, примерно 30 000 людей, среди которых имелись и женщины, и дети.

По этому поводу папа Григорий XIII приказал отслужить благодарственный молебен. Была даже выпущена памятная бронзовая медаль с портретом Григория на одной стороне и ангелом-карателем с мечом в руке на другой.

Sala Regia в Апостольском дворце Ватикана до сих пор украшают фрески, которые Григорий XIII заказал Джорджо Вазари в связи с радостным для себя событием.

Про Филиппа II, короля Испании, прозванного впоследствии Мудрым или Благоразумным (Rey Sabio, Rey Prudente), рассказывали, что, услышав о Варфоломеевской ночи, он рассмеялся единственный раз за всю свою жизнь. Напомню, что Филипп II, это тот самый монарх, о холодности, угрюмости, подозрительности и суровости которого слагали легенды и который, якобы, владел "кошачьим клавесином". Говорят, что современники называли Филиппа "demonio delmediodía" (полуденный демон). Британский историк Генри Кеймен утверждал, что как носитель правосудия, Филипп II был незыблемым, как скала, поскольку не зафиксировано ни одного факта помилования им преступников после вынесения приговора.

Король Португалии Себастьян I, прозванный впоследствии Желанным (Sebastião o Desejado), направил французскому королю Карлу IX свои искренние поздравления, в которых не стеснялся выразить своё восхищение:

"*Все похвалы, которые я мог бы Вам вознести, вызваны Вашими великими заслугами в деле исполнения священной и почётной обязанности, которую Вы взяли [на себя], и направленной против лютеран, врагов нашей святой веры и противников Вашей короны; ибо вера не дала забыть многие проявления родственной любви и дружбы, которые были между нами, и через Вас повелела сохранять нашу связь во всех случаях, когда это требуется. Мы видим, как много Вы уже сделали, как много и ныне делаете, и то, что ежедневно воплощаете в служении Господу нашему – сохранение веры и Ваших королевств, искоренение из них ересей. Всё это – долг и репутация Ваша. Я весьма счастлив иметь такого короля и брата, который уже носит имя христианнейшего, и мог бы заново заслужить его ныне для себя и всех королей, своих преемников*".

В то же самое время император Священной Римской империи Максимилиан II был возмущён, узнав об этой резне, и называл её "позорной кровавой баней". Когда летом 1573 года в Россию прибыл посланник императора Magnus Paulus, чтобы договариваться о выборах нового короля Польши, он рассказал о том, что беспокоило его повелителя. В посольской книге был записан перевод речи посланника:

"*Король францовский воевался с королем нафарским, а воевался, умыслил злодейскым обычаем, чтобы с ним помиритись, а помирився, зговорил сестру свою за нафарского короля. И король нафарской приехал на свадьбу, а с ним многие люди великие приехали. И король нафарского, зятя своего, изымал и посадил в тюрму, и ныне сидит в тюрьме, а людей его, всех бояр и дворян и всяких людей и з женами и з детми тое же ночи побил и до одинова, а сказал – побил их для веры, что они не его веры, да которое и его земли и тое же веры с тем королем з нафарским, а францовской по той веры, и король францовской и тех побил: всего в то время побил всякого человека и со младенцы до ста тысяч. И королю и всея цысарской области и всем крестьянским государем пригоже о том болезновати и кручинитися, а с тем*

злодеем со францовским ни знатца, кроме над ним мстить: то, чего ни в которых землях не бывало, что он учинил".

В той же самой посольской книге сохранился и ответ Ивана Грозного императору:

"*А что, брат дражайшей, скорбиш о кроворозлитии, что учинилось у Францовского короля в его королевстве, несколко тысяч и до сущих младенцов избито; и о том крестьянским государем пригоже скорбети, что такое безчеловечество Француской король над толиком народом учинил и кровь толикую без ума пролил*".

Ещё в 1564 году в письме к князю Андрею Михайловичу Курбскому российский царь писал:

"*Никаких козней для истязания христиан мы не придумываем, а, напротив, сами готовы пострадать ради них в борьбе не только до крови, но и до смерти. Подданным своим воздаем добром за добро и наказываем злом за зло, не желая этого, но по необходимости, из-за злодейских преступлений их.*"

Лукавил Иван Васильевич! В годы его правления русских людей, которые имели хоть какие-то идеи насчёт реформ в православии, подвергали гонениям. Достаточно вспомнить Матвея Башкина, сосланного в Волоколамский монастырь для "вразумления" и сгинувшего там, а также Феодосия Косого, успевшего бежать до того, как его осудили. Но иностранцы, которые по тем или иным причинам оказались в России, имели возможность исповедовать свою религию вполне свободно. Им лишь запрещалось обращать в свою веру местных жителей.

Если же сравнивать по количеству жертв среди подданных за время правления Ивана Грозного и Филиппа II, то правитель Испании, Португалии, Неаполя, Сицилии и Нидерландов погубил значительно большее количество людей. За его царствование население Испании уменьшилось на два миллиона человек. Кроме погибших в войнах, эмигрировавших в Америку и бежавших от преследования инквизиции, немалую часть в этой убыли составляли умершие от голода и эпидемий. А если добавить к этому десятки тысяч загубленных испанскими карателями жителей Нидерландов, то картина станет ещё более ужасающей.

Общее число погибших в Религиозных войнах во Франции оценивают в два или даже в четыре миллиона человек. Сюда входят те, кто погиб в ходе боевых действий, в результате истребления населения противоположной веры, а также жертвы голода и эпидемий. Так что в XVI веке имелись правители, которые более чем Иван Грозный заслуживали прозвища the Terrible! А уж начавшаяся в 1618 году Тридцатилетняя война и вовсе стала самой кровавой мясорубкой в истории человечества до начала Наполеоновских войн. Некоторые даже считают, что по количеству жертв она уступает только мировым войнам в XX веке. Но почему-то правители, которые вели Тридцатилетнюю войну, никаких ярких негативных прозвищ к своим именам не получили…

Благодарность Татищева

Михаил Игнатьевич Татищев, предок известного российского историка, был искушённым царедворцем.

В правление Бориса Годунова Татищев пользовался полным доверием царя, исполняя его дипломатические поручения за границей. Вернувшись из поездки в Грузию, Михаил Игнатьевич застал на престоле уже другого государя, Дмитрия Ивановича, более известного нам под именем Лжедмитрия I. Лестью и угождением Татищев быстро завоевал доверие нового царя и сделался постоянным участником монарших пиров и увеселений.

Узнав о заговоре против Дмитрия, Михаил Игнатьевич примкнул к заговорщикам. 20 апреля 1606 года за царским столом князь Василий Шуйский, видя блюдо из телятины, заметил, что русские в пост не могут есть мяса. Дмитрий Иванович начал спор с Шуйским. Встал Татищев и заговорил в поддержку Шуйскому, но так резко и в таких дерзких выражениях, что его вывели из-за стола, посадили в тюрьму и хотели сослать в Вятку и там "держать в колодах, утаив имя его".

Через две недели Петру Фёдоровичу Басманову удалось исхлопотать прощение Татищеву у Дмитрия Ивановича, не отличавшегося злопамятством.

17 (27) мая 1606 г. Татищев был одним из предводителей ворвавшейся во дворец толпы заговорщиков. С царём оставался лишь верный ему Басманов и несколько телохранителей. Пётр Фёдорович попытался образумить бунтовщиков в галерее напротив царских покоев и уговорить их разойтись. Возможно, у него бы это получилось, ведь он был популярен среди стрельцов. Но тут выскочил Татищев и ударил Басманова ножом в сердце. Далее заговорщики расправились и с царём. Обнажённые трупы Басманова и Лжедмитрия были выставлены на всеобщее обозрение и поругание на Лобном месте.

Вот так Татищев отблагодарил Басманова. За усердие в ходе переворота Михаила Игнатьевича пожаловали чином окольничего. Но два с лишним года спустя его репутация предателя сыграла против него самого.

Будучи вторым воеводой в Великом Новгороде, Татищев должен был выступить во главе сильного отряда, который бы преградил путь польско-литовским войскам. Но кто-то из новгородцев донёс первому воеводе, Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому, что Михаил Игнатьевич собирается переметнуться к врагу.

Скопин-Шуйский созвал всех ратных людей, чтобы обсудить этот донос. Но толпа растерзала Татищева раньше, чем он успел сказать хоть слово в своё оправдание. Так окончил свои дни хитроумный Михаил Игнатьевич.

Тушинские перелёты

Как вы все, конечно же, знаете, в 1929 году около села Тушино была создана лётная школа Осоавиахима. В 1930 поблизости, около железной дороги, появился планерный завод. В следующем году по соседству, западнее деревни Захарково, открыли аэродром Гражданского воздушного флота. В 1932 к северу от железной дороги был построен самолётостроительный завод, а в 1933 году – авиамоторный завод. Так что Тушино на долгие годы оказалось связано с советской авиацией. С 1945 по 1956 годы и ещё в 1961 году на Тушинском аэродроме проводились ежегодные воздушные парады в День Воздушного флота СССР (18 августа), на которых присутствовало всё высшее руководство страны.

Но интересно отметить, что словосочетание "тушинские перелеты" отмечается в документах на русском языке начиная с XVII века. Вот только тогда оно не имело никакого отношения к авиации, ещё не изобретённой человечеством.

После смерти Лжедмитрия I в народе стали циркулировать слухи о "чудесном спасении" и скором возвращении "царя Дмитрия". Приверженцы свергнутого царя в Москве рассказывали о том, что ему удалось спастись от бояр-заговорщиков. Упоминали, что некий дворянин, взглянув на тело, сжигаемое в подмосковном селе Котлы, крикнул, что перед ним не Дмитрий, и, хлестнув коня, немедленно умчался прочь.

В начале 1607 года в Белоруссии нашли человека, походившего на Лжедмитрия I фигурой, и уже в Витебске представили его народу. Началась новая волна смуты. В двухдневной битве под Болховом 30 апреля – 1 мая 1608 года Лжедмитрий II разбил войско Василия Шуйского и двинулся на Москву. Но сил, чтобы отвоевать российскую столицу, у нового самозванца не хватало. Отряд Александра Лисовского, разбив в ходе Зарайской битвы войска князя Хованского, занял Тушино, и Лисовский, оценив положение этого села, скорее всего, и подсказал самозванцу устроить там лагерь.

Вскоре на месте лагеря вырос настоящий город, вокруг которого образовался торговый посад, где одних только польских торговцев одно время насчитывалось до трёх тысяч; туда же ездили и купцы из Москвы. В этом городе на пике развития обитало, по разным оценкам, от семи до восемнадцати тысяч поляков, от десяти до тридцати тысяч казаков и ещё десятки тысяч вооружённых людей из низших сословий. Для того, чтобы захватить Москву, обнесённую снаружи земляным валом с деревянными стенами и башнями (Земляной город), затем Белгородской стеной и Китайгородской стеной, этих отрядов не хватало. Но и у царя Василия Шуйского не имелось достаточного количества войск, чтобы разогнать Тушинский лагерь.

Сложилось двоевластие. Поскольку не было понятно, кто же победит в конечном итоге, московские бояре и дворяне массово перебегали на сторону самозванца. Зачастую представители одной и той же знатной фамилии служили и в Москве, и в Тушино, что должно было гарантировать семью на случай любого поворота событий. Некоторые перебегали из Москвы в Тушино и обратно по нескольку раз, при каждой измене получая новые пожалования, которые, в свою очередь, вынужден был санкционировать и другой хозяин при повторной измене. Такие хитрецы получили прозвище "тушинских перелётов". Самым известным из них был князь Алексей Юрьевич Сицкий.

Келарь Троице-Сергиева монастыря, старец Авраамий, очевидец тех событий, так описывал поведение московской знати:

"*На единой бо трапезе седяще в пиршествех во царьствующем граде, по веселии же овии убо в царьския палаты, овия же в Тушинския таборы прескакаху!*"

"*И разделишася на двое вси человецы, вси иже мысляще лукавне о себе: аще убо взята будет мати градов Москва, то тамо отцы наши и братия, и род и друзи, тии нас соблюдут;*

аще ли мы соодолеем, то такожде им заступницы будем! Полския же и литовския люди и воры казаки тем перелетом ни в чем не вероваху."

"Царем же играху яко детищем, и всяк вышши меры своея жалования хотяше, им же не довлеяше ни пять крат, ни десять даяний, но целовавше, и таинницы нарицаемии, животворящий крест Господень, ко врагом же прилагахуся, и в Тушине быв, тамо крест же Господень целовав и жалования у врага Божия взяв, и вспять во царьствующий град возвращахуся и паки у царя Василия болши прежняго почесть и дары и имения воспришмаху и паки к вору отъеждаху. Мнози же тако мятуще всем государьством Росийским, не дважды кто, но и пять крат и в Тушино, и к Москве преяждяху."

А потом царь Василий Шуйский договорился со шведами, и в конце марта 1609 года пятитысячный корпус под командованием графа Якоба Понтуссона Делагарди вступил на российскую территорию. Это изменило баланс сил. 27 декабря 1609 года Лжедмитрий II сбежал в Калугу, переодевшись крестьянином и спрятавшись в санях с тёсом (некоторые утверждали, что в санях с навозом). За ним отправились донские казаки и даже часть поляков. В начале марта 1610 года Тушинский лагерь был сожжён оставшимися обитателями, после чего они разбежались в разные стороны.

Были женщины в русских селеньях

Документы по древней и средневековой истории России обычно не слишком часто упоминают женщин. Летописцы порой что-то сообщают о жёнах и матерях князей и царей, но в центре событий они находятся редко. Тем интереснее мне было узнать, что в начале XVII века сложена повесть, посвящённая обычной женщине, жене провинциального дворянина. Эту повесть написал Дружина Юрьевич Осорьин, получивший при крещении имя Каллистрат.

Дружина Осорьин родился между 1570 и 1572 годами в Муромском уезде. Его отец, Юрий Васильевич Осорьин, упоминается в Десятне 1578 года по городу Мурому. Ему принадлежало село Лазорево и поместья недалеко от Нижнего Новгорода общей площадью 400 четей (примерно 200 гектаров). На государеву службу Юрий Васильевич Осорьин обязан был являться на коне, в панцире и в шлеме. С собой он должен был иметь саблю, лук и стрелы в колчане. Сопровождать его должны были три всадника с таким же вооружением, плюс один копейщик на мерине с вьюком.

В середине XVI века Юрий Васильевич Осорьин женился. Его избраннице, Ульяне, дочери государева ключника во Владимире, было 16 лет. Отличалась Ульяна редкостным милосердием и чуткостью к чужим страданиям.

У Осорьиных в супружестве родилось десять сыновей и три дочери, но четыре мальчика и две девочки умерли в младенчестве. Позже старшего сына убил один из слуг, а другой сын погиб на войне. Но Ульяна оставалась стойкой и продолжала помогать всем нищим и болезным в округе. А когда стало ей совсем уж невмоготу – попросила мужа отпустить её в монастырь.

Юрий Васильевич не согласился, поскольку уже состарился, а некоторых детей ещё нужно было поставить на ноги. Он долго уговаривал жену, и Ульяна согласилась остаться в семье. Но с тех пор она вела аскетический образ жизни, в духе Екатерины Сиенской, устремив все помыслы на Священное Писание и на благотворительность.

Юрий Васильевич Осорьин умер в последнее десятилетие XVI века. Ульяна после его смерти не ушла в монастырь, продолжая благотворительную деятельность. На это она тратила почти всё, что имела, и даже то, что ей дарили повзрослевшие дети. А в 1601 году почти всё лето в России шли проливные дожди, десять недель подряд, по утверждению Карамзина, после чего начались ранние заморозки. Это сгубило весь урожай. Цены на хлеб выросли в десятки, если не в сотни раз. Царь Борис Годунов даже распорядился открыть для народа государственные хранилища зерна и выкупал хлебные запасы у богатых купцов. Но это не исправило ситуацию. В стране начался Великий голод. В 1602 году заморозки случились уже после начала посевной, так что зерновые снова не уродились.

Ульяна Осорьина, не смотря на повсеместный голод, продолжала кормить нищих. Для этого она распродала весь оставшийся скот, всю одежду и домашнюю утварь. Когда у неё самой ничего не осталось, большинство слуг и домашней челяди разбежались. Тем же, кто предпочёл остаться с хозяйкой, она приказала собирать древесную кору и лебеду. Из этого пекли хлеб, которым кормились все в округе.

Но понятно, что женщине, которой далеко за шестьдесят, тяжело было сохранять здоровье в таких тяжёлых условиях. В конце декабря 1603 года Ульяна заболела и 10 января 1604 года умерла. Похоронили её в селе Лазорево возле деревянной церкви во имя праведного Лазаря.

А 8 августа 1614 или 1615 года умер сын Юрия и Ульяны Осорьиных, Юрий. И когда начали рыть ему могилу, обнаружили гроб Ульяны, а вскрыв его, нашли почти неразложившиеся останки этой великодушной и милосердной женщины. И начали люди из Муромского уезда ходить к этим мощам, чтобы получить избавление от своих болезней. И такая была доб-

рая слава об Ульяне Осорьиной по всей округе, что многим это помогало излечиться. Русская православная церковь причислила Ульяну к лику праведных.

Дружина Юрьевич Осорьин был в Муромском уезде не последним человеком. Из архивных документов известно, что по крайней мере с 1625 по 1640 годы он служил губным старостой. Эту должность мог получить только дворянин или сын боярский, хорошо умевший читать и писать, и обладавший немалым достатком, позволявшим исполнять должностные обязанности (жалованье губным старостам не платили).

Можно предположить, что обретение чудотворных мощей матери оказало на Дружину Юрьевича очень сильное впечатление и побудило описать праведную жизнь Ульяны Устиновны. По мнению Михаила Осиповича Скрипиля "Повесть об Иулиании Лазаревской" была окончена в 1620-х или даже 1630-х годах. В этом произведении мать автора изображена человеком, похожим на святых и праведников, но, в то же самое время, наделена рядом живых человеческих черт. Она хорошо ведёт домашнее хозяйство, умело управляется с рабами, не обижая прилежных и работящих, но исправляя неразумных и строптивых. Ещё интересно отметить, что при всей религиозности Ульяны Устиновны, она могла подолгу не посещать церковь, ссылаясь на пример святого Корнилия.

Повесть Дружины Осорьина обрела популярность в России того времени. Историкам известно не менее тридцати списков, отличающихся вариантами текста. Ульяна Лазаревская также почиталась у старообрядцев. В начале XVIII века её имя было включено Семёном Денисовым в "Слово воспоминательное о святых чудотворцах, в России воссиявших". Члены семьи Осорьиных упоминаются в «Алфавите русских святых» Ионы Керженского.

Монашество для состоятельных господ в XVI веке

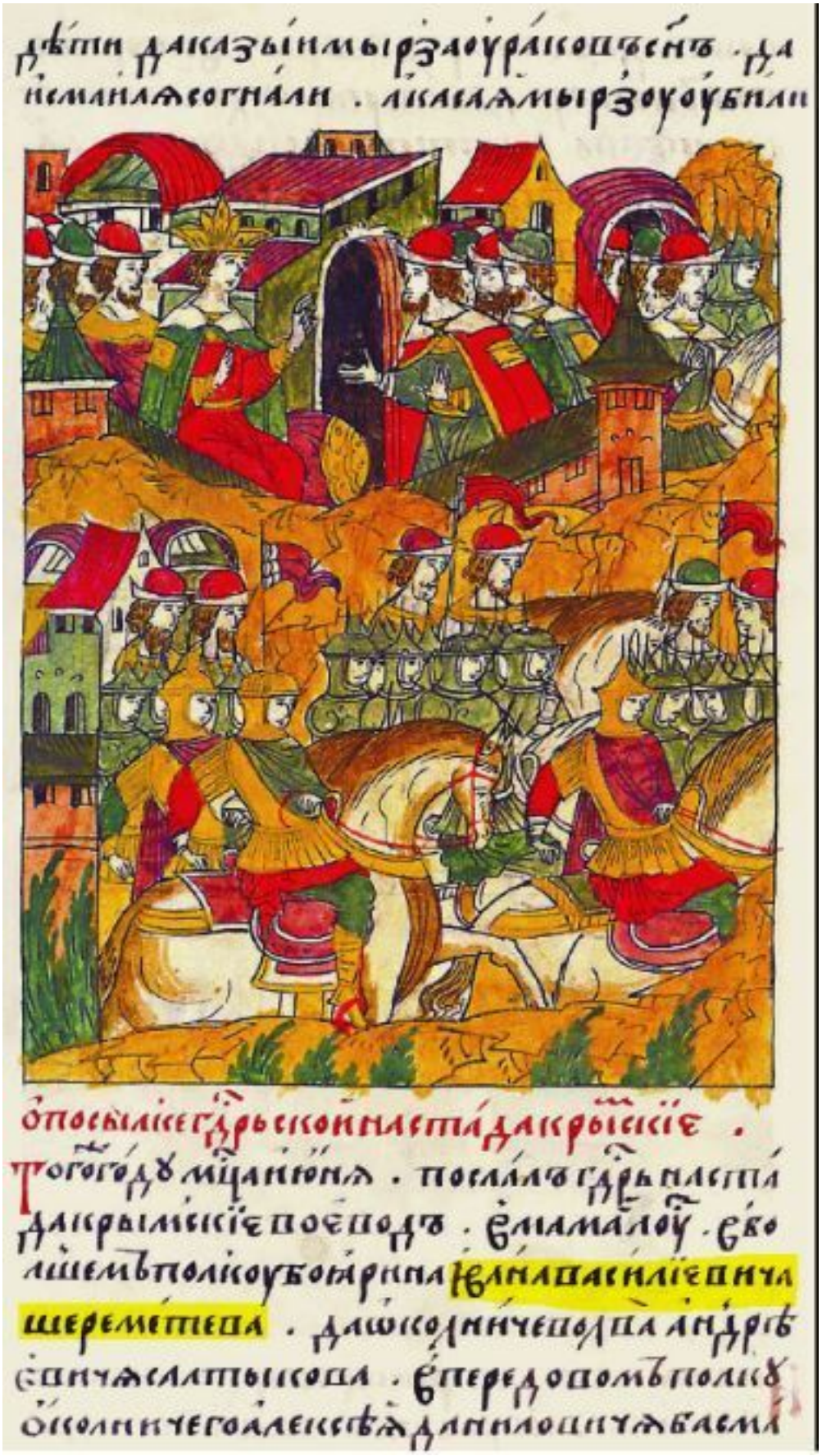
В допетровской России некоторые очень знатные и могущественные люди в конце своей жизни уходили в монастыри. Чтобы обеспечить себе возможность такого относительно безбедного существования требовалось заранее сделать вклад, а то и не один, в монастырскую казну.

А что они получали взамен?

Не претендуя на всеобщность явления, расскажу об одном таком "пенсионере".

Иван Васильевич Шереметев был сыном воеводы Василия Андреевича Шереметева, который верно служил Ивану III, Василию III, а потом и малолетнему Ивану IV. Когда у Ивана Шереметева появился брат, тоже названный Иваном, то старший получил прозвище Большой, а младший, соответственно, стал Меньшим.

Иван Васильевич Большой воеводствовал в городах, потом в военных походах. В 1548 или 1549 году его возвысили до чина окольничего, а в 1550 году он уже считался боярином. Доводилось ему попадать и в царскую опалу, и отправляться в ссылку, и даже сидеть в тюрьме, подвергаясь пыткам, но в 1565—1567 годах он был одним из тех, кому доверяли управлять Москвой в то время, когда царь государь всея Руси отлучался из столицы.


Шереметева

Страница из Лицевого летописного свода, где говорится о походе против крымцев в 1555 году, в котором большим полком командовали Иван Васильевич Шереметев и окольничий Лев Андреевич Салтыков.

В 1568 году умерла жена Шереметева Большого, Евфросинья, дочь окольничего Ивана Ивановича Жулебина, и это горестное событие, похоже, надломило могущественного боярина. В 1570 году Шереметев Большой постригся в монахи в Кирилло-Белозерском монастыре, где принял имя Иона. Перед этим он сделал "вклад" в пользу этого монастыря: свою вотчину, сельцо Бутово Московского уезда с окрестными деревнями и всем имуществом, общей стоимостью 800 рублей, деньгами, серебряными сосудами, имуществом и двором, построенным за монастырской оградой, на 600 рублей. Вторая часть "вклада" переходила в собственность монастыря после смерти Ивана Васильевича Большого.

И что же получил даритель за такое щедрое подношение?

Об этом можно узнать из "Послания царя Ивана Васильевича в Кирилло-Белозерский монастырь", которое было написано в сентябре 1573 года.

"*Видите, как послабление в иноческой жизни достойно плача и скорби? Вы же ради Шереметева и Хабарова совершили такое послабление и преступили заветы чудотворца. А если мы по Божьему изволению решим у вас постричься, тогда к вам весь царский двор перейдет, а монастыря уже и не будет. Зачем тогда идти в монахи и к чему говорить "отрекаюсь от мира и всего, что в нем есть", если мир весь в очах? Как в этом святом месте терпеть скорби и всякие напасти со всей братией и быть в повиновении у игумена и в любви и послушании у всей братии, как сказано в иноческом обете? А Шереметеву как назвать вас братией? Да у него и десятый холоп, который у него в келье живет, ест лучше братии, которая обедает в трапезной.*"

"*…ныне у вас Шереметев сидит в келье, словно царь, а Хабаров и другие чернецы к нему приходят и едят и пьют, словно в миру. А Шереметев, не то со свадьбы, не то с родин, рассылает по кельям пастилу, коврижки и иные пряные искусные яства, а за монастырем у него двор, а в нем на год всяких запасов. Вы же ему ни слова не скажете против такого великого и пагубного нарушения монастырских порядков.*"

Обычные монахи жили в кельях, а брат Иона – в своём собственном дворе за оградой монастыря. Его челядь и слуги остались при нём.

Из этого послания также можно узнать, что отец Шереметева Большого, Василий Андреевич, постригшись в монахи Троице-Сергиева монастыря в 1538 году, "*своими кознями разрушил отшельническую жизнь*". Иван Грозный позволял себе и более резкие выражения:

"*Не знаете вы разве отца Шереметева – Василия? Ведь его бесом звали! Как он постригся да пришел в Троице-Сергиев монастырь, так сошелся с Курцевыми, а Иоасаф, который был митрополитом, – с Коровиными. И начали они между собой браниться, тут все и началось. И в какое мирское житие впала эта святая обитель, видно всем, имеющим разум.*"

Можно предположить, что если бы такое поведение бояр, постригшихся в монахи, было общепринятым в то время, Иван Грозный бы не написал такого обличительного письма. Но царя, прежде всего, возмутил конфликт в монастыре между Шереметевым Большим и Василием Собакиным, дядей его бывшей жены, царицы Марфы. Этот конфликт получил огласку, что ставило в неудобное положение и государя, и Кирилло-Белозерский монастырь. К тому же расширение церковного землевладения за счёт "вкладов" от знатных людей и уход их земель из-под государственного контроля очень беспокоили Ивана Грозного. Так что его обличительное послание имеет очень многозначный подтекст.

А о том, что "лучшие люди" вели в монастырях совсем не монашеский образ жизни, царь Иван Васильевич прекрасно знал. Ещё за десять лет до упомянутого гневного послания в Кирилло-Белозерский монастырь государь Всея Руси разозлился на Старицких князей. Вдовая княгиня Ефросинья Андреевна Старицкая, чтобы не попадать под горячую руку царя,

была вынуждена постричься в монашки и уехать в основанный ею Горицкий Воскресенский монастырь. Там "*поволи же ей государь устроити естваю и питьем и служебники и всякими обиходы по ее изволению, и для береженья велел у нее в монастыре бытии Михаилу Ивановичу Колычеву да Андрею Федоровичу Щепотьеву да подьячему Андрею Шулепникову*". Вдова-монашка сохранила при себе прислугу и ближних боярынь-советниц, контроль над землями вокруг монастыря, а также право свободного выезда на богомолье в соседние обители.

Из этого можно сделать вывод, что на самых знатных людей, постригшихся в монахи в допетровские времена, действие монастырских уставов не распространялось. Искусно составленное завещание, которое, теоретически, можно было и изменить в любой момент, о чём прекрасно знали настоятели монастырей, позволяло "именитым" продолжать в святых обителях ту роскошную жизнь, к которой они привыкли в миру.

Раннее книгопечатание и прибыль

На уроках истории в школе нам рассказывали, что после изобретения книгопечатания книги стали стоить гораздо дешевле, что обеспечило их более широкое распространение. Но в реальности всё было немного сложнее.

В 1450 году в Страсбурге можно было купить самую простую рукописную Библию за 60 гульденов. За издание с картинками просили уже 100 гульденов.

Известно, что, по крайней мере, некоторые экземпляры Библии Гутенберга были проданы по цене 30 флоринов (гульден чеканился в немецких государствах Священной Римской империи в подражание золотому флорину и стоил примерно столько же). Пауль Швенке считал, что пергаментный экземпляр Библии Гутенберга стоил 42 гульдена, а бумажный – 34 гульдена.

Видно, что разница в цене ещё не слишком велика. Но Гутенбергу нужно было как-то отдавать долги, которые к 1455 году превысили 2000 гульденов, а ещё выплачивать жалованье своим подмастерьям. Так что он не мог сразу существенно снизить цену на свои книги.

Библия Ментелина, вышедшая из печати в 1466 году, без переплёта продавалась уже за 12 гульденов. В 1478 году в Лионе продавали книгу "Légende dorée" в переплёте и с иллюстрациями, напечатанную Мартином Хуссом и Йоханнесом Зибером, за 9.5 гульдена. Известный книготорговец Антон Кобергер рекомендовал продавать Библию на латинском языке, отпечатанную в его типографии, оптом за 8 флоринов, в розницу – за 10.

Но это всё в Европе, где книгопечатание изначально было коммерческим проектом, в который многие богатые люди вкладывали свои деньги, чтобы потом получить солидную прибыль. В России начиная с 1552 года основание типографий было государственным делом. Этим занимались исключительно по приказу царя, а позже – по указаниям высших церковных иерархов. Никакой частной инициативы в первые полтора века книгопечатания в России не дозволялось.

Первые печатные книги продавались в стране по себестоимости, половину которой давала бумага: её в России не производили (точнее производили, но слишком плохого качества, чтобы её можно было использовать в типографском процессе), поэтому бумагу завозили из-за границы. После пожара на Печатном дворе в 1634 году в связи с большими затратами на восстановительные работы было решено продавать новые издания типографии не по себестоимости, а с наценкой. Такая наценка составляла от 24.6 до 383.6% от себестоимости книги, а в среднем – около 50—70% себестоимости.

Большое количество книг продавалось принудительно – их выдавали торговцам на реализацию, взяв деньги вперёд. Причём царские люди совершенно не считались с тем, чем занимаются лавочники. Книги в приказном порядке выдавались в такие ряды, как овощной, сурожский, пушной, шапочные, кафтанные, скорняжный, медовый, котельный, луковый, рыбный и так далее. Сохранилось любопытное свидетельство от 1651 года. Архиепископ Сибирский Симеон обратился в Москву с просьбой выслать ему необходимые для богослужения книги. Только часть заказанных книг нашлась на Печатном дворе. Остальные пришлось покупать в овощном ряду. Исследователи обратили внимание на тот факт, что на Печатном дворе книги были непереплетёнными, а в овощном ряду все книги продавались в переплёте.

Позднее, скорее всего, из-за недовольства московских торговых людей, государевы слуги старались больше книг рассылать по епархиям. Города, в которые пришли книги, обязаны были как можно скорее выслать за них деньги в Москву, чтобы возместить затраченные Печатным двором средства. Сохранилась челобитная крестьян Чарондского округа царю Михаилу Фёдоровичу, написанная в 1627 году. В этом документе крестьяне протестуют против действий воеводы Фёдора Михайловича Извольского, взыскивавшего с них деньги за присланные книги.

"*По твоему указу велено присланные книги передать в монастыри, в соборные церкви и в лавки торговых людей, а у нас в Чарондском округе общих монастырей и соборных церквей и торговых людей нет и воевода Извольский раздаёт книги в волостные церкви, а деньги взыскивает с нас, государевых крестьян. А между тем у нас в церквах книги уже есть. Крестьяне просят царя освободить их от этого побора*".

На челобитной сохранилась помета:

"*За нынешние книги деньги заплатите, а впредь к вам книг не пошлют*".

Интересно отметить, что цена на печатные евангелия мало отличалась от цены на рукописные евангелия и была не ниже, а скорее даже выше цены последних. Ведь к концу XV века переписывание книг превратилось в крупных городах страны в настоящее, почти мануфактурное производство, где применялся наёмный труд. И пусть большинство таких артелей прямо или косвенно работало на церковные власти, последние тоже обращали внимание на прибыльность. А если говорить о каких-то редкостях, типа богослужебных книг раскольников, которые не печатали государственные или церковные типографии, то в этом сегменте рынка цены на рукописные издания вполне могли превышать цены печатных книг. Даже в XVII веке, по данным исследования Варвары Павловны Адриановой-Перетц, печатные книги стоили дороже рукописных, и появление книгопечатания не сказалось заметно на цене рукописей. Причём богослужебные книги ценились дороже книг для чтения, а светские – дешевле книг религиозного содержания. Из этого можно сделать вывод, что прослойка людей, читающих ради образования и получения информации, была в России того времени чрезвычайно узкой и никак не влияла на уже сложившийся рынок печатной продукции.

Давние традиции "кормления" местных властей

В последней четверти XVI – начале XVII веков в России стали переходить на воеводскую систему управления в регионах. К середине XVII века воеводская власть сделалась основной формой местного управления в государстве.

Должность воеводы была "корыстной", то есть не оплачивалась государством. Воеводы, назначенные в город или уезд, получали "въезжий корм" (то, что подносилось им к приезду), праздничное "кормление" на Рождество, Пасху, Петров день, а также ежедневное "кормление" и "подношения" от челобитчиков. Ещё местное население было вынуждено "кормить" родственников и слуг воеводы. Позднее появились и другие виды кормления: платежи на именины царя и членов царской семьи, на именины воеводы и членов его семьи, "корм" на отъезд воеводы. "Кормление" воевод стало неписаной традицией, не противоречащей законам. Центральные власти использовали такое положение вещей для поощрения служилых людей, поскольку денег для иного материального вознаграждения "государевых людей" у правительства не хватало.

Желающих добиться "хлебной" должности уездного или городского воеводы обычно имелось значительно больше, чем вакантных мест. К тому же в ходе русско-польской войны 1654 – 1667 годов люди с боевым опытом требовались на полях сражений. По этой самой причине 5 мая 1661 года был издан указ об определении в воеводы только раненых или побывавших в плену служилых людей и о смене в регионах тех воевод, которые этим условиям не удовлетворяли. Между соискателями возникал своеобразный конкурс, арбитром в котором выступали дьяки Разрядного приказа или даже сам государь.

Позднее наряду с ранением или пленом учитывались и другие обстоятельства, свидетельствующие в пользу соискателя должности воеводы. К примеру, он мог указать своего родственника, убитого или раненого в бою или попавшего в плен. Таким образом, учитывались заслуги всего рода. А ещё соискатели нередко заявляли о своём тяжёлом материальном положении и упоминали, что ранее подобные должности не занимали.

Существовало определённое соответствие чина служилого человека и ранга города, на воеводство в котором он мог претендовать. В крупные города назначались бояре и окольничие. В средние и мелкие города – стольники, стряпчие, московские дворяне, жильцы и самые видные представители провинциального дворянства. Во второй половине XVII века в связи с основанием новых городов на южных окраинах государства для провинциального дворянства расширились возможности занимать должности воевод, приказных людей, стрелецких, казачьих, осадных голов.

Обычно воеводу назначали на два года. Понятно, что некоторые из них за это время старались "откормиться" всеми возможными способами. Недаром тогда возникла пословица: "Наказал Бог народ – наслал воевод". Не все воеводы занимались выколачиванием денег из местного населения: многие вели себя относительно скромно, довольствовались лишь тем, что им преподнесут по доброй воле. Но полномочия столь высокой должности давали широчайшие возможности для обогащения.

В общественном сознании того времени различались легальные "почести" воеводам и незаконные "посулы" или "поминки". "Почестями" именовались добровольные подношения в знак уважения, а "посулами" или "поминками" называли взятки за незаконные действия или бездействия. К примеру, воевода мог за взятки освободить кого угодно от исполнения служебных обязанностей, или сверх положенного привлекать людей из местной общины к строительству городских укреплений до тех пор, пока община не догадается откупиться от этой повинности. "Посулы и поминки" обычно вымогались, но нередко получалось, что одно и то же подношение воевода называл "почестью", а местное население – "посулами и поминками".

Если воевода совсем уж портил жизнь местного населения, народ писал челобитную и отправлял в столицу. Порой по таким челобитным даже производилось разбирательство специально присланным из столицы сыщиком. Если в ходе разбирательства вина воеводы доказывалась, то центральные власти могли сократить срок его пребывания в должности, обязать возместить ущерб местным жителям, а также ещё и заплатить пеню, равную сумме ущерба, в пользу государства. А самым грозным наказанием для воеводы была царская опала.

18 декабря 1708 года Пётр I издал указ, согласно которому Россия была разделена на восемь губерний, которыми управляли губернаторы. Но те губернии оказались слишком большими, и управлять подобными новообразованиями было слишком трудно, так что уже в 1718 – 1719 годах их начали делить на провинции. А провинциями снова управляли воеводы. Теперь им уже полагалось денежное содержание, плюс прогонные и подъёмные деньги из казны. Но сила многолетней инерции оставалась слишком велика, чтобы сразу отказаться от традиций "кормления". Вспомните, у Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина в сказке "Медведь на воеводстве" Топтыгин 3-й выходил из берлоги только для того, чтобы сожрать ту дань, которую подносили ему мужики. Такой толстый-претолстый намёк на "кормление". И некоторые отзвуки этого старинного обычая отмечаются в губернских городах даже в наше время…

Судьба российского писателя в середине XVII века

Точных сведений о Фёдоре Ивановиче Порошине почти не сохранилось, так что многое из того, что вы о нём прочитаете ниже, является лишь моими предположениями.

Государев стольник Никита Иванович Одоевский был одним из крупнейших землевладельцев Российского государства. На него трудились тысячи крепостных крестьян и холопов. Когда кто-то из зависимых людей Одоевского сбегал, его управляющие не особенно усердствовали по поводу сыска – людишек много, все не убегут.

Однажды на Дон улизнул холоп Фёдор Иванович Порошин, которого обучали грамоте и письму вместе с детьми Ивана Никитича Большого, отца Никиты Ивановича. Если помните – был такой "педагогический" приём, когда дворянским недорослям на занятиях составляли компанию крестьянские или холопские дети, их товарищи по играм, и если маленький дворянчик не выказывал достаточного прилежания, наказывали не его, а детей из рабского сословия. В учёбе Фёдор был прилежен и показал большие успехи. Потому Никита Иванович Одоевский определил его в свою канцелярию. Но в 1633 году случился у стольника Одоевского спор по местничеству с князем Дмитрием Черкасским. Никита Иванович эту тяжбу проиграл: было признано, что он бесчестил понапрасну Дмитрия Мамстрюковича, и за такую дерзость Одоевского в октябре 1633 года отправили в тюрьму.

Пользуясь этим, холоп Фёдор Порошин подался на Дон, где царским посланцам, приезжавшим ловить беглых, казаки всегда гордо отвечали "С Дона выдачи нет!", и московское правительство было вынуждено мириться с таким положением вещей, ведь первый гарнизон в тех краях появился только 1646 году. А ссориться с казачьей вольницей без серьёзного отряда солдат никто не рисковал.

Среди казаков не хватало грамотных людей, и Фёдор Порошин пришёлся ко двору. Его назначили писарем в войсковой канцелярии. А к тому моменту, когда войсковой круг принял решение захватить турецкую крепость Азов, он уже был войсковым дьяком, помощником атамана, занимавшимся всеми документами и письмами.

21 апреля 1637 года казачий отряд численностью до 5 тысяч человек осадил крепость Азов. У казаков не имелось тяжёлой артиллерии, но 22 мая из Воронежа подошёл караван из 49 стругов, на которых посланник Михаила Фёдоровича Степан Чириков привёз порох, пищали с запасом ядер, денежное довольствие и сукно для обмундирования. Это не решило проблему осадных пушек, но навело казаков на мысль устроить подкоп.

Со второй попытки удалось подвести мину под стену Топракова города, самой внешней городской стены. 18 июня 1647 года взорвали пороховой заряд, от чего образовался пролом шириной более 20 метров. Походный атаман Михаил Татаринов лично повёл своих казаков на штурм. Одновременно с противоположной стороны казаки забрались на стены Топракова города по длинным лестницам. Штурм города продолжался три дня и увенчался победой казацкого войска. Правда, потери оказались очень велики: погибло более тысячи казаков. Турецкий же гарнизон крепости вырезали почти подчистую, тела врагов потом сбрасывали во внешний ров и в Дон целую неделю.

Московское правительство заверило турецкого султана в своей непричастности ко взятию Азова. В послании к Мураду IV царь Михаил Фёдорович именовал казаков "ворами" и всячески открещивался от их действий. В то же самое время гарнизон крепости снабдили порохом и свинцом, а царское жалование позволило казакам накопить годовой запас продовольствия. Так что когда 1 августа 1638 года крымский хан Бахадыр I Герай осадил Азов, он быстро понял, что отвоевание города будет стоить ему очень дорого. Поэтому уже в октябре он ушёл из-под крепости вместе со всей своей армией.

Фёдор Иванович Порошин принимал самое активное участие во всех боях. За это его избрали есаулом. 28 сентября 1640 года, когда казаки готовили город к новой вражеской осаде, Порошин написал государю Михаилу Фёдоровичу письмо, в котором в довольно смелом тоне высказал свои доводы о том, что казакам крайне необходима помощь от царя, и что Азов очень важно принять в состав России. Это письмо лишь разгневало государя.

А 7 июня 1641 года турецкие и крымские войска подступили к Азову и обложили крепость со всех сторон. Турецкий флот стоял в море напротив города, а часть кораблей даже вошла в низовья Дона. Два первых штурма крепости казаки отбили, после чего главнокомандующий всех союзных османам войск Гази Хусейн-паша начал осаду по всем правилам военной науки.

Нападающие соорудили контрвалационную линию вокруг Азова, которая поднялась выше городских стен, и с неё 16 суток непрерывно обстреливали город. Согласно донесениям казаков, ежедневно османские войска расходовали от 700 до 1000 снарядов. Защитникам Азова пришлось укрываться в заглублённых землянках и подземных бункерах.

Одновременно турки рыли множество подкопов, а казаки, соответственно, сооружали контрподкопы, в которые отправляли штурмовые группы. В "подземной войне" защитники были более активны, и потому противнику пришлось отказаться от этого вида действий.

Интенсивный артиллерийский обстрел закончился штурмом. Османским силам удалось захватить разрушенные внешние стены, но казаки укрепились в цитадели Азова и отбили все атаки против неё.

Уже 9 августа Хусейн-паше пришлось запросить у султана Ибрагима подкреплений, поскольку потери турок оказались слишком большими. Параллельно шли переговоры с казаками, во время которых активных боевых действий не велось. Защитники Азова отказались от крупной денежной суммы в обмен на сдачу.

К сентябрю обе стороны смогли подкрепить свои силы. Правда, османам не подвезли ядра для осадных пушек. Почти весь запас был израсходован во время летних обстрелов. И тогда Хусейн-паша решил использовать своё подавляющее преимущество в живой силе. Один за другим происходили штурмы цитадели. Всего их было 24. Но казаки отбили все вражеские атаки, а между Хусейн-пашей и другими командирами турок и союзников османов начались серьёзные разногласия. К тому же приближалась осень. Понеся огромные потери, Хусейн-паша снял осаду 26 сентября 1641 года.

Но казаки понимали, что турки не успокоятся, и ещё одной подобной осады Азов не выдержит. Поэтому сразу же после отхода османской армии на юг в Москву направилась делегация во главе с войсковым атаманом Наумом Васильевым и есаулом Фёдором Порошиным. В состав делегации вошли 24 казака, пережившие османскую осаду от первого до последнего дня.

28 октября эту делегацию принял сам государь Михаил Фёдорович. Вопрос об Азове был очень сложным: с одной стороны, обладание этой крепостью давало возможность беспрепятственно отправлять торговые корабли в Азовское, а потом и в Чёрное море, и сторожить южные пределы Российского государства. Но для явной войны с Османской империей у России не хватало сил. Для обсуждения проблемы в начале 1642 года даже созвали Земский собор, на котором виднейшие представители правящей элиты и высшее духовенство, подсчитав все предполагаемые расходы, приняли решение, что Азов нужно оставить.

Всё то время, пока московское правительство обсуждало вопрос Азова, Фёдор Порошин составлял "Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков". Он, как очевидец событий, вполне мог себе позволить написать такое:

"*А те, кто уцелел из нас, холопов государевых, после осады, все изранены. Нет ни одного у нас человека целого; ни одного, кто бы не пролил крови своей, в Азове сидя во имя божие, за веру христианскую. А теперь мы всем войском у государя царя и великого князя всея Руси Михаила Феодоровича просим милости. Просим мы, холопы его, сидевшие в Азове, и те, кто по*

Дону живёт в городках своих, чтоб велел он принять из рук наших ту свою государеву вотчину – Азов-город, ради светлых образов Предтечи и Николина, ради всего, что им, светам нашим, угодно тут. Тем Азовом-городом защитит он, государь, от войны всю свою украину, не будет войны от татар до веку, как сядут наши в Азове-городе.

А мы, холопы его, что остались после осады азовской, все мы уже старцы увечные, сил нет уже у нас на боевые промыслы. А то обет наш, всех, пред образом Предтечи: постричься в монастыре его, принять образ монашеский. Станем мы бога молить до веку за него, государя, и за весь государский род его. Его государскою обороною и нашей верою защитил нас бог от таковых турецких сил, а не нашим молодецким мужеством и промыслом. А коли государь нас, холопов дальних своих, не пожалует, не велит у нас принять из рук наших Азова-города, то нам, заплакав, оставить его! Поднимем мы, грешные, икону Предтечи, да и пойдём с ним, светом нашим, куда он велит. Атамана своего пострижём пред его образом, будет он над нами игуменом. А есаула пострижём, тот у нас будет устроителем 20. А мы, бедные, хоть и немощные все, не отступим от его, Предтечи, образа, помрём все тут до единого. Будет вовеки слава лавре Предтеченской."

И за такие слова Фёдору Порошину припомнили и бегство от стольника Одоевского на Дон, и дерзкое письмо государю от 28 сентября 1640 года. В феврале 1642 года, после решения правительства относительно судьбы Азова, Фёдору Порошину не разрешили вернуться на Дон. Михаил Фёдорович лично указом от 21 февраля лишил есаула-писателя царского жалованья и сослал его в Сибирь. После этого никаких сведений о дальнейшей судьбе Порошина не обнаруживается.

Остальных членов делегации наградили и отпустили домой с наказом оставить Азов. 27 апреля 1642 года был издан на эту тему царский указ. Летом 1642 года последние казаки ушли из Азова, разрушив все крепостные укрепления. В том же году турки начали строить на месте разрушенного города новую твердыню.

А крепость Азов потом отвоевал Пётр I летом 1696 года.

История одной дворянской фамилии

Усадьба Вышние Горки известна с XVI века. Это старинное имение на юге Московского уезда включало в себя небольшую деревушку, два сельца, пахотные, лесные и сенокосные угодья. Первое упоминание о Горках встречается в разъезжей грамоте московских писцов за 1542 – 1543 годы, где сообщается о поместье Гаврилы Спасителева. Род Спасителевых более 250 лет владел Вышними Горками и деревней Нижние Горки, протянувшейся вдоль Каширского тракта. История возникновения этого рода некоторым образом связана с братом Софьи Палеолог Андреем.

Андрей Палеолог был законным наследником византийского трона, но не располагал ни малейшими возможностями его вернуть. Жил он в Италии, пользуясь покровительством римского папы и получая от него небольшую сумму денег ежемесячно. Как и все правители, лишённые своего государства, Андрей Палеолог всё время испытывал проблемы с финансами. Папская "стипендия" не позволяла вести образ жизни, достойный императора, пусть и в изгнании. А уж о том, чтобы на эти жалкие крохи попытаться набрать армию и отвоевать обратно свою державу – и речи не шло.

В 1480 году Андрей Палеолог отправился в Москву к сестре, чтобы разжиться деньгами при дворе Ивана III. Государь всея Руси в тот год был занят более важными проблемами, так что от него "византийский император" ничего не добился. А вот сестре Софье, российской государыне, пришлось отдать брату все свои драгоценности, о чём она позднее очень сожалела.

В свите Андрея Палеолога находился католический священник Сальватор. В Москве его именовали "капелланом белых чернецов августинова закона". Этот божий человек влюбился в очень красивую русскую женщину, да так сильно, что ради своей избранницы согласился перейти в православие. Такое в XV веке случалось очень редко, поэтому имело большой общественный резонанс. При крещении итальянца присутствовал сам государь Иван III. Сальватора сделали российским дворянином Иваном Спасителевым и пожаловали имением.

Его потомки при Иване Грозном значились жильцами. Во время военных походов и царских выездов из служилых людей этого разряда составляли основную часть государева полка. Жилецкие сотни, по сути, можно считать царской гвардией XVI – XVII веков.

Праправнуки священника Сальватора сделали неплохую карьеру при дворе. Тимофей Иванович Спасителев был стольником патриарха Филарета. Его брат Андрей дослужился до чина стряпчего при дворе Алексея Михайловича. В 1713 году в боярских списках ещё отмечаются жильцы поручики Тимофей Михайлович и Григорий Михайлович Спасителевы.

Люди с фамилией Спасителевы существуют и в наше время. Возможно, что кто-то из них является потомком итальянского священника, нашедшего свою любовь в Москве и решившего ради неё поменять и родину, и веру.

Такое звучное слово

В 1655 – 1657 годах иеромонах Епифаний Славинецкий из Чудова монастыря и его помощники, Арсений Сатановский и Исайя Чудовский, перевели на русский язык "Большой атлас", плод многолетних усилий голландских картографов Виллема и Яна Блау. Знаете, каким было название этой книги на русском языке?

"Позорище всея вселенныя или Атлас новый въ немже начертанія и ωписанія всѣх странъ издана суть".

Вы спросите, почему позорище?

Дело в том, что слово "позорище" ещё в XIX веке имело значение "зрелище" и в таком качестве использовалось во многих литературных произведениях. Достаточно сказать, что в таком значении его употребляли Державин, Достоевский или Лесков:

"*В сих годах, то есть в 1765-м и в 1766-м году, были два славные в Петербурге позорища, учрежденные императрицею, сколько для увеселения, столько и для славы народа.* "

Г. Р. Державин. "Записки из известных всем происшествиев". 1812 г.

"*Он мне их показывал, и я их видел, и это было грустное и глубоко терзающее позорище!..*"

Н. С. Лесков, "Загон", 1893 г.

"*Ибо, сообщая вам историю жизни моей, не на позорище себя выставлять хочу перед сими празднолюбцами, которым и без того все известно, а чувствительного и образованного человека ищу.*"

Ф. М. Достоевский, "Преступление и наказание", 1866 г.

А всё потому, что слово "позор" происходит от праславянского прародителя "позьрътu" (посмотреть), от которого в числе прочих произошли: русское слово "позор", украинское слово "позір" (вид, внимание), болгарское слово "позо́р" (позор), сербохорватское слово "пòзор" (внимание), словенское слово "pozòr" (внимание, наблюдение), чешское и словацкое слово "pozor" "внимание", польское слово "pozòr" (видимость; вид, внешность, обличье).

Александр Сергеевич Пушкин с двадцатых годов XIX века перестаёт использовать старое значение слова "позор" и начинает его употреблять так, как более привычно для нас. Всё-таки у "нашего всего" было прекрасное чувство языка, и он каким-то образом ощущал грядущие языковые тенденции.

Судьба предателя

Григорий Котошихин родился между 1630 и 1635 годами в семье казначея одного из московских монастырей Карпа Котошихина. Должность казначея была довольно сложной и ответственной: он заведовал движением монастырских денег, фиксировал все эти движения на бумаге, надзирал за недвижимостью, а также осуществлял закупки провианта, хозяйственных припасов и предметов бытового обихода. Так что хлопот хватало, но и без денег семья никогда не оставалась. Понятно, что у казначея в ходе исполнения своих многочисленных обязанностей появлялись как полезные связи, так и недоброжелатели.

Григория обучили грамоте и письму в отцовском монастыре и по достижении необходимого возраста определили на службу в Приказ Большого дворца писарем. Можно предположить, что были задействованы полезные связи отца. Перед Рождеством 1658 года Карп Котошихин нашёл возможность пристроить сына уже в Посольский приказ, что было более перспективно. Там Григорий служил сначала писарем, а потом и подьячим.

Известно, что 19 апреля 1660 года подьячий средней статьи Котошихин допустил ошибку в официальном документе в титуле царя. Алексей Михайлович именовался с 1655 года как "Государь, Царь и Великий князь всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержец". Какую ошибку допустил Котошихин – мне неизвестно, но по государевой грамоте от 4 мая 1660 года его было велено бить батогами за оплошность.

Эта ошибка не стала концом карьеры молодого подьячего. Уже 9 октября 1660 года его отправили из Дерпта в Ревель, к находившемуся там шведскому посольству, с бумагами, в которых посольство как можно скорее приглашалось в Москву; 15 октября Котошихина отослали обратно; 13 декабря он вновь возвратился к шведским послам с письмом от русского посольства, а также с письмом от думного дворянина Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина к генерал-губернатору Эстонии Бенгту Горну. После 16 декабря Котошихина отправили обратно с ответным посланием и устным сообщением.

Когда 21 июня 1661 года был заключен Кардисский мир, именно Котошихина командировали в Швецию с письмом от Алексея Михайловича к королю Швеции Карлу XI. А для того, чтобы курьер Посольского приказа как можно скорее мог вернуться в Москву, в Стокгольме ему даже выделили быстроходное судно.

Но вскоре Карпа Котошихина обвинили в растрате, и дом, где он проживал вместе с семьёй сына, вместе со всем остальным имуществом конфисковали. Ревизия монастырского хозяйства показала недостачу всего лишь в 15 копеек. Скорее всего, кто-то подсиживал монастырского казначея или же сводил с ним былые счёты.

На дипломатической карьере Григория Котошихина это никак не сказалось. В конце 1662 года его должностной оклад увеличили на один рубль. Теперь Григорий получал в год двадцать рублей плюс премии. Вот только служилым людям с 1654 года хлебное и денежное жалования выдавались медными деньгами, которые очень быстро обесценивались. В 1662 году за серебряную копейку давали 15 медных. Такая разница в курсах привела к знаменитому Медному бунту.

Для решения денежных и имущественных вопросов, связанных с выполнением статей Кардисского мира, между Россией и Швецией шли постоянные дипломатические контакты. С российской стороны этим занимался окольничий Василий Семёнович Волынский, а со шведской – Адольф Эберс (Эбершильд). И вот Эберс, скорее всего, и уговорил Григория Котошихина сообщать шведам содержание российских дипломатических депеш. За это представитель Стокгольма вроде как заплатил 100 червонцев (по другим данным 40 рублей).

Весной 1664 года Григория Котошихина отправляют в действующую на польском фронте армию, первым воеводой которой был тогда князь Яков Куденетович Черкасский, а вторым –

князь Иван Семёнович Прозоровский. Прозоровский неплохо знал Котошихина по переговорам со шведами, поэтому его почти сразу же включили в состав делегации для переговоров с поляками. Эти дипломатические контакты имели место сначала в Дубровичах, между городами Красным и Зверовичами, а потом под Смоленском.

Но уже в июле 1664 года Черкасского отозвали в Москву, а на его место вскоре назначили князя Юрия Алексеевича Долгорукова. Этот воевода, прибыв в войска, сразу же начал собирать компромат на своих предшественников. От Котошихина Долгоруков потребовал, чтобы тот написал донос на прежних командующих, якобы сгубивших царское войско. За это князь обещал подьячему повышение по службе и помощь в деле отца, которого так и не оправдали.

Котошихин знал, что первый воевода жесток и скор на расправу, но подставляться тоже не захотел. Мало ли как расценят его донос важные персоны из Боярской думы? Да и самому государю Алексею Михайловичу такое могло не понравиться. И чтобы не попадать между молотом и наковальней, Григорий Карпович решил бежать в Польшу. Дорога ему была хорошо знакома. Секретное слово, чтобы пройти через российские дозоры, наверняка он тоже знал.

Очутившись в Вильне, беглый подьячий подал прошение польскому королю Яну Казимиру, и вскоре Григория приняли на польскую службу при канцлере Великого княжества Литовского, которым был тогда Христофор Сигизмунд Пац. Новому сотруднику положили годовой оклад в 100 рублей. Котошихин выучил польский язык и изменил свою фамилию; теперь он звался Иоганном Александром Селицким.

Но на новом месте перебежчик не прижился. В Посольском приказе ему уже доставались серьёзные дипломатические миссии, а поляки лишь выведывали у него сведения о российском войске. Челобитные, отправленные "Селицким" канцлеру и в Раду, оставались без ответа и без последствий. Он так и не был официально представлен Яну Казимиру. Так что летом 1665 года "Иоганн Александр" бежал из Польши в Силезию, затем в Пруссию и оттуда – в Любек. Из Любека осенью того же года Котошихин приплыл в Нарву. Эта одиссея дорого обошлась бывшему подьячему: он потратил все деньги, к тому же обморозил ноги.

В Нарве Григорий нашёл знакомого, купца Кузьму Афанасьевича Овчинникова, шведского подданного. Тот помог ему попасть на аудиенцию к генерал-губернатору Ингерманландии Якобу Иоганну фон Таубе. А Таубе смог узнать в жалком оборванце ранее увиденного в Стокгольме московского дипломатического курьера. 24 октября 1665 года генерал-губернатор распорядился выдать Котошихину гражданскую одежду и деньги на пропитание. С первым же курьером в Стокгольм было отправлено прошение беглеца о приёме на шведскую государственную службу.

Уже через месяц шведское правительство постановило выдать Котошихину 200 риксдалеров и привезти перебежчика в Стокгольм. Для этой цели в Нарву направили самого Адольфа Эберса. Тот прибыл вовремя: Котошихин в приступе ностальгии попытался увидеться с царским гонцом Михаилом Прокофьевым, с которым познакомился ещё в 1664 году под Смоленском. Но Прокофьев не только отказался встречаться с предателем, но и сообщил о том, что изменник находится в Нарве новгородскому воеводе князю Василию Григорьевичу Ромодановскому Меньшому. А князь потребовал от Таубе выдать перебежчика и даже прислал в Нарву стрелецкого сотника Ивана Репнина. Подобные случаи были предусмотрены Кардисским миром, и проигнорировать требования Ромодановского шведы не могли.

Так что пришлось Таубе импровизировать: Котошихина посадили в тюрьму, после чего заявили Репнину, что выдать заключённого невозможно. А когда в Нарву приехал Адольф Эберс с деньгами и разрешительными документами, они на пару с генерал-губернатором инсценировали побег Котошихина из тюрьмы.

5 февраля 1666 года Котошихин прибыл в Стокгольм. Ему устроили аудиенцию у малолетнего Карла XI и в регентском совете, после чего выдали деньги на обустройство. Перебежчик обратился в лютеранство. Через некоторое время его приняли в штат архива Канцелярии.

Котошихин начал писать труд о России в царствование Алексея Михайловича по заказу шведского правительства.

В конце 1666 года перебежчик поселился в южном предместье Стокгольма Сёдермальме у служившего в той же самой Канцелярии переводчика с русского языка Даниила Анастасиуса, скорее всего – тоже родившегося в России. Первые полгода хозяин и квартирант дружили. Но потом Даниил Анастасиус получил очень хорошо оплачиваемую подработку: он переводил русским купцам в Стокгольме. Шальные деньги хозяин квартиры спускал в кабаках, ничего не давая жене на домашнее хозяйство. Через несколько дней такого загула жена Анастасиуса, Мария Фалентинсдоттер, ушла.

25 августа 1667 года Котошихин помирил супругов, но уже вечером между хозяином и квартирантом произошла ссора, после которой Григорий тяжело ранил кинжалом или стилетом Даниила Анастасиуса, а также его свояченицу. Девушка выжила, но Анастасиус умер ночь с 8 на 9 сентября. Так что 10 сентября Мария Фалентинсдоттер подала на Котошихина в суд. Беглеца из России судили и 26 сентября 1667 года приговорили к смертной казни.

У Григория был шанс получить помилование короля, но так совпало, что в Стокгольме в это время находился российский представитель, Иван Юрьевич Леонтьев. Леонтьев очень быстро узнал, кем на самом деле был убийца из Сёдермальма, и потребовал его выдачи на родину. А этого шведы допустить не могли, ведь Котошихин теперь знал и шведские дипломатические секреты. Так что помилования не произошло.

В конце октября или в первых числах ноября 1667 года Котошихина обезглавили. Сразу после казни его тело было перевезено в Упсалу, где профессор медицины и ректор Уппсальского университета Улоф Рудбек провёл его публичное вскрытие. Эта операция, на которую продавались билеты, принесла Рудбеку столько денег, что он смог на эти средства украсить анатомический театр новой фреской, о чём с восторгом писал рикскансцлеру Магнусу Габриэлю Делагарди. Кости Котошихина, нанизанные на проволоку, хранились в Упсальском университете по крайней мере до 1682 года.

Так закончилась жизнь предателя. Она получилась не слишком длинной, но была насыщена различными событиями. Но его труд о России в царствование Алексея Михайловича, забытый вскоре после смерти Котошихина, начиная с XIX века стал ценнейшим источником систематизированных сведений об устройстве Российского государства во второй половине XVII века и о жизни российского общества в это время.

Не только по фамилии, но и по имени с отчеством!

Порой города называют по фамилии выдающегося человека. Вспомните Киров, Ульяновск, Тольятти, Гагарин, Арсеньев и многие другие. Иногда название города образовано от имени: Владимир, Борисов, Александрия, Екатеринбург и т. д. Но был в нашей истории замечательный человек, который один стал источником двух разных топонимов. Его фамилия дала название городу на берегах Амура, а его имя и отчество – посёлку на притоке Амура, Урке, и станции при нём.

Конечно же, вы догадались, о ком идёт речь!

Как ни странно, этот человек родился за несколько тысяч километров от Приамурья. Современники порой называли его устюжанином, поскольку его родная деревня располагалась в Устюжском уезде. По одной версии, это было Дмитриево Вотложенского стана (80 км от уездного города Великий Устюг). По другой версии, родился этот человек в деревне Святица, в Вотложемской волости Устюжского уезда. Но Святицу смыло наводнением, так что в 1626 году отец нашего героя "*Павел, по прозвищу Меньшик, Иванов сын Хабаров*" купил "*чистую землю орамую, и под лесом, и з двором и з дворищем… по речке по Ленивице… от Исаихи… по огороду до Мороженово болота, по Петриловский ручей*". Ныне это деревня Выставка в сорока километра к северу от Великого Устюга.

Относительно даты рождения Ерофея Павловича существуют разные версии в интервале от 1601 до 1610 годов. Скорее всего, он родился между 1605 и 1607 годами. Происходил Хабаров из крестьянской семьи: в писцовой книге Сольвычегодского уезда за 1645 год есть запись "*Деревня Выставок Ленивцов, и в ней крестьяне: двор Микифорко Павлов Хабаров з братом с Ерофейком*".

Крестьяне Устюжского уезда были черносошными, то есть государственными. Они несли повинности в пользу государства, но не имели личной зависимости от какого-либо помещика. Черносошные крестьяне имели право передать свои повинности другому лицу, имели право собственности на имущество и могли без ограничений передвигаться по территории Российского государства. Это благоприятствовало занятиям торговлей и промыслами.

Ерофею Павловичу не сиделось на одном месте. Весной 1628 году он вместе с братом Никифором решил попытать счастья в Мангазее, где соболиный сезон длился с ноября по март, а после этого многочисленные окрестные охотники приезжали в город со шкурками пушных животных, оплачивали "государев ясак", и могли продавать свою добычу заезжим купцам. При удачном стечении обстоятельств, с каждого рубля, вложенного в эту поездку, самые везучие купцы получали до 30 рублей чистого дохода. Для покупки снаряжения Ерофей и Никифор заняли пятнадцать рублей под кабальную запись у Матвея Свиязева. По пути в Тобольске братья наняли себе пятерых помощников.

В Мангазее Хабаровы зарегистрировались в приказной избе как "*Ярофейко и Никифорко Хабаровы, устюжане, промышленные люди*", уплатили в казну годовой промышленный оброк по 50 копеек с каждого. После этого пришли на таможенный двор, где с их товара, который они закупили в Великом Устюге, взяли пошлину, десять процентов от стоимости. Но вскоре оказалось, что с соболями в Мангазее уже не так хорошо, как рассказывали. Шкурок стало значительно меньше, чем раньше, да и стоили они слишком дорого, чтобы поездка окупилась. Местные жители рассказывали, что много соболей в Туруханском зимовье, но туда было непросто добраться…

Новый мангазейский воевода Андрей Фёдорович Палицын прибыл 28 августа 1629 года. Он подыскивал таможенного целовальника в Хетское зимовье. Требовался расторопный, сообразительный и грамотный человек. И воеводе приглянулся Ерофей Хабаров. Но в те времена государевы люди уже не полагались на первое впечатление, а проводили тщательную проверку

кандидатов на ответственные должности. Братьев Хабаровых допросили в съезжей избе, потом собрали показания всех торговых людей, которые с ними когда-либо встречались. Лишь после этого Ерофея Павловича признали годным для такой работы. Но все дела семейной артели пришлось на время государевой службы передать брату Никифору, дабы Хабаровых не могли обвинить в коррупции.

Новый таможенный целовальник отправился на Таймыр. Там он помогал собирать ясак с местных племён. Для этого Ерофею вместе с ясачным сборщиком нужно было ездить от стойбища к стойбищу и отслеживать, чтобы перед тем, как племена начнут продавать шкурки соболей, лисиц, песцов и других пушных зверей пришлым купцам, они обязательно заплатили оговоренный ясак и таможенную пошлину. При этом необходимо было оценивать качество пушнины и собирать в казну сообразно сортам. Попутно лояльным племенам вручались подарки от государя Российского: котлы, топоры, ткани и тому подобное.

Тем временем в Мангазее началась распря между воеводами. Григорий Иванович Кокорев считался старшим, и Андрей Фёдорович Палицын его из-за этого сильно недолюбливал. После недолгого пребывания в маленьком северном городке антипатия превратилась в настоящую ненависть. Опасаясь коллеги, Палицын даже перебрался с воеводского двора в посад. Население Мангазеи постепенно разделилось на две враждующих партии. Оба воеводы вооружали своих сторонников, писали докладные в Тобольск и в Москву, жалуясь на неприятеля, а также распускали порочащие слухи. Кончилось всё тем, что между противоборствующими группировками случилась ссора, переросшая в перестрелку на улице, после которой посадские осадили воеводский двор. Дошло до того, что пустили в ход пушки. Некоторые постройки в Мангазее оказались разрушены.

Ерофей Хабаров в этом конфликте принял сторону Палицына. Он был одним из тех, кто составлял челобитную от мангазейских торговых людей, да ещё и вызвался самолично доставить её в Москву, в Приказ Казанского дворца. Документ он привёз в январе 1631 года. Это был очень смелый поступок по тем временам: челобитчика вполне могли схватить, наказать кнутами или выдать головой тому же Кокореву. Но Хабарову повезло, он остался цел и невредим.

Из столицы Ерофей Павлович отправился к жене, которая всё это время оставалась в Соли Вычегодской. Повидав ненаглядную Василису, он занял денег у местного купца, чтобы можно было накупить товаров для продажи в Сибири. В этот раз Хабаров решил отправиться на реку Лену, где вместе с братом Никифором, племянником Артемием Петриловским и другими охотниками собирался добывать соболей.

С 1632 года Хабаровы с артелью охотились на Лене и её верхних притоках: Куте, Киренге, Чечуе, Вилюе. А в устье Куты и в районе Вилюя им ещё повезло обнаружить соляные месторождения. Так что в 1637 году Ерофей Павлович прибыл в Енисейск с большой партией пушнины и с образцами соли. Меха удалось выгодно продать, а енисейский воевода дозволил устюжанину в устье реки Куты завести пашни, а в окрестностях Усть-Кутского острога устроить солеварню. Сбор в казну ему установили в размере 10% на хлеб и 20% на соль.

В Енисейске Хабаров нанял 27 работников для обработки пашни, на солеварню и на рыбные промыслы. Поскольку все они были из крестьянского сословия, то заплатили в казну "гулящий оброк" по восемь алтын и две денги с каждого человека за год.

Хлебопашеством на берегах Лены ранее ещё никто не занимался, поэтому Ерофей Павлович начал с опытного сева сразу нескольких культур: ржи, овса, ячменя, гороха. Выяснилось, что местные почвы и природные условия наиболее благоприятны для ржи. После того, как урожай этого злака стал превышать 1000 пудов за одно лето, Хабаров поставил на своей заимке мельницу. Теперь он мог продавать не только зерно, но и муку. А ведь ещё была и соль с собственной солеварни!

В 1638 году Сибирский приказ выделил земли по берегам Лены и Витима в отдельное воеводство. Руководить им назначили Петра Петровича Головина. Головин и второй воевода,

Матвей Богданович Глебов, прибыли в Енисейск лишь в ноябре 1639 года, а до Ленского острога добрались только в июле 1641 года. Головин имел приказ присматривать на Лене места, где можно выращивать хлеб, чтобы не завозить зерно из Тобольска. Поэтому он не мог не заметить успешное хозяйство Хабарова.

Для начала новый воевода занял у Ерофея Павловича 3 000 пудов зерна и 600 пудов муки. Когда же этот провиант был съеден, а новых мест для землепашества Головин обустроить не сумел, он попросту конфисковал у Хабарова его поля, мельницу и солеварню.

Устюжанин не стал горевать, а добился, чтобы ему выделили участок под двор, пашню и огород недалеко от устья реки Киренги, правого притока Лены. На новой заимке он сразу получил хороший урожай и выстроил мельницу. И тогда Головин взял с него в казну 20% с первой жатвы. Вообще по всем тогдашним правилам на новых землях, где было неизвестно, чего ожидать, первый урожай никакими налогами не облагался. Да и обычный сбор в казну с землепашцев не превышал десятой доли. А тут сразу 20%! Когда же Хабаров стал возмущаться, воевода конфисковал хозяйство на Киренге и потребовал, чтобы богатый крестьянин помог местной казне своими деньгами. Тут уж Ерофей Павлович не выдержал и сказал Петру Петровичу всё, что о нём думал. За это Хабарова заточили в тюрьму.

В феврале 1642 года якуты, а также другие местные народы, недовольные действиями Головина, подняли восстание. Они нападали на сборщиков ясака, а отряд общей численностью более 700 человек даже смог осадить Ленский острог. Правда, воевать против казаков, вооружённых ручными пищалями и пушками на стенах острога, якутским воинам было крайне тяжело. Когда к воеводам пришло подкрепление, восстание подавили, а его зачинщиков (23 человека) казнили. После этого начался раздор в стане победителей. Головин яростно искал виноватых и обвинял в подстрекательстве к бунту даже своих приближённых. А Глебов считал, что нужно действовать не так грубо и жестоко, как его старший коллега. В результате в тюрьму посадили ещё около сотни человек, в том числе и второго воеводу, и дьяка Ефима Филатова, а тех, кто попал в застенки ранее, не спешили выпускать на свободу.

Из-за такой ситуации в воеводстве Хабаров просидел в заточении более двух с половиной лет. Но сторонники Глебова уговорили его составить челобитную, в которой Ерофей Павлович описал свои злоключения и произвол Головина. Эту челобитную в числе прочих документов, доказывавших злоупотребления старшего воеводы, добровольцы привезли в Сибирский приказ и добились, чтобы её рассмотрел дьяк Григорий Протопопов. Князь Никита Иванович Одоевский, бывший первым судьёй Сибирского приказа, поручил новым ленским воеводам Василию Никитичу Пушкину и Кириллу Осиповичу Супоневу, назначенным вместо Головина и Глебова, провести расследование и доложить, правду ли написал в своей челобитной Хабаров.

Дознание и переписка заняли около двух лет. По результатам следствия Сибирский приказ признал действия Головина неправильными и предложил новым воеводам выплатить Ерофею Павловичу из казны 500 рублей в возмещение убытков. Вот только денег из Москвы не прислали на это ни копейки, а в казне воеводства и так было пусто. Так что остался Хабаров без компенсации. Да и вообще у него не сложились отношения с Пушкиным и Супоневым: тем тоже не нравился оборотистый устюжанин, который не давал себя обмануть. Ему чинили всяческие препятствия и даже попытались засудить. Но Ерофея Павловича не так-то просто было запугать.

В 1648 году в земли на реке Лене назначили нового воеводу, Дмитрия Андреевича Францбекова. В Сибирском приказе ему поставили задачу: обследовать и присоединять новые земли. Но в государстве было очень плохо с финансами. Введение налога на соль привело к расстройству всех промыслов, где она требовалась, особенно в отдалённых воеводствах. Соляной сбор пришлось отменить, а чтобы пополнить казну, правительство решило взыскать двухгодовую задолженность за отменённые ранее подати. Это так сильно ударило по ремесленни-

кам и купцам, что в Москве летом 1648 года произошёл Соляной бунт, потрясший столицу и сильно напугавший высшие сословия. Так что Францбекову намекнули, что из государственной казни он не получит на все потребные экспедиции ни копейки.

В марте 1649 года новый воевода добрался до Илимского острога, где встретился с братьями Хабаровыми. Ерофей Павлович подал Францбекову челобитную с просьбой отпустить его на Амур для поиска новых земель и пашен. Все расходы Хабаров, наученный горьким опытом общения с Головиным, брал на себя. Но как раз это обстоятельство больше всего понравилось Дмитрию Андреевичу. Он получал возможность и государев наказ выполнить, и денег казённых на это не потратить.

Правда, вскоре Ерофей Павлович убедился, что его собственных денег после разорения, учинённого предыдущими воеводами, для амурской экспедиции недостаточно. И тогда Францбеков предложил кредитовать его в частном порядке.

Набрав охотников, Хабаров осенью 1649 года на двух дощаниках, груженных продовольствием и снаряжением, отправился вверх по реке Лене. Дойдя до устья реки Олёкма, он далее следовал по ней, пока не вышел к реке Тунгир. Так как началась зима, то пришлось поставить на берегу несколько срубов, в которых участники экспедиции дожидались установления надёжного снежного покрова, и разведывать путь к Амуру. К тому времени отряд Хабарова насчитывал 70 человек.

19 января 1650 года Ерофей Павлович с товарищами оставили Тунгирское зимовье и отправились дальше вдоль замёрзшей реки. Лодки поставили на нарты и тянули за собой. К весне добрались до реки Урка, а через десять дней увидели Амур.

В верховьях Амура тогда жили дауры. В первой половине XVII века на них часто нападали маньчжуры, уводя в плен целые племена. Поэтому дауры при первых признаках опасности оставляли свои городки и спасались бегством. Хабаров с товарищами встретили по пути три подобных брошенных городка, прежде чем увидели живых дауров.

Этими городками управляли местные владетели (в документах XVII века их именовали князьками) братья Лавкай, Шилгиней, Гильдига и их зять Албаза. Хабарову удалось переговорить с ними и предложить принять российское подданство, но осторожные дауры предпочли уйти, не связывая себя никакими обязательствами.

Когда выяснилось, что братья-князьки могут собрать отряд в тысячу всадников, Ерофей Павлович решил не испытывать удачу. Он вернулся к первому даурскому городку и оставил в нём полсотни человек во главе с Дружиной Поповым, а сам с оставшимися отправился в обратный путь.

Отряд Попова не отсиживался за деревянными стенами, а вёл активную деятельность. Русские охотники ходили по приамурским городкам и призывали местных владетелей переходить под власть московского государя. В качестве подтверждения лояльности требовали платить ясак. 8 июня 1650 года прислал ясак Шилгиней. У него не было особого выбора, поскольку ранее люди Попова захватили его жену и младшего сына в заложники. Лавкай прислал дюжину соболей и шубу, сшитую из 28 собольих шкурок. Поступил небольшой ясак и от Албазы.

Когда у людей Попова закончился провиант, они отправились к городку Албазы и потребовали уплаты полноценного ясака, сообразно количеству людей этого владетеля. Но Албаза видел, что русских всего 52 человека, и что-либо платить им отказался. Вскоре Попову стало известно, что этот князёк собирается напасть на них и всех перебить. Надо было что-то предпринимать. На расстоянии полёта стрелы от даурского поселения русские поставили крепкий сруб с бойницами. Используя его как форт, они попытались внезапной атакой захватить городок Албазы. Но дауры были начеку и атаку эту отбили. Когда же на помощь Албазе подоспели его родственники, людям Попова пришлось засесть в своём срубе, защищаясь от разъярённых местных.

Хабаров вернулся в Якутский острог 26 мая 1650 года. Воеводе Францбекову он расписал приамурские земли в самых радужных красках. Дескать, и пашни там отличные, и леса отменные, и зверья в них видимо-невидимо, а соболя – самые лучшие из всех. Получив от Ерофея Павловича подробную информацию о походе, воевода дополнил её выдуманными подробностями и живописными деталями, которые должны были подчеркнуть все опасности и трудности этого предприятия, и направил доклад в Сибирский приказ.

Увидев реальную возможность присоединить малыми силами новые земли, Францбеков выделил Хабарову три пушки, порох и свинец из казны, а также два десятка служилых людей во главе с десятником Третьяком Ермолиным сыном Чечигиным. Также дюжину человек из отряда Хабарова зачислили в городовые казаки. Служилым людям полагалось жалованье за счёт казны, но их наличие в экспедиции позволяло воеводе именовать ватагу Ерофея Павловича "войском" или "полком", а его самого – "приказным человеком".

Помимо служилых Францбеков разрешил Хабарову набрать охотников, сколько нужно. Для их вооружения, обмундирования и пропитания Ерофей Павлович получил в казне разных припасов на 4857 рублей. Всё это потом нужно было погасить живыми деньгами или соболями. Но даже такого снаряжения оказалось мало. Чтобы закупить недостающее и иметь возможность расплатиться с охотниками, Хабарову пришлось взять у воеводы в долг 2900 рублей. Под обещание вернуть полуторную сумму! Чтобы не прогореть, руководитель экспедиции своим охотникам не выдавал снаряжение, а продавал под кабальные записи.

В Якутской приказной избе Ерофею Павловичу чётко поставили задачи: поставить на Амуре острог, укрепить его и установить пушки на башнях; с князьков Лавкая, Шилгинея, Гильдига и Албаза собирать ясак; всех иноземцев, живущих поблизости, призывать в российское подданство мирными средствами. Ещё ему рекомендовали отправить посланцев к "князю Богдою", которому дауры платили дань, и привести его в российское подданство.

Во второй поход Хабаров отправился 9 июля 1650 года. Чтобы добраться до отряда Попова как можно скорее, Ерофей Павлович разделил свои силы. Часть людей во главе со служилыми людьми Степаном Поляковым и Минулаем Юрьевым везла по реке Олёкме на дощаниках пушки, пищали, порох, свинец и прочие припасы, а остальные во главе с Хабаровым двигались так быстро, как только было возможно. К городку князька Албазы русские успели вовремя – отряд Попова ещё сражался. Что было дальше – хорошо рассказал служилый человек Иван Седельников:

"*И пришел к Албазину Ярко Хабаров. И увидел Албаза государевых людей и из Албазина побежал, городок покинув. И они с Яркой в Албазин вошли*".

Городок князька Албазы так и назвали, Албазин. В нём Хабаров со своими людьми зазимовал. В 1650 году он ещё совершил два похода на нартах по берегам Амура, а в начале 1651 года отряд под командованием служилого человека Третьяка Чечигина прошёл на запад до реки Шилка. Эти вылазки сопровождались призывами к местному населению принять российское подданство и заплатить ясак. Попутно удалось выяснить, что никакого "князя Богдоя" не существует, а есть "земля Богдойская". Так дауры называли владения богдыхана, маньчжурского императора.

Ерофей Павлович не забывал, что должен казне и воеводе Францбекову огромные суммы. Поэтому главным занятием его людей в зимний период была добыча пушнины. Попутно охотники, желавшие поскорее избавиться от кабалы, не пренебрегали возможностью пограбить местных жителей, что изрядно подпортило русским репутацию. Когда же соболя начали линять по весне, Хабаров отправил в Якутский острог собранный ясак, а также все сведения, которые удалось разузнать ему и его людям. Дружину Попова, героически отбивавшегося от дауров длительное время, тоже командировали в Якутский острог, к воеводе. А Францбеков, выслушав его рассказ, направил Попова вместе с соболиной казной в Москву, в Сибирский приказ. Там героя встретил дьяк Григорий Протопопов и записал сведения об экс-

педициях Хабарова и о приамурских землях. Дружину Попова после этого зачислили в городовые казаки.

Францбеков был доволен: его труды по умножению пределов Российского государства получили вящее подтверждение. А чтобы начальство прониклось всеми сложностями похода, он снова приукрасил его обстоятельства, описав битвы и сражения с даурами, которых на самом деле не происходило. Про Хабарова он не забывал и собрал ему подкрепление: три десятка служилых людей и более сотни охотников были отправлены с Терентием Чечигиным во главе.

Тем временем Ерофей Павлович починил дощаники, собрал провиант и 2 июня 1651 года отправился вниз по течению Амура. Албазинский острог на всякий случай сожгли. На следующий день русским встретился городок даурского владетеля Досаула. Но тот, по обыкновению дауров, ушёл вместе со своими людьми, едва узнал, что к нему скоро пожалуют чужеземцы, а городок свой сжёг.

Через несколько дней показалось новое поселение дауров, более крупное. Им владели Гойгудар, Олгемза и Лотодий. Эти князьки попытались помешать русским высадиться на берег, а когда их обстреляли из огнестрельного оружия, заперлись в своём хорошо укреплённом городке. Переговоры окончились ничем: Гойгудар и его братья наотрез отказывались покоряться и платить ясак.

Хабаров отдал приказ начать осаду. Его люди соорудили свои укрепления по периметру и начали из них обстреливать даурский городок из пушек. Когда удалось пробить брешь в стене, русские пошли на штурм. После жестокого боя удалось овладеть внешними стенами. На следующий день взяли следующее кольцо укреплений. А сражение за внутренний ("верхний") городок оказалось самым тяжёлым, так как оставшимся в нём даурам уже некуда было деваться, и они бились со всем отчаянием обречённых. Тем не менее, их отвага привела лишь к тяжелейшим потерям. В своём донесении ленскому воеводе Ерофей Павлович сообщал, что потерял четверых убитыми и 45 ранеными, тогда как у дауров погибло 427 человек во время штурма и ещё более двухсот при других обстоятельствах, а 243 женщины и 118 детей были взяты в плен.

Хабарову досталась богатая добыча. В Гойгударовом городке люди Ерофея Павловича пробыли полтора месяца, отправляя ко всем окрестным владетелям пленных дауров и передавая через них предложение покориться московскому царю. Но те не слишком торопились, дожидаясь, пока захватчики уйдут.

25 августа 1651 года люди Хабарова отправились дальше. Вскоре им встретился очередной городок, оставленный жителями. Как выяснилось, там правил князёк Банбулай. За стенами городка располагались поля, на которых колосились уже поспевшие зерновые. Люди Ерофея Павловича захотели их сжать, а руководитель экспедиции охотно продавал им серпы по рублю, а косы – по два рубля. Когда с жатвой было покончено, Хабаров рассказал своим охотникам, как богаты даурские городки на реке Зее, и те, кто хотел заняться землепашеством, отказались от мыслей осесть в Банбулаевом городке.

До устья Зеи экспедиция дошла за два дня. Поднявшись вверх по течению этой реки, люди Ерофея Павловича заметили крупный и хорошо укреплённый городок. Хабаров отправил разведчиков на лёгких стругах. Оказалось, что городские стены никто не охраняет. Пользуясь благоприятной ситуацией, разведчики овладели укреплениями без боя. А владетели городка, Толга, Туронча и Омутей, вместе со своими лучшими людьми в это время пировали за пределами стен. Когда дауры спохватились, русские уже поднялись на стены и башни. Омутей и его родичи успели сбежать, а вот Толге и Туронче не повезло: их окружили.

Хабаров пытался предотвратить ненужное кровопролитие и предложил князькам принять подданство России и платить ясак. Те вроде как согласились и даже послали за Омутеем.

Когда тот вернулся, все три местных владетеля присягнули московскому царю. Вскоре поступил и ясак, 60 соболей.

Дальнейшие сведения об этом эпизоде сильно отличаются. Есть публикация, в которой утверждается, что Хабаров проявил себя очень жестоким человеком, казнив множество дауров. Есть версия, что русские и дауры начали приспосабливаться друг к другу и Ерофей Павлович начал готовить городок к зимовке. Но 3 сентября 1651 года многие местные жители сбежали. Четверо суток русские ожидали их возвращения, а 7 сентября Хабаров отдал приказ сниматься с места и садиться на дощаники. Оставаться в городке Толги на зимовку он посчитал слишком опасным, подозревая местных дауров в вероломстве.

Русские вернулись в Амур и направились вниз по течению. Прошли, не останавливаясь, через земли, населённые гогулами, потом дючерами. 29 сентября заметили на левом берегу Амура утёс, рядом с которым проходила протока. Это место признали подходящим для зимовки. Дощаники завели в протоку, на высоком месте построили две сторожевых башни и одну проезжую, а между ними поставили стены. Внутри городка места оказалось немного, поэтому все избы для проживания участников похода там не поместились. Часть срубов пришлось ставить под стенами.

5 октября 1651 года Хабаров отправил сотню охотников для заготовки рыбы к устью ближайшей реки: там как раз шли на нерест лососёвые. Здешние земли были неплохо заселены, поэтому местные жители, ачаны, наблюдали за чужаками и сразу же заметили, когда пришлых стало меньше. 8 октября рано утром к зимовью Хабарова подошли две больших лодки, в каждой из которых находилось по 50 – 60 человек. Ачаны высадились на берег, бесшумно сняли часового и принялись поджигать стены городка.

Люди Ерофея Павловича не растерялись. Облачившись в доспехи, 36 русских принялись оборонять стены, стреляя в нападавших из пушек и пищалей, а семь десятков охотников выбрались через ворота и атаковали ачанов со спины. Бой длился около двух часов. Городок удалось отстоять. Ачаны побежали к лодкам и вскоре ушли вверх по Амуру. На следующий день вернулись рыболовы. С тех пор охрану городка усилили, оставляя ночью на дежурстве по нескольку человек, а стены укрепили.

Зимой занимались обычными делами, охотой на пушного зверя, да сбором ясака с местных племён. Ачаны дали заложников и 80 шкурок соболя. Их союзники дючеры – 200 шкурок и братьев вождя.

А 24 марта 1652 года на Ачанский городок напали маньчжуры. Их отряд, насчитывавший более двух тысяч человек (по другим сведениям – 600 человек), вышел из Нингуты ещё в конце 1651 года. За три месяца это войско, которым командовал фудутун Хайсэ и полководец Сифу, преодолело более тысячи километров и, в конце концов, обнаружило место, где зимовали русские. Маньчжуры имели при себе 6 пушек и 30 пищалей. Их атака началась на рассвете. Первым делом люди Хайсэ собирались уничтожить русских, которые ночевали в срубах за пределами городских стен. А потом намечалось расправиться с остальными.

Но люди Хабарова не потеряли присутствия духа. В одном исподнем они выбирались из срубов и через стены острога лезли к своим. Затем, взяв оружие, открывали ответный огонь по врагу. Первый натиск маньчжуров удалось отбить. Но за ним последовал второй, третий и так далее. К концу дня люди Хайсэ смогли занять срубы под стенами острога и с их крыш открыть прицельный огонь по защитникам городка. Русским пришлось залечь на время, а маньчжуры подошли к стене и начали прорубать в ней брешь. Когда пролом был готов, нападавшие стали подтаскивать туда пушки. В этот момент наступило некоторое затишье в ходе сражения, так как маньчжуры не хотели подстрелить своих.

Этого хватило, чтобы люди Хабарова собрались с силами и подкатили к бреши свою пушку. Маньчжуров, идущих на штурм, начали расстреливать прямой наводкой, а пушкари на башнях поддержали огонь сверху. Когда ошеломлённые враги побежали в безопасное место,

Ерофей Павлович оставил полсотни человек охранять острог, а сам во главе полутора сотен русских бойцов бросился преследовать противника. В вечерних сумерках не было заметно, что защитников Ачанского городка совсем немного по сравнению с количеством маньчжуров. К тому же люди Хабарова захватили две вражеских пушки и тут же применили их против врага.

Штурмовая группа фудутуна Хайсэ обратилась в бегство, увлекая за собой и остальное войско. В суматохе маньчжуры бросили обоз со снаряжением и продовольствием, а также немалое количество оружия. Как докладывал потом Хабаров, его отряд потерял 10 человек убитыми, а 76 получили ранения. Вражеские потери Ерофей Павлович оценил в 676 человек. А добычей экспедиции стали 830 лошадей, обоз с хлебом, 2 пушки, 17 пищалей и 8 знамён.

Русским немало помогло то обстоятельство, что более половины маньчжурского войска составляли дауры, тунгусы и другие жители Приамурья, которых полководцы богдыхана захватили в плен и насильно обратили в солдаты. Эти подневольные люди не желали воевать и при первой же возможности разбежались. За провальный поход фудутуна Хайсэ наказали, а непосредственно командовавший войсками Сифу был отстранён от своей должности и получил 100 ударов плетьми.

Люди Хабарова похоронили своих павших товарищей возле Ачанского городка, починили стены и продолжили собирать ясак. После победы над маньчжурами это стало проще, так как сильных всегда уважают. А когда Амур освободился ото льда, участники похода починили свои дощаники и пустились 22 апреля 1652 года вверх по течению, в земли дючеров. В прошлом году Ерофей Павлович не останавливался в них, торопясь найти место для зимовки. А теперь намеревался собрать с дючеров ясак.

В том месте, где река Сунгари впадает в Амур, русских поджидало новое войско маньчжуров, ещё большее по численности (6 тысяч человек). И только чудо спасло людей Хабарова от новой кровавой битвы, победить в который было бы крайне сложно. Ни русские, ни маньчжурские дозорные не заметили вражеского войска, а дощаники прошли это место под парусами при хорошем попутном ветре.

В июне Ерофея Павловича нагнал отряд Терентия Чечигина. Получив подкрепление и пополнив запасы пороха и свинца, участники похода собирали ясак с дючеров, потом с дауров. В конце июля 1652 года Хабаров и его люди остановились во владениях князька Кокурея, сына Турончи в устье реки Зеи. Ерофей Павлович хотел построить там острог и зазимовать в нём. Но более сотни человек из отряда выступили против этого. 1 августа они захватили три дощаника с казной и запасами и пустились вниз по Амуру. Попытки догнать их на лодках и убедить вернуться успеха не имели.

В этих обстоятельствах оставаться на зимовку в устье Зеи было опасно. Хабаров составил докладную записку Францбекову и отправил её в Якутский острог с надёжными людьми. Помимо всего прочего, он попросил военной помощи от Сибирского приказа. Затем распустил среди дауров слух, что вот-вот на Амур придёт огромное войско из Москвы. Это известие дошло до маньчжуров и заставило их отвести свой отряд от устья Сунгари вглубь страны, чтобы избежать нежелательной войны. После проигранного сражения у Ачанского городка они побаивались русских.

Собрав оставшихся людей, Хабаров 9 августа вышел из устья Зеи и направился вниз по течению Амура. 30 августа 1652 года он обнаружил острог, построенный беглецами из его отряда. По приказу Ерофея Павловича рядом был сооружён второй городок, в котором установили пушки. По беглецам дали залп, но это их не напугало. И тогда Хабаров собрал своих людей с оружием рядом с острогом и скомандовал начать штурм. Этого оказалось достаточно, чтобы беглецы сдались.

Ерофей Павлович учинил суд и приговорил 12 человек к наказанию палками. По некоторым данным их "*батогами били вместо кнута, без рубах насмерть*". Четверых зачинщиков бунта заковали в кандалы по рукам и ногам и посадили на несколько дней в тесной каморке.

В этом самом городке и зазимовали. До весны 1653 года люди Хабарова добывали пушнину, ловили рыбу для собственного пропитания и собирали ясак с гиляков.

Тем временем в Сибирском приказе шло расследование действий воеводы Францбекова и всех его людей. Начало этому процессу положил донос, поступивший 18 февраля 1652 года от дьяка Петра Григорьевича Стеншина. У Стеншина с Францбековым были давние счёты, начавшиеся ещё на прежней службе. Став ленским воеводой, Францбеков припомнил своему неприятелю былое и учинил тщательную проверку всех дел. Разумеется, вскрылись многочисленные нарушения, за которые Стеншина посадили в тюрьму, конфисковав всё его имущество.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.